СТРАННИК

ПЕРЕПИСКА С КЛЕНОВСКИМ

ПАРИЖ
1981

АРХИЕПИСКОП ИОАНН ШАХОВСКОЙ

ПЕРЕПИСКА С КЛЕНОВСКИМ

Редакция Р. Герра

ПАРИЖ
1981

ЭТА КНИГА – VI ТОМ СОБРАНИЯ ТРУДОВ
АРХИЕПИСКОП ИОАННА ШАХОВСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дмитрий Иосифович Крачковский (Кленовский) родился 24-го сентября 1893 года в Петербурге, скончался 26-го декабря 1976 года в баварском городе Траунштейне, прожив с женой своей Маргаритой Денисьевной около полувека.

Его уже нет среди нас, но с нами осталась его душа, хорошая, немного страдальческая улыбка и его слова, стихи, письма. Ветром войны, в 1941 году, Крачковские были изъяты из Царского Села и перенесены в Баварию. Вскоре после войны, меня с ним познакомило его одно из лучших религиозных стихотворений русской поэзии: «Свет горит во мне и надо мною». В конце 40-х годов мы с ним встретились в баварской деревушке и стали переписываться; и не раз встречались во время моих приездов в Европу.

Все эти три десятилетия нашего общения, Кленовский болел, как человек, и рос, как поэт. К 70-м годам он стал все боле чувствовать свою старость и зависимость от ближайшего своего ангела, жены, Маргариты Денисьевны. Он посвящал ей почти все свое творчество и в ее лице он был вознагражден ангелами за все стихи свои о них.

Друзья Кленовского были друзьями его поэзии. С их незаметной помощью начали выходить сборники Кленов-

ского. Он не только стал, но и твердо признан одним из лучших поэтов Русского Зарубежья. Думаю, что он и один из лучших лириков России середины нашего века. Печать большой поэтической личности лежит на нем.

Бывает, что за стилистическими усложнениями и даже мастерством, мы не видим поэта. И тàк он ведет свою строчку, и иначе, и опускает, и поднимает ее, и позванивает аллитерациями, а поэзия только мошкой малой летает около стихов.

Если перегруженность притянутыми звуками и аллитерациями есть второе несчастие поэзии наших дней, то первое ее несчастье, — *каскад различных предметов*, обрушивающийся на стихи поэта. Он хочет сразу обнять весь мир, он слишком отзывчив на мир и покрывает свои строки его предметами. И теряется неповторимость слова. А поэзия дается, чтобы многое вместить в каждой молнии, в каждом цветке.

Творчество Кленовского свободно от словесных перегрузок и всякого перечислительного энтузиазма. Его поэзия безупречно соразмерна, у него нет столпотворения ни вещей, ни звуков. Он говорит просто, иногда как бы по-домашнему, но всегда есть в нем торжественность, даже в самом малом. Капля по капле, текут его строки, рождая мир поэзии, строго ему принадлежащей. Не надо торопиться, читая его. Это мир отзывчивости, в которой мы нуждаемся.

«Если в пятом часу утра,
Когда спать всем давно пора,
Свет в чужом окне пробивается —
Значит там не то, что у всех,
Значит слезы там или смех,
Иль страдают, иль наслаждаются.

Скажешь только: что мне до них,
До объятий и бед чужих!
И уйдешь своею дорогою
Неприкаянным недотрогою.
А ведь может быть суждено
И тебе такое окно,
Да к тому же (ведь все случается!)
То как раз, за которым маются.»

Слова точны и прозрачны. Поэту достаточно малого, чтобы явилась поэзия. Таково ее чудо. Конечно, у него есть перепевы, но нет подражания себе. Стих его всегда нов.

И ангельская тема остается пред ним, не только, как близость мира потустороннего, но и новое измерение реальности видимого.

«Мой Ангел! Если «там» прозреть нам не дано —
Зачем об этом мне ты не сказал давно,
Чтоб я сердца людей надеждой не тревожил
И просто, без стихов мой век ненужный прожил?
Ты знаешь, как всегда я вслушиваюсь в тишь
И вглядываюсь в мрак — и все-таки молчишь!
О, неужели я совсем напрасно трачу
Всю жизнь мою (всю жизнь!) на эту неудачу?
Но, может быть, твое молчанье — это знак,
Что о нездешнем «здесь» не рассказать никак.
Что мы лицом к лицу с непостижимой бездной,
Что вопрошать ее и слушать — бесполезно,
И от меня ты так в себе замкнулся весь
Не потому, что нет, а потому, что есть.

И читатель видит всё более, что поэт уходит от второстепенного и всматривается в грядущую на него Большую Жизнь, выходит навстречу ей.

Эта наша «Переписка», есть некая повесть о жизни и поэзии.

⁂

Я благодарен вдове поэта, Маргарите Денисьевне Крачковской, за ее разрешение опубликовать эти письма и признателен историку русской Зарубежной Литературы, проф. Ренэ Герра, и хранителю моего Архива, д-ру А. С. Селаври, за их редакционный труд.

Опубликовываю эти письма Кленовского ко мне и свои к нему, лишь с небольшими сокращениями, не имеющими значения для данной публикации.

Благожелательный к поэзии и открытый к человеческой дружбе читатель воспримет нашу Переписку в ее целостной простоте.

С т р а н н и к

1981 г. Южная Калифорния.

Глубокочтимый и дорогой Владыко!

Получил ласковое письмо Ваше. Спасибо от всего сердца и за ласку и за трогательную Вашу помощь, которая мне сейчас столь необходима!

Безмерно порадовали Вы меня сообщением, что стихи мои посетили по эфиру мою несчастную, любимую родину!* Казалось мне, что все пути им туда заказаны! А вот, с Вашей помощью, преодолели они железный занавес! Не менее порадовало меня и благосклонное суждение Ваше о новых моих стихах. Со своей стороны горячо приветствую прекрасные Ваши из присланной мне Вами газеты; особенно понравилось мне второе, всё светящееся изнутри кристальной простотой. Нобелевскую премию придется, видимо, Владыко, поделить между нами двумя!

Здоровье жены, хотя и очень медленно, но продолжает улучшаться. Посылаю Вам еще два стихотворения, прямо из печки, как Вы просили во время нашего свидания в Мюнхене!

Еще раз — сердечное, глубокое за всё спасибо!

Поручая себя молитвам Вашим, душевно любящий Вас

Д. Крачковский

16 августа, 1951 г.

---

* В одной из моих Радио-Бесед по «Голосу Америки» я впервые прочел стихотворение Кленовского: «Свет горит во мне и надо мною», как чистое выражение веры в Бога, духа любви к Богу.

А.И.

Глубокочтимый и дорогой Владыко!

Узнал, что, будучи в Лос Анжелосе, Вы справлялись у С. по телефону обо мне и просили передать свой привет и благословение. Спасибо за то и другое! Письмо от Вас я получил в последний раз в середине августа, тотчас-же ответил Вам (приложив стихи) и поблагодарил. Далее-же, не получая от Вас более никаких весточек, не решился больше беспокоить Вас своими письмами, только к Рождеству Христову послал Вам поздравительную карточку. Теперь же, узнав из писем А. В. и Е. В., что Вы интересуетесь моей судьбой — берусь опять за перо.

Самое радостное, чем могу поделиться с Вами, это известие о предстоящем выходе новой книги моих стихов «Навстречу небу». Рукопись уже в типографии и, если не случится ничего непредвиденного, книга выйдет в марте из печати, а в апреле дойдет и до Вас. И на этот раз, как 2 года тому назад, издание книги — безкорыстный акт дружбы со стороны одного верного почитателя моих стихов, взявшего на себя вторично все расходы. Как и в первый раз, я на этом, конечно, не зарабатываю ни копейки, но счастлив уже и тем, что мои стихи увидят свет.

На этом счастливые вести кончаются. Всю эту зиму я болею и притом не случайными, а хроническими, видно всё углубляющимися, болезнями. Сильно за последние полгода сдал: ослабел, постарел. Плохо с сердцем. Дошло до того, что жене, самой еще в сущности на 3/4 больной и беспомощной, приходилось то и дело за мной ухаживать. Не щадя своих сил, она в таких случаях скоро сваливалась сами ... Так мы и подпираем друг-друга по очереди, как две жердочки, пока окончательно не повалит нас ветер.

А как Вы поживаете, дорогой Владыко? Здоровы ли? Из посылаемых мне иногда Вашей канцелярией, №№ Вашей газеты я с интересом знакомлюсь с новым, всегда вдохноевнным, словом Вашим.

Жена просит передать Вам свой сердечный привет.

Глубоко любящий Вас и поручающий нас обоих Вашим молитвам

Д. Крачковский

12 января, 1952.

Прилагаю стихотворение.

О детстве вспомнить хорошо,
Хотя-б оно и горьким было.
Оно цветным карандашом
В тетради жизни, не чернилом.

Нагнись над нею и прочти
Неназываемые краски.
Да! стерлось многое почти,
Но потому еще прекрасней.

Смотри, как радостно-легки
Над крышей крохотного дома
Цветов огромных лепестки
И крылья бабочки огромной.

Пойми чудесный этот взлёт!
В рисунке детском не спроста ведь
Все то, что дышет и цветет,
Все мертвое перерастает!

Ведь в лепете карандаша
Под неуверенной рукою
Поет свободная душа,
Еще не ставшая земною.

Она привыкнет и врастет
В законы, сроки и границы,
Но прежний запредельный взлет
Еще ей долго будет сниться...

До самой смерти, до конца,
Чтобы в последнее мгновенье
В чертах уснувшего лица
Расцвесть улыбкой возвращенья.

*
* *

Тяжело, конечно, здесь и горько,
Ничего не удержать в руке...
И одно освобождает только:
Холодящий иней на виске.

Вот уйду и звездному глаголу
Научусь (в который раз!) опять,
Чтобы все, что было здесь тяжелым,
Самым легким именем назвать.

Окт. 1952 г.

ПОСЛАНИЕ В ТРАУНШТЕЙН

Две музы и три грации
Прилетели к лучшему поэту эмиргации:
Скажи нам, милый поэт,
Сколько ты поэтом лет?
Под каким ты родился кленом
В нашем лесу зеленом?
Отвечает лучший поэт эмиграции:
Я родился еще при Горации,
Пел при Игоре и Ярославе,
При Петре был уже во славе.
С Пушкиным много дружил,
Как царскосельский старожил.
Анненский при мне возник, —
Гумилева я ученик...
И не было бы это все странно,
Не встреть я епископа Иоанна.
Сей тяжелый прелат,
Который лишь по земле крылат,
Был рад

Наложить на меня прещения
И лишить меня *перевоплощения!..*
Услышав слово это, музы и грации
Вздрогнули пред лучшим поэтом эмиграции;
Закричали музы, грации засвистели,
Тебе, поэт, без году две недели,
Ты еще почти не открылся,
Ты по настоящему не родился,
Живешь еще в утробе матери, без сомненья, —
Где там у тебя *перевоплощенье!*
Поэт, ты не пришел в жизнь, а только зван,
Прав епископ Иоанн.
Чутко ты пишешь о своем Ангеле,
Послушайся его, веруй в Евангелье,
Жди от Спасителя спасения,
А не от *перевоплощения...*
Ты, поэт, мастер отдавать дань гробу,
Созерцай землю, как единую утробу;
Всякий человек, как из яйца птица,
Только однажды в жизнь родится.
И во мгновенье силен Творец проверить,
Во что человек может верить,
И отрыть,
Что человек способен любить.
Не думай, что эта истина сурова, —
Так говорит Божие Слово!
Мы его изменять не смеем,
Прочти начало Послания к Евреям...
Замолчали музы, притихли грации
И заплакали, пред лучшим поэтом эмиграции.
И словно светлее на земле стало,
Яркая звезда с неба упала
В непроглядную мира синь,
И имя той звезде было »полынь«,
Что значит струение вод Мерры
В Жизнь Одну, Радостную без меры.

Сан Франциско,
Октябрь 1952.

ОТВЕТ НА ПОСЛАНИЕ

Жил я спокойно, беды не чая...
Вдруг — получаю
Щепотку чая,
Да не простого, а потогонного
Из сада Епископа возмущенного.
Отведав сего могучего зелия,
Потерял я всяческое веселие,
Лег в кровать, накрылся периною
И потел трое суток с половиною.
В результате подобного лечения
Испарилось все оккультное увлечение,
И от антропософского учения
В городе Траунштейне
Не осталось, как говорится, штейна на штейне.
Шлю Вам, Владыко, благодарение
За чудесное мое омоложение!
Я думал: лет мне тыщи и тыщи,
Вся мудрость мира мне служит пищей, —
И вдруг очнулся я недоноском:
Животик — припудрен, во рту — соска.
Еще и азбуке-то учиться рано!
Подержусь-ка за ручку епископа Иоанна,
А затем займусь начальным образованием
Там, где несть ни печали ни воздыхания.

Все это только шутки, конечно!
Мыслю об этом не так беспечно!
И Ваше, любовью омытое, слово
Душа и взять и взвесить готова.
Ведь правда от сердца к сердцу просится!
А Ваша — сладчайшая мироносица!
И пусть она больше впредь не тревожится:
Верю!! — а все остальное — приложится!

Д. Кленовский

3 Ноября 1952 года.

ПИСЬМО ПОЭТУ

«... Мы ведь, как Вы знаете, одно целое!»

(из письма поэта о себе и жене).

Черным по белому,
Пишу существу целому,
Где у общего и личного
Нет столбика пограничного.
Существо это необыкновенное,
Неделимое, нешвенное,
Растущее, как растение,
Без всякого средостения.
Особенность у него толикая,
Оно — двуликое.
И, если один страдает порой,
То стонет непременно другой.
Таково единство существа,
Стоящего выше естества,
И, само того не зная,
Вошедшего в радость Рая.
Честь воздаю жизни *одной*.
Я же, весьма земной,
Далек от ее законов,
Полон — самых личных — охов и стонов,
Но, видя у кого то совершенство,
Предвкушаю и я его блаженство.

ноябрь, 1952.

Стихотворение вошло в Сборник — Странник «Иронические Письма» (Париж 1975 г.).

9 ноября 1952 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыко!

Никогда еще Ваши письма не доставляли мне такой радости, как последнее! Какое оно ласковое, хорошее, близкое! Как чудесно соединили Вы меня с женой в некое двуединое естество! Это как раз то, что мы и сами ощущаем, и Ваше восприятие вот этого нашего поистине неразрывного душевного единения — нас особенно и взволновало и обрадовало! Жена не менее меня растрогана Вашими ласковыми словами и так же радостно их переживает.

Спасибо и за цветочек! Поскольку постольку — недугующих на этот раз не оказалось — бумажка вручена не Марии, а Марфе.

А уж что оказалось совсем редкостным подарком — это Ваше ко мне стихотворное послание! Стоило согрешить, чтобы получить столь вдохновенное назидание! Проявленные при этом Вами терпение и кротость особенно меня тронули! Я поспешил в день получения письма ответить Вам (4-го ноября) тоже в стихотворной форме.

Древо моей поэзии плодоносит в последнее время скудно. Это потому, что очень докучают мне мои недомогания. Посылаю Вам в этом письме то немногое, что я написал после выхода в свет «Навстречу Небу», оно еще нигде не было напечатано и вообще еще никому неизвестно.

На книгу мою продолжаю получать теплые отклики, как от малых, так и от великих мира сего. В свое время меня отговорили послать «След Жизни» Бунину, уверяя, что он — озлобленный эгоист и не признает никаких поэтов, кроме самого себя. Теперь я послал ему сразу обе книги. И вот недавно получил от него очень сердечное письмо с лестным отзывом о моих стихах и обещанием прислать свою книгу. Пришло мне также в голову послать книги балерине Карсавиной, живущей теперь на покое в Англии. Своим замечательным искусством она доставила мне в юности большую радость. Подумалось: верну ей «долг моего детства», может мои стихи будут нужны ее старости!? Так

оно и оказалось! Пишет, что мои стихи в тяжелые для нее дни принесли ей большое утешение, спрашивает даже не было-ли у меня такого предчувствия, когда я ей их послал?

Жена шлет сердечный привет. Поручая нас обоих молитвам Вашим, душевно любящий Вас

Д. Крачковский

P.S. Вам будет вероятно интересно, прочесть, Владыка, что мне написали из Нью Йорка по поводу моего «Всевышнему». Там был вечер художественного чтения, на котором очень известная исполнительница стихов Лариса Гатова прочла это стихотворение. В газете «Новое Русское Слово» об этом написано так:

> «Лариса Гатова прекрасно продекламировала два стихотворения Максимилиана Волошина и ряд философских стихотворений из мировой литературы. Следует отметить глубокую по содержанию «Молитву» («Всевышнему») Д. Кленовского».

Мне пишут, что Гатова прочла мои стихи после «Молитвы» Верхарна как «другую молитву нашего современника, имя которого, вероятно, Вам всем известно, — я говорю о Кленовском» — объявила Гатова. Автор письма добавляет: «Ваше стихотворение имело у слушателей огромный успех».

Д. К.

Майским утром, в роще золотистой,
Пеньем птиц пронизанной насквозь,
На тропе, опять уже душистой,
Повстречаться с ним мне довелось

Он скользнул сквозь дрогнувшие ветви.
На росой умытую траву,
Ждал меня, мучительный и светлый,
Словно сон, пришедший наяву.

— Ангел мой! — сказал я — почему ты
Для меня — на дальнем берегу?
Почему я ни одной минуты
Здесь побыть с тобою не могу?

Почему ты только шум прибоя,
Дымный луч, волнистая стезя?
Почему ни говорить с тобою,
Ни тебя увидеть мне нельзя?

...Облако-ль внезапно набежало,
Паутинка-ль оборвалась сна,
Только вдруг, гляжу, его не стало,
Снова только роща и весна.

Но ответ я все-таки расслышал,
И его мне прошептавший — прав:
Надо услыхать меня, не слышав,
И меня увидеть, не видав!

1952

1 декабря 1952.

Дорогой и глубокочтимый Владыко!

Получил ласковое письмо Ваше с от сердца идущим советом* (об ангелах), тронувшим меня, как еще одно доказательство Вашего расположения к моему творчеству и заботы о дальнейшем моем художественном пути. Боюсь только, Владыко, что Вы по доброте душевной преувеличиваете мои духовные возможности! Хотя я, конечно, только некая «проводка» для слова «оттуда», но и для этой скромной роли нужна все-таки доброкачественная «аппаратура». И вот моя, для той огромной задачи, к которой Вы меня подталкиваете, кажется мне недостаточной... Что было в моих силах восприять — я воспринял, а большее, да еще в масштабе целой книги, едва-ли возможно. Все-же

* Совет мой в том, что, видя близость поэту темы ангелов, я пожелал, чтобы он учел их *сиротство в этом мире* среди людей, редко учитывающих их реальность, и предложил сделать тему ангелов — *своей темой.* Кленовский, как видно из всего его творчества, принял это мое пожелание к сердцу. Оно совпало с его мироощущением. Ангелология Кленовского может быть в будущем темой специального исследования. А.И.

псевдо-Ареопагита постараюсь разыскать. *Ангелов* же я, действительно, ощущаю совсем реально, как нечто иное оттуда.

Разделение Вами поэзии на субъективную и объективную (Вы рекомендуете мне посвятить себя последней) мне не вполне понятно. На мой взгляд всякое творчество всегда только субъективно. Даже в портретах с одной и той же модели, написанных различными художниками, в первую очередь бросается в глаза субъективное восприятие каждого из них оригинала. Не субъективна только фотография, но зато и нет более страшного упрека художнику, как упрек в фотографичности. Мир и Бог воспринимается поэтами через себя и всегда по иному. Рифмованное переложение Кленовским Ареопагита — никому не нужно. Воздействие Ареопагита на душу Кленовского и субъективное в ней преломление — это дело другое, но тут ведь как раз исчезает тот объективизм, которого Вы от меня требуете! Что касается «варьяций на тему», против которых Вы меня предостерегаете, то, мне кажется, тема эта столь велика, что никакими варьяциями ее не обеднишь и не исчерпаешь. Ведь так и церковный проповедник — весь в варьяциях на «одну» тему! Но, конечно, к Вашему предупреждению надо прислушаться, ибо если уж Вам, князю Церкви, моя тема наскучила, то что же тогда говорить о «малых сих»! Для последних, впрочем, и «книга об ангелах» покажется варьяцией на одну тему...**

Есть у меня к Вам, дорогой Владыко, просьба:

20 декабря по новому стилю исполняется вторая годовщина смерти моей матери. Вы безмерно порадовали бы меня, если бы нашли возможность поручить кому-либо из

** Могу отметить, что моя мысль *о субъективности и объективности* в поэзии (недостаточно здесь выраженная) имеет в виду творчество поэта, как концентрирующееся только на его собственных переживаниях и модуляциях его «я», и творчество более свободное, обще-бытийственное, отрешенное от личности поэта. Иначе сказать, излияние чувств поэта (хотя бы самых благородных) о самом себе, или полный трансензуз их. Оба рода форм, конечно, законны в поэзии и где то (м. б. в таланте поэта) сливаются в единую подлинную лирику. А.И.

своих иереев отслужить по ней краткую панихиду. Если можно, помяните, пожалуйста, и сами в этот день покойную (Вера) и ближайших сродственников ее и моих: Иосифа, Ольгу, Николая, Анну, Юлию. Буду Вам глубоко признателен!

Поручая себя молитвам Вашим, Ваш всей душою

Д. Крачковский

14.XII.52.

Глубокочтимый и дорогой Владыка!

Жена и я шлем Вам наши самые сердечные поздравления к празднику Рождества Христова и наилучшие новогодние пожелания.

Получили Ваше письмо, тронувшее меня до глубины души Вашим опасением, что Вы эту самую душу растревожили поэтическими советами. Вы теперь очень точно расшифровали свою мысль и я Вас отлично понимаю. Вы во многом правы, но боюсь, что советы Ваши мне не по плечу, как поэту. У меня нет уже ни сил физических, ни дыхания душевного для столь сложного и ответственного произведения, как поэма. Мне кажется, что и не следует гоняться за тем, что тебе не по силам. К тому же у каждого поэта своя сфера действия. Тютчев поэм не писал, а его книжечка «томов премногих тяжелей». Мне казалось, что уж кто-кто, а Вы цените «тяжесть» малого... Может, этой «тяжести» в моем малом нет, но тогда не будет ее и в большом!

Душевно любящий Вас

Д. Крачковский

Глубокочтимый и дорогой Владыко!

Не откажите мне в большой услуге: ответьте мне, пожалуйста, незамедлительно на один остро интересующий меня церковный вопрос. Прежде, однако, чем его изложить, я должен, дабы у Вас не возникло каких-либо за меня опасений, оговориться, что вопрос мой *никак* не связан лично со мною, а возник у меня в связи с одной литературной темой, над которой я сейчас работаю. Этим вызвано и желание получить от Вас ответ по возможности *быстрее,* дабы не прошло то, что принято называть «вдохновением». Итак, вот что именно меня интересует:

Каково *отношение Православной Церкви к самоубийцам?* Я, конечно, знаю, что Церковь строжайше осуждает самоубийство, но в чем это конкретно выражается? Хоронит ли Церковь самоубийц, служит ли по ним панихиды, поминает ли их в молитвах? Имеет ли право священнослужитель, *зная,* что дело идет о самоубийце, похоронить его, помянуть и т. п.? Меня интересуют в данном случае *церковные правила,* а не практика, ибо, как мне кажется, на практике многое «сгладилось», на многое смотрят сквозь пальцы. Помнится, в старые времена строгости на этот счет были большие: самоубийцу хоронили за кладбищенской оградой, без креста. Как на этот счет теперь?

Я слышал, будто Православная Церковь только *раз в году,* на пасхальной обедне, после заутрени, *молится о самоубийцах.* Так ли это? Но есть и другая версия: будто Церковь вообще за них не молится, но по *народному верованию* за них можно молиться раз в году, на пасхальной обедне. *Существует ли такое народное верование,* если нет на этот счет церковного правила? Ваш ответ на эти вопросы (изложенные в предыдущих 10 строках) мне *особенно важно* получить!

Простите, Владыка, за беспокойство! Буду глубоко признателен Вам, если пришлете, как можно быстрее, исчерпывающий ответ.

Поручая нас молитвам Вашим,
душевно любящий Вас

Д. Крачковский

25 февраля, 1953 г.

Глубокочтимый и дорогой Владыко!

Спасибо сердечное за быстрый ответ на мои вопросы, а также за зеленую начинку — заботливую помощь Вашу!

Из пояснений Ваших уясняю, что ныне Церковь гораздо терпимее относится к самоубийцам, чем прежде,* конечно, не к самому греху вообще, а к тем, кто его уже совершил. Это меня, представьте себе, даже... разочаровало! Жаждал я полнейшей строгости! А почему? Да потому, что вдохновился я рассказом из одной старой книги о том, что молиться за самоубийцу можно только раз в году, в пасхальную ночь, когда небесные силы особенно сильны, и написал нечто вроде баллады с повторяющимся несколько раз двустишием:

О тебе молиться можно
Только раз в году!

И вот теперь, приходится эту мою балладу, в которую вложил много души, считать как-бы «не бывшей»! Ну не досадно ли? Оттого и жаждал от Церкви строгости — типичный для писателя эгоизм!

А вот об этой молитве в пасхальную ночь слыхали ли Вы что-нибудь? Думаю, что это было народное верование из тех времен, когда Церковь действовала согласно «Настольной книге» Булгакова. Эту прежнюю строгость и наша старая литература подтверждает.

Если попадется Вам в руки № 31 Нового Журнала, то там есть мои стихи на необычную для меня тему — о родине. Но во второе (из трех) вкралась досаднейшая опечатка. Начало его надо читать так:

Странно: в ненависти иной
Больше близости, чем *в* любви.

---

* В «Настольной книге для священнослужителей» о. С. Булгакова (не Сергея Николаевича) изд. 1913 г. сказано: «Панихиды по умышленным самоубийцам не должны быть отправляемы; тем более, конечно, эти лица не должны поминаться на литургии. Самоубийц Церковь не хоронит» (стр. 1350 и 1361).

Жена шлет Вам свой самый сердечный привет. Поручая нас обоих молитвам Вашим (оба сильно в них нуждаемся...), душевно любящий Вас

Д. Крачковский

30 марта, 1953.

Христос Воскресе!

От всего сердца приветствуем Вас оба со светлым Праздником Христовым! Самый это замечательный и радостный день в году, но здесь, в Германии празднуют его совсем бледно. Слышал, будто и в Америке не лучше. Невольно переносишься мыслями в детство, в прежнюю Россию, к Двенадцати Евангелиям, к Заутрене...

Живется нам всё так же. Болеем. Стареем. Невесело...

Порадовал меня Бунин: прислал свою, только что вышедшую в Чеховском издательстве книгу рассказов, с надписью «дорогому собрату».

Стихов новых нет, так что прислать Вам нечего.

13 апреля, 53 г.

Глубокочтимый и дорогой Владыко!

Получил милое Ваше Пасхальное приветствие, очень нас тронувшее; сердечное спасибо за неизменную Вашу о нас заботу!

Очень тронуло меня и повторное усилие Ваше дать мне достойную творческую тему. Предложенная Вами сейчас — интересна чрезвычайно и сразу-же вызывает отклик в душе. Недостаток ее, однако, на мой взгляд, в том, что она, если можно так выразиться, слишком «профессиональна», слишком «спор славян между собою», а потому для читателя не-поэта — неинтересна. Не исключено, что в

дальнейшем я в той или иной степени этой темой воспользуюсь; пока же что, посылаю, в порядке простого обмена мнениями, мои рифмованные суждения по этому вопросу, то, что на первых же порах пришло на ум.

Поломал я голову над тем, устами какого из двух поэтов Вы сами, Владыко, глаголите! Логика говорит за то, как будто, что устами первого, а сердце — что устами второго. А не вернее-ли будет сказать, что устами того и другого *вместе??* Первый поэт, вообще, более напоминает мне не поэта, а священнослужителя, поскольку в словах его чувствуется, — ну как-бы сказать? — некая догматическая суровость, что-ли. Правильнее было-бы поэтому озаглавить прекрасное произведение Ваше не «Разговор двух поэтов», а «Разговор священнослужителя с поэтом», а еще вернее: «Разговор епископа сан-францисского (первый поэт) со Владыкой Иоанном (второй поэт)!!

Есть у меня к Вам, Владыко, такой вопрос: объясните, пожалуйста, коротко мне, невежде, что такое собственно есть «Добротолюбие» (я имею ввиду книгу, в которую, если не ошибаюсь, входят писания различных отцов и учителей Церкви)? Издавалась ли эта книга в Америке и, в таком случае, не можете ли Вы меня ею снабдить, за что был-бы глубоко признателен? А писания святых Исаака и Ефрема Сирийцев, Григория Паламы, Иоанна Лествичника — доступны ли они? А что такое «Рассказы странника о молитве Иисусовой»? Я слышал, что эта книга была переиздана за-границей и переведена также на немецкий язык.

И еще один вопрос: известен ли Вам протоиерей Николай Смирнов, проживающий в Аргентине?* На почве случайного знакомства его с моими книгами между нами завязалась переписка. Он, помимо всего, еще и фенолог. Работает над трудом о «строении Вселенной». На меня он производит впечатление человека значительного.

Насчет здоровья, и жены и своего, похвастать не могу,

---

* Я лично его не встречал, но был с ним в переписке. Он (в прошлом, до войны), советский ученый фенолог, принявший сан и в эмиграции доживший почти до ста лет. Глубокой и чистой души человек. Некоторые его мысли о космосе и религии я передал в Россию. А.И.

наоборот, как-то всё более сдаем... Так что в молитвах своих, пожалуйста, нас не забывайте! Молясь об усопших, помяните, пожалуйста, Владыко, мать мою Веру, — очень этим порадуете.

Душевно, с любовью преданный Вам

Д. Крачковский

Сан Франциско, Калиф.

Апрель 1953.

РАЗГОВОР ПОЭТОВ

1-ый Поэт.

Видится мне, что поэты
В ризу самомнения одеты
И все носят один берет:
«Я настоящий поэт»!
Но, — не посетуй —
Спрошу тебя: есть ли вообще поэты?
Сам я даю такой ответ —
Поэтов вообще нет.
Это обман слуха и зрения,
Что есть вообще стихотворения.
И, хотя поэты видны повсюду,
Они еще только *будут*.
Лишь перейдя на небеса,
Они отыщут свои голоса,
И не все, а только малая их часть,
Получат *поэта власть* —
Без мин и ужимок словесных,
Нести над миром огонь небесный...

2-ой Поэт.

Слог твой, поэт, прекрасен,
Но я с тобой не согласен.
Мое такое мнение,

Что поэзия, это все творение —
Облака, звезды и птицы,
Все, что поет, летает и суетится,
Все мотыльки, все букашки...
У меня нет такой замашки,
Смелости такой у меня нету,
Из букашек исключать поэтов!
Каждая тварь, на своей дороге,
И говорит, и поет о Боге,
Может гугниво и неказисто,
Может с каким нибудь присвистом,
Но истину — как солнце — встречая
и провожая,
Всем естеством ее изображая...
Средь тварей поэт ничем не особен,
Он во всем и всегда подобен
Этой твари поющей и верещащей,
Играющей и шумящей.
Если поэт тих и незлобен,
Он облаку весеннему подобен,
Что легко идет и исчезает,
Капли на землю проливает.
Если бередит он земные раны,
Бывает подобен серому туману,
Что ползет по утрам над болотом.
Если он мудр, то подобен сотам,
Полным животворного меда...
Такова жизнь — от дней Гомера и Гезиода.
Если годны для нее дрозды и синицы,
То и поэт для нее годится...*

1-ый Поэт.

Я готов, конечно, признать и это, —
Поэзия всякого делает поэтом.
Но душа моя, тем не менее,
Грустна, что не слышит ангельского пения.

---

* Было напечатано в Сборнике «Иронические Письма» Странника.

И не легче ей оттого, право,
Что разместились поэты налево и направо,
И внизу, и вверху и повсюду,
Подобно некоему чуду.
Ведь самой Поэзии то в мире нету,
А как без нее быть поэтам?
Без нее поэты — жалкие недоноски,
Слишком дальние отголоски
Истины совершенной,
Новой, великой вселенной.
На земле у поэтов, ни слуха, ни голоса нет,
только — ноги;
Скорбно поэты бредут по земной дороге,
Тихо шагают в мире и умирают под небом,
Без тепла, без воды и без хлеба.
Все умирают без воздуха Нового Мира,
Ввысь поднимая, как Чашу, беззвучную,
полную лиру...

С.

Предо мной — «Разговор поэтов»...
Сияет произведение это
Самоцветами образов, мыслей, фраз!
К слову: доказывает оно как раз,
Что в мире нашем, таком убогом,
Есть все-же поэты — и слава Богу!
Одно скажу: из повторного чтения
Не вынес я точного впечатления,
На чьей стороне в сем споре великом
Находитесь Вы сами, Владыко!
Не первому ли поэту Вы «адэкватны»,
Поскольку высказаться дали ему двукратно,
Да еще почтили «заключительным словом»?
Что до меня — то я за второго!

Сперва немного о «ризе самомнения».
Всякое ли довольство содеянным —
преступление?

Каменщик, хорошо построивший дом,
Вправе быть доволен своим трудом.
Почему же, собственно, поэту негоже
Испытывать приблизительно то же?
Только никто из обоих не должен при этом
Считать себя лучшим каменщиком
и лучшим поэтом.
«Бернар», рассказ Бунина, по своей идее
(Смотри книгу «Весной, в Иудее»,
Вышедшую только что в Чеховском
Издательстве),
Блестящее тому доказательство!

Ну да это присказка, а вот и главное.
Ремесло поэта не такое уж бесславное!
Не всуе дан человеку дар речи.
Стихи — ангельского пения предтечи,
К великим высотам путь начальный.
Согласен: они «отголосок дальний»,
Но как было бы на земле и пусто, и жестко
Без этого вот самого «отголоска»!
Пускай от ангельских далек он жемчужин,
Пусть бледен и жалок, а все же он нужен,
И если, каким бы ни был он малым,
От него кому то чуть легче стало —
Значит и ангелы радуются, его слушая.
Почему стихам открыты детские души,
Тянутся к ним, как к дневному свету?
Потому что нехитрая песнь поэта
Напоминает детям умолкшее пение,
Звучавшее им еще до рождения.
И совсем неправ Ваш первый поэт,
Говоря: на земле, мол, поэтов нет,
Поэтом, мол, станешь в иной обители.
Может нет на земле и священнослужителей?
Ведь и священнослужитель несовершенен тоже!
А скольких он научит, скольким поможет!

Мне кажется, что разгадка загадки мучительной
В том, что в мире все относительно.
Все честное, чистое, угодное Богу
Идет с созиданием мира в ногу,
Хотя перед ступенью грядущей и высшей
Кажется еще и убогим и нищим.
Быть может (кто знает!) и ангельское пение
Для архангелов — сплошное неумение,
Архангельское — не одобряют херувимы,
От херувимского — морщатся серафимы...
А каждое, для *своего* духовного плана, —
Целебный елей, возливаемый на раны.
Так и стихи на земле ненапрасны,
В плане *своем* — и они прекрасны,
И они — участники гимна Вселенной.
Посему — да будут благословенны!

Д. Кленовский

Апрель, 1953 г.

К письму от 13 апреля 1953. Примечание: с этого года Д. И. начинает иногда подписываться именем *Кленовского.* А. И.

ХОР СУДЬБЫ

(ответ Странника на ответ Кленовского)

Хор показывается из за клена
и высказывает свое жестокое,
но примиряющее суждение.
Наступает катарзис.

Ничего нет поэту милее,
Когда кто бывает его правее...
Если разговор двух поэтов значителен,
То разговор трех исключителен,
По раскрывшимся перед ними далям,
Общему духу и деталям.
Первые два поэта, по своим рукам,
Подобны волжским бурлакам,
Что тянут, с некоторым мучением,
Тяжкие баржи против течения.
Третий же поэт подобен птице,
Которая взвилась к небу и веселится,
Плавает, ныряет под облаками,
Скользит, по всей небесной раме.
Лишний раз подтвержден, и в поэтике,
Закон знаменитой диалектики
(Впрочем, весьма далекой от — *материи!*):
Если бы поэты могли писать серией, —
Победили бы мир они бесспорно,
Выступая всегда соборно,
Творчески друг под друга ныряя,
Мысли друг о друга заостряя.
Поэты могли бы завладеть светом,
И всё поручалось бы тогда поэтам.
Но один поэт без проволочки
Не может смотреть сразу в три точки, —
Непременно одну изберет
И пойдет на нее, и пойдет,
Облако пыли поднимая,
Но своей точки не покидая.
Для Истины, надо всегда иметь трех поэтов,

Тогда от нее не останется секретов.
Для поэзии, истинная слава
Держаться этого тройственного состава.
Третьему поэту больше, конечно, чести,
Что соединил он двух поэтов вместе.
Третий поэт достоин ублажения,
За то, что с ангельским терпением
Выслушал двух поэтов,
На жизнь и поэзию не посетовав.
Того даже более, —
Осыпал он тонкою солию
Всю поэзию, от века сущую,
И современную, и грядущую;
Благословил поэтов даже таких,
Что пускают свой стих
Подобно игрушечной лодочке,
А иногда прилежат и водочке
Перцовой или рябинной,
Являющейся их вдохновения причиной...
Итак, отдадим первенство третьему поэту,
Но крепко оградив его при этом
Первыми двумя голосами
И тем, что — *не будем писать стихов сами.*

С.

Май. 1953.

31 мая, 53 г.

Глубокочтимый и дорогой Владыко!

С великой радостью увидел я, вскрыв конверт, что он опять содержит в себе плоды поэтических раздумий Ваших, являющихся для меня лакомством вдвойне, ибо в них приближается ко мне не только пастырь, но и поэт, а в сочетании этом — особо ароматная квинтэссенция всего того, что в Вас мне дорого!

Наверное соблазнился бы и я ответить Вам в рифмах, если-бы не настали у нас опять горькие дни: жена вот

уже две недели лежит с новыми, совершенно непереносимыми болями в злополучной своей ноге...

Помолитесь, дорогой Владыко, покрепче о моей жене!
Всей душой любящий Вас

Д. Крачковский

БАЛЛАДА О ПОДВИГЕ

Приложи свой палец к ране
И вздохни — который раз! —
Нет бессмысленных страданий,
Все бессмысленности в нас.
Жизнь идет рекой широкой,
Словно некий Енисей,
Мы же мерим однобоко
Все изгибы жизни сей.
Но в каком то отношеньи,
Не придерживаясь мер,
Мы, живущее в Трауништейне,
Ставим людям всем в пример.
Поселилось там терпенье,
В этой маленькой глуши,
Словно светлое виденье,
Подвиг держат две души.
Старый Подвиг тяжко болен,
Отвратил от мира лик,
Но, смотри, — еще доволен
Человечеством старик.
Он устал все слушать брани,
Петь бокалы и мечи;
И теперь ему страданье
Райской музыкой звучит.
Спать не может от недуга,
Но глядит в одну юдоль,
Где любовию друг другу
Утишают люди боль.

Подвиг этого ни разу
В мире бренном не видал,
И из старческого глаза
Слезы капают в бокал.

Странник. Июнь 1953 г.

21 июня, 53 г.

Глубокочтимый и любимый Владыко!

Несказанно тронут Вашим быстрым, почти мгновенным, откликом на наши невзгоды, а сколь многое могло и даже должно было его, этот отклик, задержать! Значит сколь многое Вы преодолели, чтобы нас поскорее подбодрить и утешить и притом (как это Вам свойственно) двояким образом зелием духовным («Баллада о подвиге») и зелием телесным (зеленый трилистник). Последнее принимаем с глубокой, сердечной благодарностью; от баллады же, как совершенно ее недостойные, уклоняемся с румянцем стыда на ланитах, хотя и тронуты ею до глубины души. Перехвалили Вы нас, Владыко! Сие извинительно только, как некое поэтическое преувеличение, вроде гоголевского «редкая птица долетит до середины Днепра...»! Не такие уж мы герои! Только терпим и (по совести скажу) на Бога не ропщем и разумеем тайный необходимый смысл наших невзгод — но разве это так много? Ведь если это и *подвиг* (не думаю, что это можно так назвать...), то *пассивный* и не чета он подвигу активному, которому мы никак себя не посвящаем.

Дошли до меня очень встревожившие нас слухи, будто Вы, дорогой Владыко, переезжаете в Японию, где будете заведывать епархией. Верно ли это? Если да, то никогда уже не придется с Вами свидеться, да и вообще Вы станете географически как-то еще отдаленнее...

Хочу поделиться с Вами одним любопытным эпизодом из моей литературной «практики». Последние годы я печатался регулярно в нью-йоркском «Новом Журнале». С ре-

дакцией у меня установились самые сердечные, почти дружеские отношения. Секретарь редакции восторженно откликался на каждую мою присылку стихов, называя их не иначе как «прекрасными». И вдруг, не так давно, получаю я от него письмо, в котором он подвергает неожиданной переоценке мое творчество. Он, видите ли, пришел к убеждению, что в стихах моих слишком много «цветов добра» (это как контраст к бодлэровским «цветам зла») и что он предпочел бы иметь от меня эти последние, ибо они, по его мнению, художественно всегда более ценны, чем «цветы добра». Короче говоря: я должен перестать быть собой в угоду чьим то вкусам. Мне не осталось ничего другого, как известить редакцию о том, что я отказываюсь от дальнейшего сотрудничества в журнале. Не скрою от Вас, что вся эта история больно хлестнула меня по душе.

Застанет ли Вас еще это письмо в США, или поплывет за Вами в Японию? — это меня очень беспокоит. Жена шлет Вам самый теплый привет.

21 сент. 1953.

Глубокочтимый и дорогой Владыко!

Я всё еще не могу очнуться от чудесной неожиданности нашей встречи. И подумать только, что висела она на волоске! В каком отчаянии был бы я, в каком неутешном (и надолго) горе, если бы, вернувшись домой, узнал, что Вы были, но мне не удалось с Вами свидеться!

От всей души благодарю Вас, Владыка, за то, что Вы пожертвовали и временем, и покоем, и удобствами, дабы встретиться со мной! Вы показали этим свое душевное ко мне расположение и тем, помимо самого факта встречи, вдвойне порадовали меня! Спасибо Вам так же, Владыка, за ту материальную помощь, которую Вы передали жене! Последняя счастлива, что ей удалось, наконец, лично познакомиться с Вами и рядом с Вами помолиться. Много

много радости принесли Вы в тот день в наш дом и надолго его этой радостью озарили!*

Жена шлет свой сердечный привет.

Всей душой любящий Вас

Д. Крачковский.

Мне передавали, что в нашем Траунштейне циркулируют слухи, будто я был замечен 11-го сентября, в обществе раввина, с которым беседовал на древне-еврейском языке!!!

8 января, 1954 г.

Глубокочтимый и дорогой Владыка!

Получил Ваш теплый праздничный привет из Канады — спасибо за память!

В этом году Рождество Христово было для нас двойным праздником, ибо совпало с нашей серебряной свадьбой — как раз в сочельник, вдвоем у ёлочки, отпраздновали мы ее. Вспомнили весь наш совместный двадцатипятилетний путь и возблагодарили Господа за то, что Он дал нам пройти его в нерушимой любви, дружбе, взаимном доверии и согласии. Много было разных бед на этом пути, и только милости Господней обязаны мы тем, что ни одна из них не погубила и не разлучила нас. Потеряли мы, конечно, всё, что имели, но сохранили самое дорогое: друг друга, и за это безмерно Ему благодарны. Помолились мы, значит, у ёлочки, а затем вспомнили всех наших друзей, в том числе и Вас, дорогой Владыка.

В числе полученных нами подарков было, хотя и подержанное, но еще «трудоспособное» радио, так что, после более чем десятилетнего перерыва, мы можем опять наслаждаться музыкой, которой нам очень нехватало. В первый же вечер, к великой нашей радости, услышали Ваш, такой

* Я летал, по церковным делам, в Японию и Корею; и вернулся в Америку чрез Индию, Св. Землю и Западную Европу, где посетил и Крачковских.

знакомый и милый нам голос (проповедь о Вифлееме). Показалось, что Вы опять у нас, в нашей «хижине» — Ваше посещение навсегда в сердцах наших.

Сегодня пришло милое письмо от Веры Николаевны Буниной, в котором она вспоминает, что Иван Алексеевич выделял меня среди современных поэтов. Очень отрадно было бы услышать. Потерял я еще одного, чрезвычайно ценившего мои стихи человека — проживавшего в Париже старого журналиста Сергея Викторовича Яблоновского (он опубликовал в Русской Мысли огромную статью обо мне: «Большой поэт»). Вдова его пишет мне: «Дня за три до смерти, проснувшись в необычайно просветленном настроении, С. В. сказал мне: «Я почувствовал Бога... Этого нельзя объяснить»... И много раз потом всё повторял: «Как хорошо! как великолепно!» Эти его слова произвели на меня огромное впечатление. Особенно, если думать, что он был, как он сам думал, неверующим, то есть, не церковником. Вера же на самом деле была у него большая; заключалась она в признании огромной ценности жизни, что выражал он словами: «Хозяин нас сюда послал, и мы должны ему охотно и радостно служить». Недовольство жизнью считал он «хулой на Духа Святого». По моему, это ли не вера?» (Это всё слова его вдовы).

Душевно любящий Вас

Д. Крачковский

ЕЛКА

Над миром все ходили распри, толки,
Шумел тайфун над дальней Окинавой.
А у леска в хибарке над канавой
Поэт зажег рождественскую елку.

И он сидел и говорил с женою —
О том, что четверть века с ними было.
Они делились радостью простою.
И в этот вечер им Любовь открыла,

Что Тот Великий, Всесвятой, Высокий,
Кто их послал сюда одной дорогой,
Был тоже с ними... И не одиноки
Они, живущие пред Богом.

И на зеленой елке в этот вечер
Зажглись — и всё сияют до-сегодня —
Слезинки-звезды... Это свечи
Перед любовию Господней.

Странник. 1954 г.

Это был ответ на письмо Кленовского от 8 января 1954 г.

30 января, 1954 г.

Глубокочтимый и дорогой Владыка

Получили сегодня Ваше милое поздравление к серебряной свадьбе, да еще со стихами, посвященными сему событию! И то и другое тронуло обоих нас до глубины души! Не менее обрадовало нас и сообщение о том, что Вы читали мои стихи в конце духовной беседы. Об этом я с радостью узнал еще дня на три раньше из письма г-жи Иордан, присутствовавшей на этой беседе. Она прислала 2 долл. и попросила меня послать мою книгу ей и одному ее хорошему знакомому в Германии. К сожалению, первой моей книгой («След жизни») я более не располагаю, она окончательно распродана, и послать мог лишь старую книгу («Навстречу небу»), которой, впрочем, тоже осталось еще совсем немного.

Обращаю Ваше внимание, как любителя поэзии, на только что вышедшую в Чеховском Издательстве антологию русской эмигрантской поэзии, от первых до нынешних ее дней. Думаю, что в ней есть немало интересного. Я тоже в ней представлен и даже довольно широко: по количеству стихов стою на четвертом месте среди 88 авторов. Стихи, конечно, не новые, а взяты из моих книг. Новенькие пришлю Вам следующий раз, сейчас тороплюсь поблагодарить Вас за милое Ваше внимание, вдвойне ценное ибо воплотилось оно еще вдобавок в стихотворную форму!

Жена Вас тоже от души благодарит и шлет сердечный привет.

У нас стоят страшные холода. В хибарке нашей утром не более 3^0 тепла, окна все заросли льдом. Такого еще не бывало!

Поручая нас обоих молитвам Вашим,

Всей душой любящий Вас

Д. Крачковский

14 июня, 1954 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Спасибо за память, за «Веру и ответственность», за зеленую помощь! За зензиновской «дискуссией» я с интересом следил по Н. Р. Слову, будучи конечно, всецело на Вашей стороне. Каждое воскресение слышу Вас по «Голосу Америки». Так радостно всегда узнавать Ваш голос! Точно Вы опять сами в той комнате, где Вы были прошлой осенью!

Особенно понравилось мне Ваше слово в Троицын день. Оно было полно для меня некоей, я сказал бы, мистической значимости. Вообще же, каждая проповедь Ваша напоминает мне, что Вы не только «князь Церкви», но и прекрасный поэт — и это меня всегда особенно радует.

Есть у меня к Вам вопрос по поводу одной Вашей фразы из проповеди на Троицу. Вы сказали (если я правильно расслышал), что «человек существует в духе, душе и теле». И вот тут у меня недоумение... Мне казалось, что православная церковь не признает (как и прочие христианские церкви) трихотомии. Ведь по поводу ее было в свое время не мало споров (защищали ее, помнится, гностики), и закончилось всё тем, что она была не то что официально отвергнута 8-м Вселенским Собором, но так интерпретировалась, что понятие «духа» (в отношении человека) фактически перестало существовать и постепенно совершенно выветрилось из человеческого сознания, так что даже и философы о нем не говорят. Но, может быть, я ошибаюсь, и в восточной церкви (для которой обязательны решения лишь *семи* первых Вселенских Соборов) понятие о духе в человеке сохранилось? Конечно, «сеется тело душевное, восстает тело духовное», но ведь тут идет речь о последовательности, а не единовременности... Может быть, я Вас неправильно понял, и под духом Вы подразумевали лишь ту часть души, которая (еще по Аристотелю) не связана с физическим телом и освобождается от него после смерти, то есть, мыслили тоже в *последовательности*. В этом смысле, насколько я помню, не отрицал духа в человеке и 8-й Вселенский Собор, не признавая, однако, за ним (духом) самостоятельного (вне души) существования. Буду рад, если Вы мне коротко разъясните ту путаницу которая образовалась по этому поводу в моей душе...

Душевно любящий Вас

Д. Крачковский

ГДЕ СТИХИ?

Где стихи?.. Иль это ели
Понапрасну нам шумели
Пред полуденной грозой,
И напрасно ветер прядал
И большою каплей падал
В тихий, сладкий, летний зной?
Не напрасно у дороги
Старый дом стоял нестрогий,
Человечный и простой,
И над ним, в своем узоре,
Синих звезд сияло море
Несравненной красотой.
Где ж стихи?.. Пусть, несомненно,
Всё проходит в мире тленном,
Всё уходит, кроме слез.
Вянет роза и лилея...
Но стихи — стихий вечнее,
Крепче камня, лучше роз.

*
* *

Он идет, поэт, по кочкам,
По бороздке, за грачем, —
Вижу я его с мешечком
Неказистым за плечем.*
Семена ли он сбирает,
Или сеет семена,
Голова его седая
Серебристая видна.
Где же песня?.. Песню надо!
Путник, спой же нам ее,
За страдание — награду
Опусти на бытие.

Декабрь, 1954 г.

---

* Таким с рюкзаком я помню его в баварской деревне. А. И.

ПОСЛАНИЕ ВЛАДЫКЕ ИОАННУ ШАХОВСКОМУ

Владыка! Я польщен немало,
Что Вы в радушии своем
Меня почтили, как бывало,
Любовно сложенным стихом!
Спасибо! Я ценю работу
Душою движимой руки:
И чувств высоких позолоту,
И ярких мыслей завитки.
Я нежно в помыслах лелею
Всю мудрость Вашего труда,
А что «стихи стихий вечнее» —
Со мной отныне навсегда!

Что Вам поведать? Бог мне снова
Всю доброту Свою явил
И из вертепа, из сырого,
В прекрасный град переселил.
И все же, с тайным сожаленьем
Припоминаю я подчас
Ту глушь, где Ваше посещенье
Однажды осенило нас...

Что до стихов, то прошлым летом
Старался я по мере сил
Не уронить свой чин поэта
И, то, что говорят, «творил».
Признаться, я довольно много
Стихотворений написал,
И даже — не судите строго! —
О третьей книге возмечтал.
Решив при этом, что покуда
Не будет издан сей фольянт —
Произведений новых груда
Для всех пребудет unbekannt.*
И лишь для Вас, Владыка, эти

* Неизвестна (нем.).

Нарушить планы я готов,
И не могу Вам не ответить
На Ваш любвеобильный зов!
Я шлю Вам три стихотворенья —
Зарницы бледные души,
Опущенные со смущеньем
В копилку вечнсти гроши...
Примите все-ж их слабый лепет,
Их недостойные слова,
Как некий зов, как некий трепет
Перед престолом Божества!

Д. Кленовский

9 января, 1955 г.

***

Итак: мы говорим стихами,
На языке поэтов. Он,
Конечно, выдуман не нами
И миру только одолжен.

Недаром он почти дымится,
Почти звенит, почти летит,
Недаром от него страница
Тот след обугленный хранит.

Когда приду я за ответом
Туда, куда мы все придем,
То там (не ангелы ли это?)
Заговорят со мной на нем.

Он будет весь уже крылатым,
Уже без слов, но все пойму,
Затем, что на земле когда то
Я так любил внимать ему!

1954 г.

*
* *

Она крылом меня задела,
Неуловима и легка.
Не из иного ли предела
Ко мне простертая рука?

Толкнуть вперед хотела или
Остановить и уберечь?
Зачем гадать! Мы не учили
Грамматику нездешних встреч.

Мы просто ничего не знаем.
И вот, в невежестве своем,
Прикосновенья забываем
И шорохов не узнаем.

А завтра, смотришь, лодка тонет,
Лжет поцелуй, густеет мгла...
О, если-бы вчера я понял
Заботу твоего крыла!

Но ты простишь, само терпенье,
Лишь покачаешь головой,
Мой легкий ангел (весь — паренье!)
Неуловимый спутник мой!

1954 г.

*
* *

Я видел только край щеки
И локон у виска,
Но знал: всем безднам вопреки,
Тебя я разыскал!

А наверху, в косом луче,
Струистый ладан гас,

И жарко пчелами свечей
Гудел иконостас.

И я по улице пустой,
В притихшем городке,
Отнес любовь мою домой,
Как просфору в платке.

И до сих пор она еще
Лежит, всё та же, в нем
И пахнет воском и лучом,
Вот тем далеким днем.

1954 г.

12 января, 55 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

На этот раз Вы особенно обрадовали меня своим письмом! Дело в том, что я последнее время сильно о Вас тревожился... Один мой знакомый написал мне (не вдаваясь в подробности), что какая-то гнусная эмигрантская газетка позволила себе против Вас какой-то неприличный выпад. Я боялся, не расстроило ли Вас это происшествие... Поскольку однако Вы вдохновились на целое стихотворное послание — с радостью усмотрел в этом факте свидетельство того, что душевного спокойствия Вы не утратили.

Очень тронут тем, Владыка, что Вы посвятили мне столь теплые и прочувствованные строки. Я немедленно отправил Вам, тоже стихотворный, ответ, надеюсь, Вы его получили? Но всего, что хотел, в стихах сказать не удалось, а потому пишу, в дополнение к ним, еще и настоящее, прозаическое, послание.

На Ваш трогательный вопрос: «Где стихи?» я ответил уже довольно исчерпывающе. Добавлю только, что прошлым летом я действительно (после значительного переры-

ва) много писал, так что располагаю уже для новой, третьей, книги 30-35 новыми и, притом, даже нигде еще не напечатанными стихотворениями. Когда к ним прибавятся еще 8-10 — задумаюсь серьезно над изданием книги. Плохо, однако, что на этот раз реальная сторона этого дела довольно сомнительна: меценат, финансировавший издание двух первых книг, на этот раз мне помочь не сможет.

Откуда узнали Вы, Владыка, о том, что мы из деревни переселились в город? Кто дал Вам наш новый адрес? Я Вам об этом еще не успел написать. Да, эта благотворная перемена в нашей жизни наконец совершилась! Этим мы обязаны исключительной сердечности и отзывчивости одной особы из числа моих заокеанских друзей, финансировавшей это предприятие (имени не называю, т. к. возможно, что лицо это сего не пожелает). Я, кажется, уже писал Вам в свое время, что перемена нашего сырого помещения на сухое стала для нас вроде того, что вопросом жизни или смерти; по крайней мере так говорили врачи, утверждавшие, что сырость и холод нашей деревенской комнаты вызывали и поддерживали большинство наших хронических недугов. Однако, переменить комнату в Германии — целая проблема, ибо жилищный кризис здесь попрежнему чрезвычайно остер, и все жилые помещения — на государственном учете. Свободно нанимать комнаты можно лишь в новопостроенных домах, но владельцы их имеют право не только назначать высокие квартирные цены, но и брать некий «въездной» взнос, довольно крупный. Этим объясняется, почему нам до сих пор не удавалось перебраться в лучшие приличные условия. И не удалось бы никогда, если бы не помощь одного милого, отзывчивого человека, взявшего на себя львиную долю расходов. Сейчас мы живем в хорошем сухом доме, комната — солнечная (на юг), с центральным отоплением, водопроводом, балконом (по размерам, однако, комната меньше прежней), правом пользования ванной, газовой кухней и т. п. Впервые, после 15-летнего перерыва, попали мы, наконец, в человеческие условия существования и не можем этому нарадоваться. От всего сердца благодарим Господа за эту незаслуженную милость.

Моя хорошая знакомая, Маргарита Васильевна Сабашникова-Волошина (помните наверное культурнейшее «Издательство М. и С. Сабашниковых» в Москве?) первая жена поэта Максимилиана Волошина, художница и писательница (автор книги о Серафиме Саровском), проживающая в Германии, издала на немецком языке интереснейшую книгу своих воспоминаний «Die grüne Schlange», имеющую большой успех. М. В. общалась с интереснейшими людьми — Львом Толстым, Репиным, Вяч. Ивановым, Белым, Бальмонтом, т. ч. ей есть действительно о чем рассказать. Она, насколько мне известно, послала эту книгу Вам. Было ли у Вас время ее прочесть и какое она произвела на Вас впечатление?

Как поживаете, дорогой Владыка? Как здоровье? Не собираетесь ли в Европу и, в таком случае, не удастся ли еще раз с Вами встретиться? — как был бы я счастлив!

Жена просит передать Вам свой самый сердечный привет.

Не забывайте нас в молитвах Ваших!

Душевно Ваш

Д. Крачковский

«Поэт» рифмуется с «приветом»,
И это, видно, не спроста.
Его речистые уста
Преизобилуют советом
И вещи ставят на места
И улыбаются при этом!
Благодарю тебя, поэт,
За твой привет, за твой совет
Летать не на тяжелых крыльях,
Но тихим облачком, с зарей,
Таиться нежно над землей
И растворяться без усилий.

С.

18 октября, 55.

Дорогой и глубокочтимый Владыко!

Только что узнал из письма Глеба Петровича Струве, что Вы были серьезно больны, но сейчас, слава Богу, находитесь на пути к выздоровлению. Верно ли это последнее? И что именно с Вами приключилось? Печень, которой Вы, насколько я помню, страдаете, или что другое? От всего сердца желаем Вам оба облегчения, а если сие возможно — то и полного избавления от Вашего недуга! С любовью вспоминаем Вас и думаем о Вас!

Известие о Вашей болезни очень нас удивило, ибо все это время слышали по радио Ваши проповеди. Мы всегда это считаем весточкой о том, что Вы живы и здоровы.*

Недавно посетил нас Федор Августович Степун — он проводит отпуск в деревне недалеко от Traunstein'a...

29 октября, 1955.

Дорогой и глубокочтимый Владыка,

Вот уж отменно порадовали Вы нас своим письмом! Оно какое-то особенно уютное, мягкое, тепленькое... Собственноручность его и бодрость несколько успокоили нас насчет Вашего состояния. Что касается звонка (как Вы пишите), то будем надеяться, что окажется он как первый звонок на русских железнодорожных станциях в доброе старое время: не столько к отъезду, сколько к прибытию (кондуктор, дававший его, надолго исчезал из-под колокола, а пассажиры, не спеша, шествовали в благоухающий буфет). Желаем от всей души, чтобы и Ваш звонок был именно такого рода. Но все же, рекомендуем быть осторожным: не увлекаться международными прогулками и прочими неудобоваримыми вещами.

---

* Как то я умудрялся не пропускать Радио-Бесед своих, и (пред операцией) наговаривая их вперед на ленту, или принимая у себя техника магнитофонного из «Голоса Америки».

Спасибо за прекрасные стихи с одра болезни! «Ангел тронул грудь мою рукою с левой стороны» — чудесно!

Лебедь мой уже ощипан, присолен и сейчас жарится на медленном огне мюнхенской типографии. Думаю, что к Рождеству до Вас доберется. Как бы только, по снятии крышки с блюда, не обернулся он недожаренной баварской вороной... Пошлю ее в Сан Франциско, хотя на конверте Вашем адрес — ньюйоркский (полагаю, что временный?).

Шлем Вам оба наш самый сердечный, теплый, искренний привет и наилучшие пожелания!

Душевно преданный Вам

Д. Крачковский

3.XI.1955 г.

Меня очень увеселило, дорогой Дмитрий Иосифович, Ваше остроумнейшее «обращение» звонка моего... Я думаю, впрочем, что оба значения *звонка* похожи, и представляют собою два аспекта одной и той же платоновской идеи, — в обоих случаях одинаково утешительной...

В тонком юморе нельзя не видеть один из отсветов высокой поэзии... Как, я думаю, жене Вашей уютно болеть около Вас, когда Вы не унываете, находясь в «фокусе веры», и не слишком скорбите «по отражению» и «по естеству».

Призываю на Вас и на нее

Милостивое Господне укрепление

С любовию

† Еп. Иоанн.

29 ноября, 55 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка,

Простите великодушно, что так долго не отвечал на Ваше, второе из Нью Йорка, не менее теплое и ласковое, чем первое, письмо. Неимоверно занят был все это последнее время. Во-первых, нужно было внимательно следить за моей собственной книгой и книгой стихов Сергея Маковского, тоже печатавшейся в Мюнхене. А во-вторых, и это главное, все это время болела жена и нужно было за ней ухаживать. Вы, между прочим, заблуждаетесь, думая (как Вы выразились в письме),что жене «уютно болеть около меня». Из нас обоих наибольшим мужеством обладает *она*. И когда ей плохо и тяжело — *она* утешает и подбадривает меня, а я постыдно падаю духом, хотя, конечно, и ухаживаю за ней с полной самоотверженностью.

Книга моя уже вышла из печати. 20-го ноября я послал Вам ее простой почтой в Нью-Йорк; надеюсь, что она Вас там еще застанет. Книга издана не в «Рифме», а с помощью двух добрых друзей, одолживших мне на это деньги (я с ними рассчитаюсь постепенно из выручки). С «Рифмой» пришлось разойтись, ибо она ограничивала меня с тиражем (200 экз. а нужно 750), и объемом (уместилась бы лишь половина стихов), миниатюрным форматом и т. д.

Сердечное спасибо за «кленовый листочек»! А особенно сердечное спасибо — за прелестное стихотворение! Его заключительные строки особенно прекрасны!* Я вижу, что болезнь вдохновила Вас на замечательные строки! Как хотелось бы посоветовать Вам удалиться в какое-нибудь озерно-лесное уединение и там, обласканному еще озарившими Вас на ложе болезни лучами, написать драгоценный томик стихов... Мечты, мечты! Знаю, что сие невозможно и что тяжелые земные крылья держат Вас в плену долга и обязанностей...

Дайте хоть коротко знать, дорогой Владыка, как Ваше самочувствие (нельзя ли опять со стихами?). Хотелось бы

---

* См. стр. 50.

так же знать о времени Вашего возвращения в Сан-Франциско, дабы правильно адресовать дальнейшую корреспонденцию.

Самый сердечный привет от нас обоих и наилучшие пожелания!

Ваш всей душой

Д. Крачковский

9 января, 1956 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил Ваше послание из пустыни аризонской. Спасибо, что вспомнили и что стихи, столь всегда желанные, приложили (о них — ниже)!... И за пятикратный кленовый листочек сердечное спасибо! Он войдет в фонд покрытия расходов по изданию книги. Не помню, писал ли я Вам, что парижское издательство «Рифма» предложило мне такие стеснительные условия (объем, в который не уместилась бы и половина стихов, и совсем миниатюрный — 200 экз. — тираж), что для издания сборника я должен был прибегнуть к финансовой помощи друзей, с которыми я должен, однако, как можно быстрее рассчитаться. Вот я и накапливаю сейчас эту сумму из выручки от проданных книг и доброхотных даяний, вроде Вашего, но наскребу ли ее — не знаю. Дело в том, что самоотверженный и бескорыстный распространитель предыдущих книг, на которого я и на этот раз надеялся, как на каменную гору, известный Вам Р. Б. внезапно изменил отношение к моим стихам и сурово осудил моего «Спутника«: и Бога-де я забыл («Имя Его в книге Вашей упоминается всего лишь один раз!»), и курению предаюсь (стр. 25. А я, кстати, не курящий!), и «воспоминанием о нагом теле возлюбленной» тешусь (стр. 45), и проч. и проч. Это у него от баптизма и обижаться на него я никак не могу (чем он, между прочим, очень недо-

волен!), но на реализации книги это отразится крайне плохо.

А вот за Ваше ласковое внушение (насчет минора и т. п.) — искреннее Вам спасибо! Эта ласковость и бережность Ваша тронули меня до неких внутренних, сердечных, слез. Пожурили Вы меня со снисхождением, а главное — с любовью; я очень ощутил ее и ею же Вам отвечаю.

Из берлинских стихов Ваших мне особенно понравились «Смерть воинов» и «Каждый день мы умираем снова». В них (и в других стихах тоже) есть совершенно замечательные строчки: «Где всё горестнее и больнее убивают жизнь Тною»... «Дети светлогуо незнанья»; «Ае донеся до Бога покаянья...», «И все грехи, содеянные прежде, сойдут на мир спасительным огнем»... и многое другое. Большое Вам спасибо, что порадовали нас всем этим!

Я с давних пор в моих мечтах
Желанье это сохранил:
Чтоб на моих похоронах
Хотя б один ребенк был.

Чтоб он глядел по сторонам,
Обрядом строгим не смущен,
И то, что огорченье нам,
Как некий праздник принял он.

И этим бы, один из всех,
В прощание со мной принес
Улыбку, радость — даже смех!
И никаких ненужных слез.

Д. Кленовский

1956.

КЛЕНОВСКОМУ, В ОТВЕТ НА ПИСЬМО И СТИХИ

Поэту милому, что слез не обронил,
Среди страданий и земных могил,
Я шлю привет... Как тихий океан,
Небесный воздух нам обоим дан.
И оба мы стоим у тех ворот,
Куда все человечество идет.

Над пашнею склоненные волы,
Земные эти годы тяжелы.
Но — посмотри к склоненным небесам,
Что столько раз описывал ты сам,
И каждую звезду рукою брал,
И видел небо сквозь ее кристал.

Вот мы дошли. Отец домой зовет.
Мы у ворот... Нам слышен скрип ворот...
О, если бы, поэт, и нам принять
Всю эту скорбь, пришедшую опять,
Как звуков зарожденье, — дрожь и боль —
Скрипящую на струнах канифоль!

Странник. июль, 1956 г.

18 июля, 1956.

Ваше, такое особенно сердечное и ласковое письмо прочли с большим душевным волнением. В нескольких строках Вы столь много (и так хорошо!) сказали. Повторяю: тронуты оба до глубины души, до слез...

Чувствуем себя оба попрежнему весьма неладно. Похоже, что операция мне не помогла. Все таки это последнее время писал. Посылаю Вам 2 стихотворения (они будут напечатаны осенью в журнале «Грани»), одно из них на рекомендованную Вами мне в свое время тему (об Ангеле-Хранителе).

Вспоминайте нас, пожалуйста, в молитвах Ваших!

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Есть зданья, неказистые на вид,
Украшенные теми, кто в них жили.
Так было с этим. Вот оно стоит
На перекрестке скудости и пыли.

Какой то узкий и неловкий вход,
Да лестница, взбегающая круто,
И коридоров скучный разворот,
Уставленных шкафами (для уюта).

Но если приотворишь двери в класс —
Ты юношу увидишь на уроке,
Что на полях Краевича, таясь,
О конквистадорах рифмует строки.

А если ты заглянешь в кабинет,
Где бродит смерть внимательным дозором, —
Услышишь, как седеющий поэт
С античным разговаривает хором.
Обоих нет уже давно. Лежит
Один — в гробу, другой, без гроба, — в яме,
И вместе с ними, смятые, в грязи,
Страницы с их казненными стихами.

А здание? Стоит еще оно?
Иль может быть уже с землей сравнялось?
Чтоб от всего, чем в юности, давно,
Так сердце было до краев полно —
И этой капли даже не осталось.

Д. Кленовский.

1956 г.

*
* *

Быть может непременно нужно быть
Всего лишь мной, всего лишь человеком,
Чтоб то сказать, что могут только боги
Постичь. Ведь больше некому меня
Понять — ни скалам, ни траве, ни ветру —
И был бы я смертельно одинок.
А в мире непременно нужно, чтобы
Всегда кого-то кто-то понимал:
Лес — тишину, гром — тучи, берег — море,
Цветок — пчелу, а всех их вместе — мы.
Но кто-же нас поймет? Никто, ты скажешь?
Нет, это невозможно! Должен быть
Тот кто-то где-то, кто нас понимает,
Чтоб не исчез неузнанным, напрасным
Прибой стихов, цветение любви,
Зарницы горя, тишина прощенья.
Все это кто-то примет и сочтет
И претворит в иное, что не можем
Еще понять, но срок придет — поймем.
Предчувствие, тебе ли не поверю!?

1956 г.

Д. Кленовский

СТИХИ ОБ АНГЕЛЕ-ХРАНИТЕЛЕ

С детских лет ты был всегда со мною:
В первой женской бережной руке,
В первой половице под ногою,
В первом солнце на моем виске.

А потом, ты шел со мною рядом,
Баловал парижскою весной,
Римским утром, андалузским садом —
И по-русски говорил со мной.

Я тогда не знал тебя, я думал:
Это я с собою говорю.
Слишком много радости и шума
Заглушало молодость мою.

Но теперь, когда так тихо стало
И вокруг меня и надо мной,
Разгадал я голос, что бывало
Принимал я второпях за свой.

И теперь я знаю: если всё же
Был хоть чем то в жизни я хорош,
И была на истину похожа
Иногда моя земная ложь;

Если женщин целовал, не раня,
И колосья трогал, не губя, —
Это только след твоих касаний,
Это всё тобой и от тебя.

И всего мудрей, всегда и снова,
От рассвета до заката дня,
Было то, что ты меня, дурного,
Уберег от самого меня.

Д. Кленовский
1956 г.

7 авг. 1956 г.

Глубокочтимый и дорогой Владыка!

От всей души спасибо за новый кленовый листочек и за прекрасные стихи, очень тронувшие мое сердце. Между прочим: листочек Вы посылаете на издание седьмой книги,*

---

* Это было очень легкое и сознательное пророчество. Такой поэт, как Кленовский, не мог бы себя остановить даже на седьмой книге стихов. И не остановил, ко благу поэзии.)А.И.

а у меня пока их было четыре! Дай Бог, чтобы ошибка Ваша оказалась прозрением!

Хотя и с большим опозданием, я получаю Новое Русское Слово, т.ч. имею радость читать там Ваши «Беседы», если их не удается еще раньше услышать по радио. Мне лично представляется, что они все больше и все лучше отвечают запросам и нуждам советского слушателя (это, конечно, помимо их абсолютной высокой ценности)...

Душевно Ваш

Д. Крачковский

13 ноября, 1956 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Давненько не имею от Вас вестей. Читал в газетах, что Вы опять много странствовали...

Что касается нас, то эти последние две недели мы живем в постоянном волнении, а иногда даже и в смертельной тревоге. Не только болеем душой за несчастных венгров, но и неимоверно тревожимся за свою собственную судьбу. Ведь если вспыхнет новая мировая война, советские войска немедленно наводнят Западную Германию, и наша (моя и жены) гибель тогда неизбежна. Ведь советчики выловят и так или иначе уничтожат всех эмигрантов. И наше физическое уничтожение явится тогда лишь вопросом времени. В самые тяжелые дни мы даже приготовили чемоданы с самым необходимым и собирались бежать в Швейцарию, благо от нас туда несколько часов езды, визы на въезд не нужно и курсируют даже беспересадочные поезда, т.ч. жене такое путешествие было бы под силу. Это было бы, конечно, жестом отчаяния, ибо что делали бы мы там, почти без денег, без постоянного крова? Так и не решились мы на этот несомненно благоразумнейший в нашем положении

шаг, который, однако (увы), по материальным соображениям нам не под силу. Вот и сидим мы сейчас, как кролики, и с замиранием сердца ждем, откроется ли или нет дверца в клетку удава. Нервы жены всем этим окончательно подорваны. Что испытываю я, чувствуя свое бессилие ее спасти — Вы поймете. Страшна не смерть, вообще, а мучительность этой смерти в руках советских палачей.

На этом заканчиваю. Откровенно говоря, все, вплоть до пера, которым пишу, валится из рук... Как никогда еще, нуждаемся в Вашей, дорогой Владыка, молитве и просим о ней!

Душою Ваш

Д. Крачковский

26 ноября, 1956 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Ваше письмо* очень меня огорчило... Вы как-то иронически отнеслись к моим тревогам и заботам: советчики, мол, нам не опасны, даже дети венгерские перестали их бояться... Дорогой Владыка, Вы судите с точки зрения старого эмигранта, не знакомого, по собственному опыту, с жестокостью и коварством советской государственной машины! Точка зрения «шапками закидаем», по отношению к Советам ничем не оправдана. Советский Союз не только чрезвычайно силен в военном отношении, он коварен, хитер, беспринципен — это еще увеличивает его сатанинскую мощь. В конечном счете новой мировой войны СССР, может быть, и будет побежден, но до этого он натворит еще великих бед. Примером тому, события в Венгрии. Спасаясь от зверской расправы советчиков, несчастные венгры ежедневно тысячами бегут на Запад. О том, что даже венгерские дети не боятся советчиков, так последние слабы, —

---

* К сожалению, я не нашел его в своем архиве писем. А. И.

говорить уже не приходится. Число беженцев из Венгрии (в нищету и неизвестность) приблизилось уже к 100.000; число депортированных на убой в СССР — составляет многие десятки тысяч. Разве в свете всех этих фактов можно говорить о том, что советчиков нечего бояться, что они пугало лишь для нервных и трусливых людей!? Издалека все выглядит, вероятно, очень безобидно, но в непосредственной близости к событиям быть оптимистом — невозможно. Вы полагаете, что в случае войны, Крачковским ничего не угрожает, не до них, мол, будет, чуть ли ни молниеносно разгромленным советчикам. Вашими бы устами, Владыка, да мед пить! Здешним эмигрантам ход событий представляется в совсем другом свете: первой заботой ворвавшихся в случае войны, в Западную Германию советчиков, будет выловить и депортировать (на верную и притом мучительную гибель) всех советских эмигрантов, заранее причисленных уже ими к изменникам родины и государственным преступникам. Для этого не нужно много времени, так как списки их и адреса у советчиков давно имеются, а чекистская машина работает быстро и четко. Никто из здешних эмигрантов не питает на этот счет никаких иллюзий и готов к самому худшему. Начало катастрофы (т. е. новой мировой войны), по общему здесь мнению, лишь вопрос времени. Печать всего мира сходится на том, что в ночь с 4 на 5 ноября, человечество было на волосок от новой мировой войны. Опасность эта не миновала и может вспыхнуть в любую минуту. В молниеносный разгром советчиков, в этом случае никто не верит. Все считаются с тем, что враг силен и что многие-многие невинные пострадают еще от его руки. Никто поэтому не убаюкивает себя здесь иллюзиями и не находит себе в них утешения. Действительность для этого слишком грозна.

Пишу Вам обо всем этом не для того, чтобы разжалобить Вас в отношении нас (меня и моей жены) лично, а чтобы познакомить Вас с тем настроением (как видите, очень тяжелым), какое царит сейчас в Германии.

Душевно преданный Вам

Д. Крачковский

3-го декабря, 1956 г.
Сан Франциско

†

Милый Дмитрий Иосифович,

Я, конечно, виноват пред Вами, что пытался, может быть, несколько «багателлизировать»* *то трагическое состояние* (главн. образом *духа*), в котором Вы взаправду находитесь. Мне, на самом деле, следовало бы крепко побранить лишь Вас (и, таким образом, одним минусом убить — другой). Не сетуйте и не огорчайтесь на старика (но, не «старца»). «Сытый голодного не разумеет»; а мы тут, ведь, ожирели в Америке, и «одебелили» сердца наши. Но все же есть недоумение, — что же ответить Вам, чтобы это не было реторичным, или ложным, в своем духе? Скажу Вам действительно, что думаю: мне кажется, мы, весь мир, уже со дня окончания последней войны, живем *около пороха войны следующей,* пороха иногда подмачиваемого, иногда подсушиваемого, как людьми, так и событиями. Но сейчас (именно сейчас) начинать войну вторжением в Европу, для вождей Совет. Союза, это быть им, значит, не только жестокими и золбными, но и *глупейшими*... А Слово Божие говорит определенно, что «сыны века сего догадливее сынов света в свом роде« (т. е. в делах сего мира)... Дело не в грубой силе СССР, которая, как Вы верно, конечно, полагаете способна на все и тут способна была бы «броском» пройти и до самой даже Испании... Ну, а что же дальше?.. Какой в этом был бы выигрыш большевикам? Если они с Венгрией и Польшей порабощенными явно *справиться не могут и проиграли,* в общем, там (если глядеть в корень), то чего же им искать во всей Западной Европе? Ведь даже при мирной оккупации, кормить Европу блокированную, им будет невозможно, и она, враждебная, никаким для большевиков плацдармом для дальнейшего чего то служить не может, а будет лишь обузой и сетью... Ведь это

---

* обращать в пустяк (франц.).

ясно. Им надо лишь держать «вал» за своими границами. И Венгрия — жертва именно этой ситуации. Не посчитайте опять, что я без достаточного внимания отношусь к Вашим естественным чувствам самосохранения, но право «им» сейчас больные и немолодые Крачковские не нужны совершенно, и мстительность их сейчас имеет другие, первоочередные объекты (пусть это Вас не огорчит!!!). Агрессия их (большевиков) гораздо скорее могла бы быть — сухопутная — в странах Ближнего и Среднего Востока, и воздушная — прямо против Соед. Штатов и Англии, может быть.

Но то, что мы называем *«войной», есть вещь иррациональная* и никаким законам сего мира не подвластная. Мир может век ходить по ее острию и всё войной, вдруг, может иррационально смешаться в хаосе — всюду, во всех местах... Но анализ человеческий показывает, что большевизм сейчас на ущербе, он проигрывает в мире и на это есть ряд целый указаний. Конечно, он не «сдастся» (как Хаджи-Мурат, или репейник), он себя дешево не отдаст; но и он смертен и подлежит, как все в мире, Божьему Суду... Естественно, что для Вас был бы самый простой и лучший путь, «в случае» образования вблизи Вас фронта войны — в Австрии и Германии, — бежать дальше «на Запад» — в Швейцарию (из которой, может быть, и в Америку можно было бы податься), — венгерские беженцы, как и всякие (пока новы и свежи), возбуждают прилив мирового сочувствия... И лучше, конечно, обдумать заранее «все возможности», чем проявить некстати бездумность. Такие расчеты жить не мешают, и я не против них.*

Все это ясно... Но скажу Вам, паки и паки, *«нет доpòги» Вашей душе — терроризироваться,* считать себя лишь кроликом траунштейнским пред удавом. Это — плохо, это не поможет; *это — недоверие Промыслу, Руке, Ангелу, — поэзии Кленовского об ангелах!.. «Мир Мой даю вам,* не

* Сам ушел я из Берлина. Но, правда, расчетов заранее тут не делая, и даже грешил мыслию — остаться. Но воля Божия иначе рассудила и увела меня даже за океан. А.И.

так как мир дает Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается« (Иоанна XIV,28).

Браню Вас. Обнимаю Вас... Не огорчайтесь на нас! —

Ваш Еп. Иоанн.

БЕЗЗАЩИТНОСТЬ *

Д. Кленовскому

Все связано порукою земной —
За зверем ночь, простор за белой птицей;
Но кто укроется за белизной,
За ангела, кто может заступиться?
Нет беззащитней в мире, чем они,
Нет утаенней их в холодном мире.
Пред ними надо зажигать огни,
Их надо петь на самой громкой лире
И говорить, что ангелы всегда,
Спасая смертных, падают в пучину.
Они идут с волхвами, как звезда,
Хранят рожденье, пестуют кончину...
Но сколько оскорблений, сколько слов
Мир говорит об ангелах впустую —
«Все существует, средь земных основ,
И только ангелы не существуют!»
Хранитель ангел, если, и любя,
Твой шопот я поранил невниманьем,
Прости меня. Я знаю, что тебя
Увидят все в час позднего свиданья.
Когда наступят сумерки земли
И свяжутся навек пустые речи,
Все ангелы придут, как корабли,
Последней беззащитности навстречу.

1957.

---

* Включено было в сборники «Нескучный Сад» 1969 и «Избранная Лирика» 1974. Как «Песнь об ангелах», это стихотворение исполняется в Сов. Союзе, под аккомпанимент рояля. Мне привезена из Москвы кассета с этим пением одного из «бардов» там. А. И.

17 января, 1957 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

С наслаждением прочли Ваши стихи об ангелах, где Вы в прекрасных образах сказали о стольких сокровенных истинах. А после этого чтения захотелось еще явственнее услышать Ваш поэтический голос и обратился я к конверту, где, вместе с Вашими письмами, хранятся все присланные мне Вами стихи. Помните ли Вы их и знаете ли, что у меня набралась уже целая их коллекция (на книгу хватило бы!)? Все они овеяны подлинным вдохновением, а некоторые присолены еще к тому же тончайшим юмором или согреты незаслуженным, но отрадным моему сердцу, вниманием ко мне и к моей жене. С радостью оба все их перечли. А жена припомнила еще то давнишнее Ваше стихотворение, что Вы, по ее просьбе, продекламировали, сидя в кресле у ее постели, во время последнего (неужели, действительно, последнего??) Вашего посещения.

Перечтя Ваше послание ко мне, озаглавленное «Где стихи?», решил, дабы не остаться у Вас в долгу, послать Вам кое что из написанного мною в последнее время (при сем прилагаю).

Душевно любящий Вас

Д. Крачковский.

8 сентября, 1957.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Сердечное спасибо, что порадовали меня папиной* картиной, ширяевской лаской и собственным милым четверостишием! Конечно, поэтам приятно, когда их гладят по шерстке (или перьям, если они крылаты), а не против; но

* Отец Дм. И. Крачковского — известный в России художник-академик И. Крачковский.

не замечали ли Вы иногда, если не на лебедях, то на собаках, что иную, слишком крепкую ласку они больше терпят (из вежливости), чем ею наслаждаются? Все же я рад уже просто тому, что нашелся в мире сем один человек, которому мои стихи пришлись по душе. Но что за чудовищные искажения в них получились! «Голгофы *оцет*» превратился в «*отсвет*», «*дешевая* больница» в «*душевную*» и т. д.

У нас август месяц был исключительно бурным: приезжали, один за другим, разные заморские друзья и знакомые. Из числа Вам вероятно известных: Глеб Струве (проведший у нас целых десять дней) и Ржевский (прозаик и критик) с женой-поэтессой Аглаей Шишковой, той самой, которую Ширяев прославил вместе со мной в своей статье. Все жили, конечно, в гостинице, но целые дни проводили у нас. Было очень интересно: хорошо поговорили, читали стихи. От Струве узнали, что Вы примерно в это же время были в Европе и даже в Мюнхене, а потому надеялись, что и Вы почтите нас своим посещением, но этого — увы! — не произошло...

Стихи мои, думается мне, доходят и до тихоокеанских берегов, если только там читают «Новый Журнал» и «Грани». Были они в только что вышедшем № 49 первого и в № 31 второго. А кроме этого пока ничего нового и нет.

Репродукция с картины моего отца свидетельствует о полном убожестве советской полиграфической промышленности! В тонах она совершенно не похожа на оригинал. Но все же приятно, конечно, что труд отца не забыт. А вот сыну пути «туда» навсегда заказаны!

КЛЕНОВСКОМУ

Кленовский, первый из поэтов,
Сей царскоселец и зоил,
Созвездьем новых самоцветов,
Нас новой книгой угостил.
Опять к жене идут все строки
На суд, на радость, на поклон;

Опять его покой высокий
Здесь человеку посвящен.
И снова звездного лиризма
Течет высокая струя,
Чтоб скрыли звездные края
Сороколетье большевизма...
Хвала бесстрашному поэту,
Его уму и мастерству.
Он подарил нам книгу эту
По *дару* (не «по естеству»)
И, видно, ангелы, сквозь тучи,
Его водили в светлый сад.
Его межстрочные созвучья
Небесной россыпью звучат.
Звучат, горят нездешней былью
И этой нежностью земной,
Которая была с землей,
Пока ее не позабыли.

Странник
1957 г.

22-го июля, 1958 года
Сан Франциско

†

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Мужайтесь и дà крепится сердце Ваше... Доброе известие получил и очень хорошее стихотворение тоже*... Только одно мне там «не по сердцу», — два слова (меж тире) в последней строфе. — «*Совсем пустому*» — так не подходит, к такому насыщенному внутренним значением стихотворению. Ведь «пустота» «всего» призрачная, — и именно чрез нее то легче войти в полноту... Вы не говорите, но она не может не угадываться для верующего, понимающего вещи. Стихотворение более значительно и метафизично, чем эти слова («от мира сего»): они диссонируют с целым,

* Стихотворение «Прощаться всего трудней, потому».

взятым в лучшем ключе своем... Почему бы не подумать над иной инструментовкой конца?.. Вы сами увидите, что лучше можно сделать. Если Вы избавитесь от такого, *лишь негативно тут звучащего слова,* то Ваше стихотворение станет развитием тютчевского — помните — о вере: «...она еще не перешла порога», а дом ее «уж пуст стоит...» Даже если слово «пустому» заменить «иному», — уже открывается некая даль... хорошая даль... Жаль, если такое стихотворение заземленится «в минор житейский»... А Тютчева хорошо можно *продолжить,* раскрыть этим стихотворением.

Болезнь языка жены Вашей, если можно так сказать, «пророчески-поэтический эквивалент». Язык страдает от ангельского прикосновения: «угль, пылающий огнем» водвинут может быть в разных формах и видах. Очищение уст — *духовным или физическим* страданием, это связано очень глубоко с жизнью. Может быть, даже *Ваши* уста очищаются *ее* страданием...

Обнимаю Вас и призываю на Вас и на жену Вашу благословение Господа, Видящего все.*

***

Ваше письмо глубоко и прежде всего порадовало меня тем — я сказал бы: взволнованным! — вниманием какое Вы уделили моему стихотворению. То, что Вы так близко приняли его (со всеми его слабостями) к сердцу — свидетельствует о теплоте и задушевности Вашего отношения к его автору, и последний это особенно ценит. — О тех соображениях, которые Вы высказали по поводу двух заключительных слов стихотворения (по такому — *совсем пустому* — пути...) было бы приятнее побеседовать; писать — труднее. Мне представляется, что понимая эти два слова так, как Вы их поняли, а потому их отвергая, следовало бы отвергнуть... всё стихотворение вообще, ибо всё оно, от начала до конца, построено на желании пустоты и одиночест-

* А в политике международной мятутся сыны человеческие, как мошкара над болотом. Толкутся, кто вверх, кто вниз... Бедное человечество! «О, если бы ночью И чтоб звезда упала... другая... Еще...»

ва в свой смертный час. Желание это самое земное: желание того, чтобы как можно меньше любимого на этой земле огорчало бы тебя тем, что ты должен с этим любимым расстаться. Желание иллюзорное, конечно, ибо *сознание*, что ты это любимое (от бабочки до звезды) покидаешь, в душе остается. Потому то и «*может быть* легче будет уйти», то есть, предположение с оттенком *неуверенности*. Но, если подойти к стихотворению с иной, менее «земной» точки зрения и поискать в нем некоего высшего (проскользнувшего туда, вероятно, помимо автора) смысла, то стремление к ощущению *пустоты*, как отрешения в свой смертный час от всего земного, как поисков незатемненного и незагражденного ничем, даже самым любимым, пути к неожиданнейшей и сложнейшей *полноте* потустороннего — не является ведь предосудительным?** Так что, при таком восприятии стихотворения, я с Вашей точкой зрения согласиться не могу. Но воспринять стихотворение, повидимому, можно двояко. Это, думается мне, потому, что земное перемешалось в нем с небесным, что для меня неизбежно, ибо я не принадлежу безраздельно одному из них.

Относительно переделки стихотворений, притом не в области формы, а мысли, знаю по собственному опыту, что это не дает результатов. В случае сомнений такого рода, надо писать заново.*

Спасибо от нас обоих за Ваше милое внимание к жене моей! То, что Вы пишете об очищении уст страданием, в том числе даже не своим собственным, полно очень глубокого смысла. Между прочим, жена не раз уже говорила мне, что никогда не променяла бы всех своих, действительно бесчисленных (и мучительных!) недугов на жизнь без меня. В этих словах таится, может быть, та духовная жертвенность, которая связана с высказанными Вами соображениями.

Спасибо за книжечку! Иногда удается слушать по радио беседы Ваши.

31 июля, 1958 г.

** Поэт, конечно, прав, так *углубив* свое слово. А. И.

* Это так во многих случаях, но не во всех. А. И.

19 ноября, 1958 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Все еще никак не можем утешиться, что Вы нас не застали! Вспомнишь — и снова огорчаешься! Такая досада!

Вероятно в январе, если все будет благополучно, смогу послать Вам мой новый сборник стихов. Недавно сдал рукопись в набор. Книга печатается в Мюнхене, в нее войдут 40 стихотворений, из которых часть была уже опубликована в «Новом Журнале» и в «Гранях».

Вероятно Вам, Владыка, я обязан тем, что Ваша сестра прислала мне с милой надписью книгу своих впечатлений об СССР.* Прочли ее оба с большим интересом. В ней не только много любопытного, метко подмеченного, но и написана она вся очень талантливо. Я поделился этими впечатлениями с Вашей сестрой и в свою очередь, послал ей своего «Неуловимого спутника», на что тоже получил милый ответ. Оказывается, Ваша сестра была в свое время тоже поэтом! Полученная мною книга была на немецком языке, а теперь она выходит и по-английски.

Слышал, что в Париже вышла поэма в стихах Н. Оцупа на библейскую тему: «Цари». Один из моих корреспондентов пишет, что книга замечательная, как он выразился — «мудрая», и что он читал ее, не отрываясь, целую ночь напролет...

6 января, 1959 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получили Ваш ласковый рождественский привет — спасибо за него. А также за готовность помочь в распространении моей книги! С Вашего разрешения, пришлю Вам пакетик.

Спасибо так же, дорогой Владыка, что снабдили меня статьей Ульянова. Я, правда, ее уже имел, но лишнему экземпляру был очень рад, так как могу послать ее в круго-

* Зинаида Шаховская. «Ma Russie habillée en URSS» (на французск. языке). Переводы: на немецкий и английский языки.

вую на прочтение моим очень, очень ею заинтересовавшимся европейским знакомым. Не скрою, что и мне и жене было чрезвычайно приятно прочесть столь щедрую похвалу... Грешен, Владыка! Но Вы, я знаю, сей грех мне с ласковой улыбкой отпустите, хотя в письме своем деликатно предупредили меня против обольщения мирской славой.

Независимо от суждения обо мне, статья мне очень понравилась. Ульянов в своих высказываниях всегда смел, независим, остер, оригинален, и это сообщает его талантливым статьям особую прелесть. Но многие им из числа и критиков, и политиков, и писателей крепко обижены, и вокруг статьи разгорится, несомненно, изрядный спор; причем, не одна пулька попадает рикошетом и в тех, кого Ульянов похвалил. Так что, после первых радостей, предстоят мне, по всей вероятности, в дальнейшем и огорчения!

Насчет меня Ульянов ошибся в одной литературно-биографической детали. Те 30 лет, что протекли между моей первой книгой («Палитра») и второй («След жизни») я провел не в своем поэтическом совершенствовании, как думает Ульянов, а... в полном молчании. Так что «мастерство» (если ко мне можно применить это слово) пришло не в результате человеческого усердия, а Божеской милости — я, по крайней мере, могу это понять только так. Я об этом писал года три тому назад в «Гранях» (концовка моей статьи «Казненные молчанием»).

28 января, 1959 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

...Полемика вокруг статьи Ульянова разрастается — я в курсе дела, так как друзья посылают мне вырезки. Меня пока что все продолжают хвалить и величать самыми лестными именами. Прилагаю все усилия, чтобы не возгордиться! Смирению моему помогает то, что я всё это последнее время очень неладно себя чувствую.

Душевно Ваш

Д. Крачковский

30 марта 1959 С. Фр.

Поздравляю и поэта, и читателей с «Прикосновением», — взаимным, друг ко другу (primo), и к чему то большему (secundo).

Получена книга, — сколько там хорошего и настоящего (Ангелу — лучшее). Дал третью часть на распределение и отсылку «материи». А от своей части материю храню в панцыре печатных страниц.

Удивительно, — где начинаете говорить о своих тысячелетиях, — то *значительно* слабее другого материала (стр. 34, 35). Мне кажется еще, что Вам меньше удаются «в целом» те стихотворения, где Вы немного «играете», немного изображаете что-то, пусть возможное, для себя, но не свое, до конца. Не знаю, если сию мою мысль я достаточно выразил. (такое нечто может быть лишь у поэтов с созревающей правдой религиозной.)

Сердечно обнимаю

Еп. Иоанн

КНИГА «ПРИКОСНОВЕНИЕ»

Кленовый лист вскружился над аллеей
Средь утомленных осенью ветвей,
То новый, лучший миг судьбы твоей,
Стоящая у тихих вод лилея.

Останься в мире, наконец, одна,
Не ожидай весеннего возврата,
И медленная мира глубина
Пускай горит в лучах заката.

Странник

Март, 1959 г.

Сан Франциско

9 мая, 1959 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Очень порадовали Вы нас Вашим сердечным письмом и особенно, стихотворным посланием! Вы, действительно им меня утешили, ибо всякое проявление любви — утешение, а ее я не мог в послании Вашем не почувствовать. Порадовало меня и высокое мастерство Ваших строк, их свободное и яркое поэтическое дыхание. Из посвященных Вами мне стихотворений — это самое совершенное, и по чувству и по форме. Сердечное Вам, дорогой Владыка, спасибо!

Книга моя продается в Америке, отчасти с помощью моих друзей, отчасти, через магазины, довольно успешно. Надеюсь, что постепенно выручка составит ту сумму, которая мне нужна, чтобы рассчитаться с долгом по изданию книги. Появился также спрос на предыдущие мои книги. Рецензий о «Прикосновеньи» еще нигде не было. Я принципиально не организую (как это многие делают) таких рецензий, а потому, это дело случая, появятся ли они и какие. Поскольку наши редакции (особенно газет) всеядны и печатают без разбора всё, что им присылают, и поскольку, к тому же, враги расторопнее друзей — не исключено (и даже больше шансов), что рецензии появятся недоброжелательные. А отклики я получаю прекрасные, нередко даже восторженные (были они от Бор. Зайцева, Вейдле, В. Н. Буниной, Чиннова и многих других).

22 июня, 1959 г.

Дорогой и Глубокочтимый Владыка!

Последние две недели чувствую себя, благодарение Богу, лучше, так что решил от больниц и всякого рода неприятных исследований пока что воздержаться.

На судьбу моего «Прикосновенья» жаловаться не могу. Даже в привередливом Париже спрос на него наредкость

большой. Это отчасти вызвано полемикой вокруг моей персоны, начавшейся после того, как Русская Мысль перепечатала из Н.Р.С. статьи Ульянова и Глеба Струве, в которых я был провозглашен «*лучшим поэтом эмиграции*» и посажен, так сказать, на вакантный, после смерти Георгия Иванова, трон «первого поэта» (чему я никак не был рад, т. к. против каких-либо чинов в литературе). Против этого возразила вдова Г. Иванова, Ирина Одоевцева, а затем, пошло и пошло, и так и сяк, и за и против. В результате, вся эта перепалка создала мне, однако, замечательную рекламу! Знакомый пишет мне из Парижа: «встретил дочь Бориса Зайцева, сказала: а о Кленовском только и говорят, только и спорят!» Парижские книжные лавки то и дело присылают мне заказы, притом не только на «Прикосновенье», но и на предыдущие мои книги; так что за последние 2 месяца я послал в Париж около сотни экземпляров, цифра для стихов небывалая.

Получил в подарок книгу С. Булгакова «Лествица Иаковля», которая меня чрезвычайно заинтересовала. Какого Вы о ней мнения?

22 авг. 1959 С. Фр.

Милый Дмитрий Иосифович,

Прошу передать по назначению следующее:

Привет поэту Царского Села,
Которого дорога занесла
В село баварское, — чтоб там среди людей,
Он пел про ангелов и лебедей!

Но сии истины надо посылать также к тихоокеанскому берегу...

Ваш Еп. Иоанн

М.б. Вам приятна эта репродукция (вышедшая в издании в миллион тиража) м.б. и статья Ш-ва Вам будет интересна. Поэты обычно не протестуют когда их гладят не против, а по перышкам их лебединым...

4 октября, 1959 г.

Дорогой Владыка!

Разрешите, прежде всего, выразить вторично мое и первично — жены моей восхищение! При повторном чтении стихов, я оценил их и насладился ими еще более! Мне думается, что, будучи изданной, книга Ваша* явится одной из самых благородных и благоуханных поэтических книг эмиграции! Вы достигли в ней редкой удачи: книга разнообразна и интересна, даже увлекательна, будучи вместе с тем объединена темой и настроением, что дает ей редкую цельность и гармоничность. Она актуальна и, вместе с тем, вневременна. В ней чарующий, умный и тонкий юмор соседствует, никак не контрастируя, с глубокой, ясной и, притом, ненавязчивой религиозно-философской мыслью. Горячо приветствую Вас, Владыка, с исключительной удачей. Издавайте книгу поскорее!

Рукопись я получил в пятницу поздно вечером. Я не мог очень-очень быстро прислать Вам свои замечания. Хотелось обдумать, подыскать наилучшие варианты, вообще, сделать всё не с налету, а как следует. Не исключено, что нашлись бы и еще некоторые соображения, но думаю, что главное я охватил.

Пользуйтесь, дорогой Владыка, моими соображениями и предложениями (если они Вам будут по вкусу) без всяких scrupules. Ведь это, в сущности, не изменения текста, а всего лишь нейтральные технические варианты, иногда просто перестановка слов, мелкие исправления в готовом уже тексте. Никакого, даже минимального, процента «соавторства» тут нет, так что все предложенное мною берите, если только подойдет и понравится, не смущаясь.

Еще одно соображение. Правильность ритма, может быть, и не всегда обязательна. Стихи могут быть и аритмичны, — но я не любитель таковых (слишком я «классик»!). Все же *иногда*, может быть, лучше поступиться рит-

---

* Речь идет о рукописи «Странствия». Книга была издана в Нью-Йорке, в 1960 году. Мне хотелось замечаний критических Д. К. А.И.

мом, чем добиться его в ущерб смыслу. Но лучше всего, конечно, *гармония и того и другого!!*

Итак: благодарим за доставленную нам стихами радость, а книге желаем скорейшего появления на земном плане (ангелы ее уже читают и перечитывают...).

*
* *

Другу доброму, Зоилу,
Я опять строчу посланье.
Через меру, через силу,
Приложив свое старанье,
Я последовал совету
Друга доброго, Зоила,
И, как следует поэту,
Обмакнул перо в чернила.
Вспоминая тысчу правил
Монпарнасского блаженства,
Я стихи свои направил
На дорогу совершенства.
И хотел бы вечно, вечно
Исправлять свое творенье
И испытывать, конечно,
Безконечное терпенье.

Странник.

Февраль, 1959.

ТРИПТИХ

ОПАСНОСТЬ

Покрыться лучше раз двенадцать плеснью,
Чем, на закате совершенных лет,
Вдруг заболеть *березовской* болезнью.
О, берегись, мыслитель и поэт,

Стихов безудержнòго скороспелья,
Стеканья в мир глаголов, падежей, —
Не заводи ненужного веселья
Поэмою в двенадцать этажей!

ВЫХОД

Я по секрету так скажу поэту,
Как некий смелый дедушка Прутков:
Имея сад, да и фонтан при этом,
О, будь всегда *заткнуть фонтан* готов!

Но если хочешь, то тебе украдкой,
Еще один совет я преподам:
Попробуй заболеть *кленовской* лихорадкой,
Прикладывающей печать к устам.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ СОВЕТЫ ПОЭТУ

О, не сиди на кухне поэтичной,
Где смрад и дым.
Пусть стих твой будет не трагичным,
А милым и простым.

Соразмеряя слово с добрым чувством
Привыкни ты
Считать свой стих не пасынком искусства,
А сыном простоты.

Е. И. Октябрь, 1959.

15 октября, 1959.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Все три Ваших письма из Швейцарии получил. Прежде всего спасибо за стихотворение, лично мне посвященное! Такое поэтическое Ваше внимание всегда особенно меня радует. Спасибо и за превосходный триптих, где тоже добрым словом меня помянули. Третья его часть («Последний совет») достойна того, чтобы фигурировать в будущем томике Ваших восьмистиший, она как бы характеризует и Вашу музу. Исключенные Вами стихи, пожалуй действительно можно исключить. Не то, чтобы они были слабы, но они не украшают книги. «Патмос» Вы переделали *замечательно*, превосходны последние две строки, это «*В ПЕЩЕРУ* НАВСТРЕЧУ *ВСЕЙ ЗЕМЛЕ*». А вот, поскольку Вы об этом запрашиваете, мое мнение об остальных новых стихах Ваших:

1) «ПЕСНЬ НАЗАРЕТА» нравится мне чрезвычайно и сделана безупречно.
2) «ЛЮБОВЬ» — очень хроша первая строфа, но вторая меня не удовлетворяет, она, на мой взгляд, не раскрывает темы и как то «поучительна», но не убедительна.
3) «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ». *Прекрасна* первая строфа, но вторая меня тоже не удовлетворяет. Две последние строки, в сущности, перепев 3 и 4, превращая, к тому же, любовь из предмета, так сказать, твердого, который можно «разбить», в жидкость, которая может «раствориться в пыли.» Сомненья возбуждает и 5 строка, с ее «увлеченьем», и «страстью», понятиями заранее исключенными, поскольку речь идет о любви никак не плотской.
4) «ТЕХНИКА». Переделано хорошо. Прекрасна 2-я строфа. Но в первой непонятно, кого подразумеваете Вы под «мы»? Если *людей вообще*, то им, как en masse, свойственно *другое* мнение. Если же неких избранных, то это не ясно. Я изменил бы, на Вашем месте, первую строку.

5) «СКОРОСТЬ» — *очень* хорошо. Только «МЕЛЬКАНЬЕ», как нечто *легкое,* не совсем соседствует с «*ТЯЖКИМ* КАЧАНЬЕМ».

6) «СЛЕД ИСТИНЫ». Первые две строки мне непонятны. Сначала представляется, что Вы глядите «в траву» (на поле); но вторая строфа, с ее «НАКЛОНЕННЫМ НЕБОМ» (впечатление при полете), требует чего то другого, и начинаешь фантазировать, что и синий жук и васильки — это какие то просветы океана, что ли, в облаках, с самолета, но полной уверенности при этом нет, и недоумение остается. И почему «МИР *СЛОВ* НЕТОРОПЛИВЫХ»?

7) «ТУРИСТЫ» мне, откровенно говоря, не нравятся совсем, особенно 2-я строфа, и я бы их не печатал.*

8) «ЧЕЛОВЕК В ЭТОМ МИРЕ». Столь же откровенно говоря, не понимаю, что именно Вы хотите сказать. Как бы в унисон с этим, звучит Ваше собственное «НЕЯСНО, МОЖЕТ БЫТЬ». Хороша, конечно, «ТАЙНАЯ СВЯТЫНЯ» в каждом человеке, которую он «НЕ В СИЛАХ ПРЕВОЗМОЧЬ», но раскрытие этой темы оставляет, меня по крайней мере, в недоумении.

Простите, Владыка, за чрезмерную, может быть, откровенность. Я, что называется, несколько обнаглел, и сужу, может быть, даже слишком придирчиво и строго. Знаю, впрочем, что Вы на меня за это в обиде не будете, ибо кроме любви к Вам и к стихам Вашим мною ничто не движет. Томик Ваших восьмистиший мне хотелось бы видеть совершенным, ибо так представляется мне, он явится одним из совершеннейших Ваших творений.

Ваши поправки к прежним стихам все превосходны. Это отлично, что Вы не ограничились «пломбами», а кое что основательно переработали. Но все же, в нескольких случаях, мне хочется уговорить Вас произвести изменения. Прежде всего — *стихи о розе.* Что протянула Вам ее (фактически!) женщина не старая, а лишь рука ее выглядела

---

* Это стихотворение мной было исключено из Сборника 1960 года. А. И.

старой — читателя не интересует, да и для темы стихотворения это не существенно; суть дела не в этом. Читатель слышит слово «СТАРАЯ» (рука) и, ориентируясь на него, делает логический вывод, что розу протянула Вам старуха (или старик). Так что меняя «СТАРУЮ РУКУ» на «СТАРУХУ», Вы ничего не меняете, но зато спасаете ритм стихотворения. Соблюдать тут точность *фактов* — излишне, это не мемуары. И совсем, совсем не нравится мне «НЕНУЖНАЯ БУМАГА». Насколько я понимаю (вот *это* важный факт!), стебель розы был плотно перевит серебряной бумагой, иначе нечего было Вам «ДОЛГО ЧИСТИТЬ СТЕБЕЛЬ», чтобы освободить розу от наносной человеческой мишуры. Между тем, в новой редакции (в противоположность первой) у Вас получается, что «НЕНУЖНОЙ» бумагой (тут можно понимать просто лист белой бумаги) был всего навсего «ОБЕРНУТ» стебель розы — значит: развернул и всё в порядке, чистить и не нужно! Я считаю, что для ясности образа должно быть либо «БУМАГОЙ ЯРКОЙ», либо «БЛЕСТЯЩЕЙ ФОЛЬГОЙ», и не «ОБЕРНУТ», а именно «ОБВИТ», «ПЕРЕВИТ», «ОПУТАН» и т. п. И «ДОМА», вместо «ПРИДЯ ДОМОЙ» — еще раз, очень советую. В «моей» интерпретации — стихи ритмичны, в Вашей — нет. А это жалко, так как стихотворение одно из лучших в книге. Простите, что я с такой страстностью защищаю свои предложения, но я как то сроднился со всеми Вашими восьмистишиями и их поэтическая судьба меня волнует!

Далее: Вы ничего не пишете о № 4 («ПЫЛ*ИЮ*») — неужели Вы тут ничего не изменили? Тут дополнительно: в № 7 можно, вместо дважды Гватемала, дать «НИКАРАГУА, ГВАТЕМАЛА». В № 12 Вы, повидимому, решили сохранить «ДИКТАТОРА»? № 16 Вы тоже не изменили? Очень советую Вам изменить тут вторую строфу, ведь это даже не пломба, а зубочистка, а то ритмически получается совсем нехорошо, и 2-я строфа резко дисгармонирует с первой. Я предлагал:

А ОНО ВЕДЬ НА ПЕСКЕ,
ТО БЛАГОПОЛУЧИЕ,
И МЫ ВСЕ — НА ВОЛОСКЕ,
В САМОМ ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ.

Столь же настоятельно рекомендую в № 46, в последней строке, вместо «ВАШЕЙ» дать «НАМ». Этим Вы избежите неприятнейшего ритмического перебоя. В № 61, в исправленной Вами 4-й стрке я вычеркнул бы «ГДЕ то».

Вот примерно все, что я могу еще сказать и посоветовать. Когда приступите к изданию Книги? Буду ждать ее с нетерпением. А хорошо, что не послали невыправленную рукопись Степуну! В таких случаях нельзя торопиться, по себе знаю.

Вы просите от меня ответа стихотворного. Увы! Именно тут проявляется великое Ваше духовное превосходство! Вы больны не меньше меня, питаетесь еще скуднее, путешествие не могло Вас не утомить — и вот несмотря на это, дух Ваш бодр и творчески богат. Я же, повидимому, в плену моих недугов, и дух мой бессилен перед кознями плоти — сие к стыду моему...

К приезду Вашему в Нью Йорк, выйдет там альманах «Воздушные Пути» в честь семидесятилетия Пастернака. «Клу» альманаха будет нигде еще не напечатанная большая поэма Ахматовой, как говорят, очень хорошая. Там же и мои стихи, Вам мною уже читанные.

Получил из Италии от некоего В. Сумбатова сборник его стихов, изданный в 1957 году. В нем есть хорошие и даже превосходные стихи, есть и на религиозные темы. Книга как то очень располагает к автору, человеку душевно повидимому очень чистому. По книге видно, что он стар, одинок, болеет. Порадуйте его Владыка — пошлите что нибудь из своих книг, он почувствует, что его помнят и знают.

Тираж моих книг не превышал 700 экз. и, за исключением «Следа жизни» (500 экз.), они далеко не распроданы. А считается, что с продажей книг мне особенно повезло. Учтите, что по 200 экз. каждой книги я раздарил.

Теперь о делах сугубо-поэтических.

Ваше «ОТРЕШЕНИЕ» нравится мне *чрезвычайно!* А вот «ГЛАГОЛЫ» вызывают некоторые сомнения. Вы очень предусмотрительно озаглавили именно так это стихотворение, как бы заранее выбивая из рук критика (сам, мол, знаю!) неодобрительный аргумент, что вот на 8 строк при-

ходится 14 глаголов. Если, подкрепившись названием и красиво выделяя глаголы (ведь для этого Вы и подкрепить их хотите), прочесть стихотворение, оно сперва производит впечатление. Но — увы! — через мгновение, в памяти остается лишь смутное воспоминание об изобилии глаголов, из коих ни один не удержался и не ранил — и это просто потому, что таковых было слишком много...

В «РИМЕ», если Вам так не хочется отступать от истинных фактов, вариант «КТО ТО МОЛЧА ПРОТЯНУЛ МНЕ РОЗУ» — наилучший.

Что касается фамилии автора, то тут надо думать и думать.*

Держите меня, пожалуйста, дорогой Владыка, в курсе дальнейших Ваших планов издания своей книги! Она со мной «срослась» и судьба ее глубоко меня волнует.

Сердечный привет от жены.

Поручая нас обоих молитвам Вашим,
Глубоко любящий Вас

Д. Кленовский

3 ноября, 1959 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил часа два тому назад Ваш пакет из Нью Йорка и спешу ответить. Порадовало меня еще и еще раз Ваше доверие и умилила Ваша авторская скромность: так редко поэты обращаются друг к другу за советом и суждением!

Первое, что меня смутило и озаботило — это Ваши сомнения, следует ли решиться на издание книги? Она так

* Кленовский предлагал мне ряд псевдонимов. Они и ему не совсем нравились, и он писал: «Надо дальше шевелить мозгами». В конце концов общими усилиями, было найдено поэтическое имя: СТРАННИК, удовлетворившее его и меня. А. И.

хороша, что никаких литературного рода сомнений быть *не может*, а если есть сомнения, если так можно выразиться, «профессиональные» (т. е. приличествует ли епископу издавать книгу стихов) — то их следует решительно преодолеть. Духовное, именно духовное значение Вашей книги *настолько велико*, что принесет она не меньше пользы, чем книга прозы Вашей или проповедь — ведь мы с Вами, дорогой Владыка, хорошо знаем тайную, могучую силу стиха, его совсем особенное действие на человеческие сердца. Так что отбросьте всякие сомненья и книгу *непременно* печатайте! Слишком долго «выдерживать» ее по моему тоже не следует. Вы уже немало поработали над разного рода улучшениями ее текста, и едва ли время еще что нибудь к этому добавит. Кроме того, слишком долго «мудрить» над стихами иногда даже плохо, они начинают терять в непосредственности.* Так что, на Вашем месте я бы издания *не откладывал*. Насчет инициалов — не люблю я вообще таковых, но положение Ваше трудное, псевдоним вероятно не полагается? Хотелось бы увидеть «Д. Шаховской», но возможно ли это? Придется, повидимому примириться с двумя буквами... Может быть, заменить их каким нибудь словом, например «Странник»** (был же писатель с псевдонимом «Скиталец»)? Послесловие Ваше, мне, откровенно, не нравится, лучше, по моему, без него. Существенных объяснений, без которых книга была бы непонятна, оно не дает, да таковые и *не нужны*: книга сама говорит за себя и себя объясняет первыми же стихами.***

Что касается отдельных стихов, то осталось сказать лишь немного:

1) *Огорчило* меня *исчезновение* стихотворения «ЧЕЛОВЕК» (№ 12). Оно, на мой вкус, *чрезвычайно удачно*. Возвратите его к жизни, дорогой Владыка! Оставьте при этом «ДИКТАТОРА», но возвратите к жизни непременно! Очень прошу!

---

* Очень ценное и верное замечание.

** С этим я согласился.

*** С этим верным замечанием я согласился. Речь всё идет о книге «СТРАНСТВИЯ». Кленовский очень ободрял сего *начального* Странника. А. И.

2) *Соседство* стихотворений 5 и 6 не совсем удачно, т. к. в фактуре они как то повторяют друг друга.

В первом концовка:

И ГУДИТ...

Во втором тоже концовка:

И БЕЖИТ...

Я бы эти два стихотворения «разлучил».

3) В № 7 следовало бы вместо «И ВСЕ *ТА* же» — «И ВСЕ *ТЕ* ЖЕ», но это не очень существенно.

4) В № 11 Вы внесли изменение в 7 строке:

«*В ВОЗДУХЕ,* НА ВОЛОСКЕ».

Мне оно не по душе, тяжелит. Советовал бы опять и и опять:

«*И МЫ ВСЕ* НА ВОЛОСКЕ»

5) В № 16 советовал бы не делать пропуска между 4 и 5 строками.

6) В № 42 (Принцевы острова) умоляю Вас, Владыка, внять гласу моему и последнюю строку дать так:

И РОДИНОЙ *НАМ* (а не «нашей»!) СТАЛА ВСЯ ЗЕМЛЯ.

Почему, дорогой Владыка, Вы непременно хотите *испортить* восьмой строкой безупречный ритм первых семи? Зачем под конец нужен этот неуклюжий перебой? Тем более, что «НАМ» ничего решительно не меняет в смысле. Умоляю Вас пересмотреть свое решение!

7) В № 48 (РИМ) не нравится мне новое Ваше слово «ЖАЛОСТНО»... Если Вы уж так не хотите «МНЕ СТАРУХА ПРОТЯНУЛА РОЗУ«, то можно «КТО ТО РОБКО ПРЕДЛОЖИЛ (или протянул) МНЕ РОЗУ». Впрочем, робость и жалостность итальянским уличным продавцам не очень то свойственна. Я за *старуху!*

8) В № 52 (ТЕХНИКА) правильнее в последней строке «БАШН*И*» (отрицание требует родительного па-

дежа — впрочем это правило теперь постоянно нарушается).

9) В № 60 (РАННЯЯ ОСЕНЬ) я бы обязательно вычеркнул «ГДЕ ТО», в 4 строке. Слово это по смыслу никак не обязательное, а *ритм оно нарушает!* Первый манускрипт, как Вы того требуете, уничтожу в кочегарке.

Моя откровенность в суждениях, надеюсь, и на этот раз Вас не обидит? Она от самого чистого и любящего Вас и Ваши стихи сердца!

Перечтя сегодня еще раз всю книгу, получил снова и снова высокое наслаждение. В книге множество превосходных, впечатляющих, исполненных глубокой внутренней силы стихотворений, которые не могут не заставить благодарно биться человеческие сердца. Особую прелесть книге придает то, что она вся составлена из восьмистиший. Вы сумели мастерски уложить сложные темы в эту скупую внешнюю форму и тем сделали их особенно действенными. Порадуйте меня поскорее известием о том, что издание книги — дело решенное и что приступлено к нему будет в скорости!

Крепко Вас обнимаю и благодарю за большую радость, доставленную мне Вашей книгой!

7-го ноября, 1959 г.
Нью Йорк.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Снова спасибо за Ваши советы. Вы меня очень ободряете *печатать*... Аргументы Ваши сильные, — именно в том, что книга,* как бы продолжит (а кое в чем утончит) то, что я говорю «прозаически». Это сильный аргумент. Но есть у меня еще та «отрава» поэтическая (о которой я, ка-

---

* «Странствия. Лирический Дневник».

жется, еще не составил специального стиха): любовь к«ризе словесной», облекающей силу священнодейственную, которая становится и ее уделом... Я удовлетворен вполне лишь частью своих стихов... Потому мне легко принимать и критику, — я вижу нечто еще менее *совершенное* в них, чем то, на что указывается мне...

Вот «Рим»... Душа стиха живая, кажется, хорошая, но как неповоротлива (еще не поворотлива!) форма. «Старуха» — Ваша — *не плоха,* конечно, но стоит ли (примо) обижать старость? Секундо, слово это фонетически резкое, сухое, как выстрел (сердитое, даже, немного). Но дело не в этом, только, а в том, что если *старуха* протянула мне розу, а я купил *ее,* то это похоже, что я купил *старуху* (а не розу), а это будет противоречить всей книге. Если же поставить, вместо «ее» — во второй строке — «цветок», — это «уточнение» в стихе будет лишним... Как видите, «старуха» имеет свою и «проруху»; да и старушку эту осудить пришлось бы. (К эстетике так и липнет этика). А вообще это, конечно, не так плохо (и не так уж сухо), — «старуха»... Как Вам такое приглянется вступление:

«На одной из тихих улиц Рима,
Я купил у итальянки розу»?

Возраст итальянки оставляется читателю. В Траунштейне это будет, конечно, маститая «старуха». Но вот, надо в третью строку перейти, — «купил»: я ведь уже *купил...* Как быть? Здесь вопрос и существования «фольги», и всей вообще мишуры... Сие привожу *как пример* того, сколь можно увязнуть в пиэсе, которая уже теряет для автора свой первый аромат, ту пыльцу, которая призвана автора оплодотворять... Так дороги могут забастовать и перестанут вести в Рим...* С «Человеком» «Вашим» трудно. Идея хороша, но конец все двоится и троится, в равном (не очень сильном) достоинстве. Подумаем. ** Проект шлю адвокату человека. Совет разлучить 5 и 6 страницы понятен, но не

---

* Сие совестное борение разрешилось, кажется, в нечто новое. Призвано завуалировать *старуху* и *итальянку* — римское *утро.* Оно таким бывает в Риме хорошим. Надо его увековечить.

** Кажется, похоже, что конец эквивалентный найден.

больше ли приязни и связи во всей цепи этой, чем взаимоотталкивания? Изъяв 6, попадаем на 5 и 7! («Мы летим...») Это, может быть, *хуже*, чем совпадение «отголосков седьмой строки»?.. Значит, надо далее переставлять, а все места заняты, как в Московском автобусе, а «локтями работать» стихам не полагается, «Начало» полета связано с «началом» всего — архитектонически, а после ночи не надо ли показать, что из звезд рождается утро?

За 6-м идет некая «серия», почти слаженная, — 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13. Здесь аккорд философический на стыке двух континентов, и опять новая серийка, куда не переместишь ни 5, ни 6... В сознании, как то все связывается звеньями. И легкая лиричность 5 и 6 должна быть достаточным, все же, мостом для разделения — несколько иронического — вступления — 2, 3, 4 и серии 7—13... Не придумаю, как же тут помочь тому, на что указываете...

Я видел, что у 52 родительный падеж, из за угла, высовывает голову (и спрашивает — «а вы что здесь делаете, милостивые государи?»)... Но — в винительном падеже есть, согласитесь, некое благородство (может быть, оттого его и употребляют иногда бессознательно), и «Башни» родительного похожи на «Башни» именительного множественного числа. И эта двойственность *тут* — слабость именно родительной позиции и сила винительной. Больше тут слово подчеркивается (заглавная буква и, в придачу, винительный падеж).

...Мы с Вами, право, беседуем, как атомные ученые — о мезонах, фотонах и анти-протонах и прочих бесконечно малых величинах... Но, как жизнь, так и поэзия, стоит на этом; и духовная жизнь, тоже

Согласен, что «в воздухе» есть струя чего то не вполне созвучного (в 11-м). Согласен соединить строки в 16-м. Согласен в 60-м изъять одно слово, «не обязательное». С «Принцевыми островами» недоразумение. Переписчица на машинке написала «родиной», вместо «родиною». Тут перебоя нет. Но родиной *нам* стала вся земля» — легче, хотя вариант первый как то более весомый, как — поступь годов долгих... Но, не возразил бы тут. Что к облегчению книги, — я за то.

Это, кажется, все, о хороших заметках Ваших.

С «двумя буквами» Вы как то очень неохотно примиряетесь, а предложить, не предлагаете ничего, кроме «*Странника*».* да еще утешаете, что это похоже на «Скитальца»!! О «Д. Ш.» не говорю: нельзя ни человеку, ни змию залезать в старую кожу. Третья книга стихов юности (1925): «Предметы» (которая в продажу, даже, не пошла, а только друзьям) — была подписана фамилией, без имени (и в простейшей ее форме), словно ощущалось, что вскоре умрет и имя.

Так как все мы, в сущности, более *псевдо,* чем *реальность,* я взял бы тоже, если бы кто, что-нибудь *краткое и простое* посоветовал. Иначе — «две буквы»...

Послесловие, я согласен, имеет в себе нечто ненужное; вероятно, это есть отзвук ненужной прозаической честности. Весьма утешает, что «к сердцу» приняли мои стихи и защищаете их от Торпейской скалы...

Е. И.

15 ноября, 1959.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Снова глубоко был тронут новым доказательством Вашего ко мне поэтического доверия! У меня постепенно завелось целое досье, связанное с рождением и ростом Вашей книги! Она постепенно стала для меня, как родная, и судьба ее безмерно мне близка!**

Кажется мне, что Вы дошли до той точки в совершенствовании своей книги, когда такие попытки надо совсем

---

* Слово Странник — хорошее, но уж так похоже на Скитальца. Исцелим ли этот дефект? Впрочем, надо смотреть на все слова — заново. Такова стихия истинной поэзии.

** Вот ценное поэтическое дружество. Ему и посвящается вся эта книга. А. И.

или на время *прекратить*! Вы становитесь к себе чрезвычайно строги и то, что называется, мудрствуете (хоть и не лукаво, конечно). Знаю все это из своей собственной «издательской» практики: начинаешь сомневаться, придираться к самому себе — и, в сущности, по пустякам! Вот Вы, например, в «старухе» усомнились. Оно, конечно, в слове есть что то нелюбезное (недаром существует «старушка», в данном случае, впрочем, неприменимая), но не так уж это страшно. А уж что Вас могут заподозрить в покупке старухи, а не розы, — это уж явный признак творческого переутомления! Ведь «который», «его», «что» и проч. относится, по правилам, обязательно к *последнему* предшествующему этим словам существительному! Если бы у Вас было «розу протянула мне старуха» — мог бы получиться (да и то, с натяжкой) двусмысленность, а так ее нет! Об этом всем, впрочем, ниже. А пока хочу посоветовать Вам не слишком исправлять свои восьмистишия! Отложите всё в сторону на 2-3 недели, затем окончательно перечтите, исправьте, если что еще кинется в глаза и — печатайте. А то ведь можно так изжевать всё написанное, что книжка опротивеет, и Вам даже не захочется ее печатать!Все это, повторяю, знаю по себе! Я прекрасно понимаю, что Вы удовлетворены лишь частью своих стихов. В книге есть, конечно, стихи более и стихи менее удачные, но, положа руку на сердце, считаю, что *неудачных в ней нет*. Добавлю (тоже из собственного опыта), что никак нельзя предвидеть, что именно больше понравится читателю: нередко стихотворение, для автора «нелюбимое», на читателя (и притом квалифицированного) производит, как раз, особенное впечатление. Все стихи из книги, таким образом, «расходятся», находя своего «покупателя», совсем как на базаре. Так что не смущайтесь не удовлетворяющими Вас лично стихами! В суждениях Ваших о них и, вообще, о своих стихах, вижу глубочайшую поэтическую честность и чуткость, равно как и сугубую пастырскую ответственность Вашу. Но Вы правы, заметив, что мы беседуем с Вами о *бесконечно малых* величинах! Мне представляется, что и душа книги и материальное ее (души) оформление настолько высоки, что нужно пренебречь теми бес-

конечно-малыми сомненьями, которые в этих обоих случаях могут еще возникнуть. Не по чину, но по поэтическому моему естеству, с полным спокойствием и даже некоей торжественностью, благословляю Вас, Владыка, на этот Ваш поэтический подвиг! Спешу воспользоваться этой редчайшей возможностью поменяться с Вами ролями!!! Дайте и мне Вас разочек благословить — не все же Вам!

Теперь о деталях:

1) Знаменитый «РИМ». Против «ИТАЛЬЯНКИ» я всячески возражаю, ибо шведки и румынки цветов на улицах Рима не продают и сомнения в национальности продавщицы быть не может. Относительно «СТАРУХИ» убедительно не то, что Вас заподозрят в ее покупке, и даже не то, что слово неласковое, а то, что «СТАРУХЎ *ОСУДИТЬ* ПРИШЛОСЬ» (Ваши слова). «КТО ТО» было бы неплохо, но следующее за ним «УТРОМ» как то ни к чему. Я предложил бы «СМУГЛЫЙ МАЛЬЧИК». Это подходит к Италии. Предположение, что Вы купили мальчика, а не розу, само собой отпадает («ЕЕ»). И мальчика Вы не осуждаете, ибо он существо невинное и розу продает, несомненно, не в своем, а в чьем то чужом, суетном оформлении.

2) Не менее знаменитый «ЧЕЛОВЕК». И тут я возражаю против новой редакции последней строки. *СОВЕРШЕННО* НЕТУ» есть *категорическое* утверждение, а потому теряется духовная перспектива. Тут непременно должно быть *«СЛОВНО»* (ведь на самом то деле «диктаторы и вожди» — увы! существуют). Если не хотите во второй строфе дважды повторить «СЛОВНО» — замените его в одном случае, словом «БУДТО».

3) №№ 5 и 6, поскольку это осложняет последовательность стихов, можно не разъединять — я это не учел.

4) Относительно «ГВАТЕМАЛЫ» новое Ваше предложение («МИР ЗЕЛЕНЫЙ») мне по душе; после этих слов — двоеточие. Но стихотворение это (точнее

2-я строфа) неубедительно. Почему «ПЕСЕН МАЛО»? и «НА ЭТОТ РАЗ»?

5) Новое Ваше стихотворение «ПРЕДЕЛЫ ЛИРИКИ» нравится мне очень.

6) Второе новое «НАД КАРАИБСКИМ МОРЕМ» тоже превосходно. Особенно последние две строчки замечательны в космическом их смысле. Вот только нравоучительное «НАДЕЙСЯ ЧЕЛОВЕК», мне не совсем по душе. Но тут изменить трудно.

7) В № 60 «РОДИНОЙ» или «РОДИНОЮ» — всё нехорошо, ибо размер нарушен и, притом, пренеприятно — получилась проза в стихе. Снова и снова советую «НАМ». Будьте таким хорошим и славным — согласитесь!

Насчет имени автора... Тут надо еще очень и очень пошевелить мозгами. «СТРАННИКА» я предложил только так, как пример. «СКИТАЛЕЦ», впрочем, давно и крепко забыт, так что не помешает. На худой конец, возможны инициалы. Но подумайте о псевдониме и я тоже подумаю и, если отыщется, — предложу. Дело это в Вашем случае тонкое!*

Перечтя еще раз Ваше письмо, порадовался поэтической чуткости сердца Вашего! *Почти невесомые* нюансы угаданы Вами с какой-то почти потусторонней прозорливостью! Едва ли кто из наших сегодняшних поэтов на это способен! Скажу откровенно, что в силу вот этого Вашего свойства, всегда, конечно, подмечавшегося мною, но в данном случае выступившего как то особенно интимно, а потому чарующе, Вы, дорогой Владыка, стали мне словно еще дороже.

Издать книгу — повторяю — нужно непременно. Она именно «утончит» многое из сказанного Вами ранее, а кроме того, дойдет и до тех, кто к церкви и к писаниям Вашим не близок, и много заронит в их души. У стихов ведь есть чудодейственная сила!

---

* Как хорошо К. это понимал. А. И.

И *Странник*, это им подсказанное мое поэтическое имя. А. И.

Завязал со мной переписку некто о. Иоанн Корниевский из Брюсселя. Просил у меня статьи о Бор. Ширяеве для своего журнальчика «Россия и Вселенская Церковь», где Ширяев поместил весьма восторженные и весьма неуклюжие статьи обо мне, уснастив чудовищными ошибками цитаты из моих стихов. В статье я отказал, так как таковых писать не люблю и не умею, но в ответ на присланные мне №№ журнальчика и ряд изданий, послал свои три книги для тамошней русской библиотеки. Журнальчики произвели на меня странное впечатление — там речь всё больше о... римских папах, именуемых «святой отец», и похоже, что организация занимается улавливанием душ в католичество! Ведь и Ширяев, за пару лет до смерти, перешел в таковое. Повидимому, все это дело каких то«русских католиков». Не знал, что есть такая организация. Вероятно, и деньги большие из Рима получают. Тут пахнет уже не чем то экуменическим, а просто изменой православию. Разъясните, доргой Владыка, —Вы наверняка в курсе дела.*

По моей просьбе, Вам пришлет свой сборник (второй уже) стихов поэтесса Лидия Алексеева. Очень рекомендую их Вашему вниманию, сам люблю их чрезвычайно. На редкость тонко чувствует она природу.

27 ноября, 1959 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил Ваше письмо. Хотя первую его часть (издательские планы) Вы и назвали «делами Марфы», но справедливее отнести ее к ведомству Марии, поскольку планы эти содержат в себе благородные мечты и высокие замыслы. Предложением Вашим тронут чрезвычайно! Благодарю Вас за доверие, за готовность заключить со мной, в прекрас-

---

* Кленовский довольно чутко ощутил тут элемент «миссионерский» в отношении православных. Но, справедливо следует сказать, что дух братства христианского победил в Риме и всюду. А. И.

нейших целях, некий поэтический союз! То, что Вы ставите задачей издательству, отвечает и моим сокровенным мечтам. Спасибо Вам так же, дорогой Владыка, и за деликатное желание всем этим помочь мне еще и материально (высоким «редакторским» гонораром). Всё это со всех точек зрения, соблазнительно. Но увы — трижды увы! — как это обычно бывает в таких случаях: суровая проза сводит на нет поэтические мечтания... Взвесив и обдумав все детали предложенного Вами предприятия, вынужден был придти к выводу, что оно неосуществимо!..*

13 декабря, 1959 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил Ваше письмо с сообщением об избиении младенцев-восьмистиший. Огорчен я особенно гибелью ДИКТАТОРА и «РИМА». За что Вы с ними так жестоко расправились? *Я считал и считаю их одними из лучших и самых ярких стихотворений книги.* За что? За что? Думаю, что оба они, после долгой возни с ними, просто в зубах у Вас завязли, и Вы, так сказать, потеряли к ним вкус и не ощущаете больше их высоких поэтических достоинств. Не исключено, конечно, что у Вас есть некие веские соображения, не эстетического, а ч исто духовного порядка. Тогда, конечне эстетического, а чисто духовного порядка. Тогда, конечлица, в этом отношении и ответственность высокая. Это мы, поэты светские, можем всякое сболтнуть, и с нас взятки гладки! А Вам надо все время быть на чеку, и в общении с музой — сугубо осторожным. Впрочем, по моему скромному суждению, в обоих стихотворениях нет как будто ничего сомнительного...

Псевдоним и название книги приветствую! Советовал бы в скобках «ЛИРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК» дать *уже на обложке.* Во-первых, без этого получается однотонно

---

* Это лишь выдержка из письма — продолжение опущено. А. И.

(СТРАННИК. СТРАНСТВИЯ — и всё), а во-вторых, эта поясняющая деталь дает тому, кто впервые берет книгу в руки, представление о ее тональности, о поэтическом ее содержании, заинтересовывает его.

Душевно Ваш

Д. Кленовский

Рекомендую только что вышедший в Н.И. сборник в честь Пастернака «ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ». Содержание его, именно *для поэтов, особенно интересно.*

26-го декабря, 1959.
Сан Франциско

Милый Дмитрий Иосифович,

Ваш поэтический «испуг» лишь наполовину оправдывается: *Рим** я держу крепко, — мне он самому любезен; с его тихими улицами и притаившимися *молчаливыми* старухами! С *Римом* все ОК, как говорят тут сограждане, а вот с *Человеком,* действительно вышла заминка и получилась запятая. Стихотворение это по мне; но две последних строчки как то «зыблются», — нет к ним полного сердца; есть заминка и автор, набравший, в общем, 62 восьмистишия, считает эту цифру (пока!) — достаточной и оставляет сего Человека (как это «Неверие», которое оказывается, судя по Вашему письму, звучащим почти «прилагательно» к автору, что истине не соответственно)... Итак, уже первая корректура из Нью Йорка получена «Странствий» — и отослана в типографию. Дело, как видите, двинулось... Относительно текста обложки согласен с Вами. Представьте, та же была у меня мысль.

Ваши рассуждения о моей особой, все-таки, ответственности словесной, очень верны. Если *всякий* вообще, ответствен за *всякое* «праздное» слово (Матф. XII,30), — то сколь более мы, хоть и слабые, но служители Слова... Я

---

* Стихотворение, вошедшее в «Странствия».

очень надеюсь, что эти 62 стихотворения, вошедшие в сборник о мире, не внесут «празднословия» — плохого, т. е. не поклонятся они «красному словцу» (забывая Отца!); и тот элемент естественного «*поэтического заземления*», который есть в книге, есть элемент воплощения веяния, связывающего воедино Тот мир и этот... (а это и есть religio, связь).

Грустно, что *дружина* Ваша (как говорят Жития о женах) снова немощна. Передайте ей мой самый сердечный привет и пожелание великой крепости духа и плоти в году грядущем. И Вам, дорогой мой Зоилович!

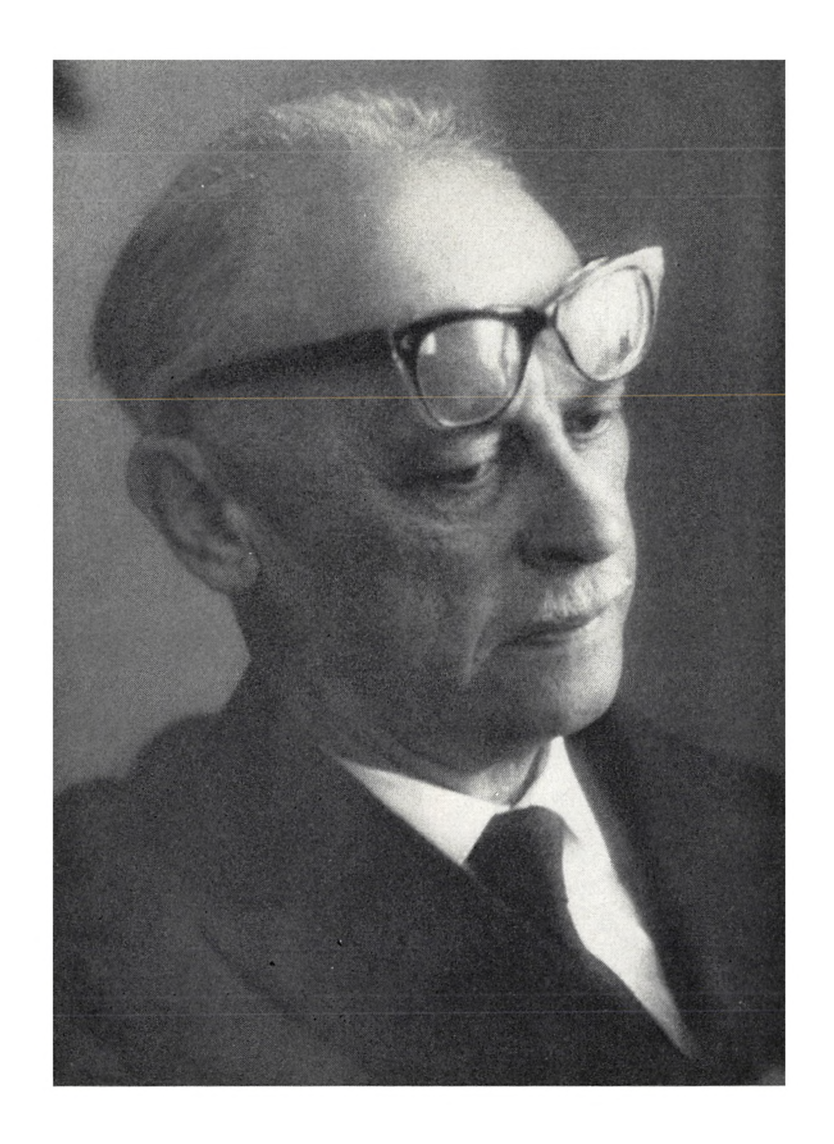
Е. И.

16 января, 1960.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Письмо Ваше от 10 января застало меня несколько врасплох... Я никак не ожидал, что издание Вашей книги подвигается вперед такими гигантскими шагами, а потому не навел еще разного рода справок относительно возможностей ее распространения. Очень прошу Вас поэтому *до получения* от меня соответствующих разъяснений *ничего мне не посылать*, за исключением, конечно, лично для меня предназначенного экземпляря. Ведь нет смысла *дважды* тратиться на пересылку книг: сначала *ко мне*, а потом *от меня* в другие адреса. Гораздо проще разослать книгу *сразу туда, куда нужно*. Одновременно с этим письмом, я запрошу знакомых в Мюнхене, какой там есть магазин русских книг, а затем договорюсь с ним, примет ли он и сколько на продажу. Запрошу и Ал. Струве в Париже. Дайте мне, пожалуйста, срочно знать, *надо ли мне договариваться с «Посевом» и с парижскими магазинами*. Мне *помнится*, Вы писали мне, что с ними насчет этого уже условились или собираетесь условиться сами. Имейте толь

Д. Кленовский с женой



Д. Кленовский. 1961

ко в виду, что всюду возьмут (если возьмут!) весьма небольшое количество экземпляров — штук по 5-10. Так что 100 экземпляров для распространения в Европе слишком много. Конечно, если книга пойдет и будет на нее спрос — можно *добавить*. Если хотите, пошлю ее в редакции: «Грани», «Мосты», «Возрождение», «Русская Мысль». Знакомым (Степуну, Вейдле и др.). Вы, конечно, пошлете с подписью сами. Итак посылайте мне только книги для меня лично, для редакций, ну да еще с десяток экземпляров на всякий случай, а *остальное — лишь после того, как я выясню возможности распространения книги* и по тем адресам, какие я при этом Вам сообщу. Дайте поскорее знать насчет «Посева» и парижских магазинов. Но если Вы договоритесь сами с ИМК'ой, то вероятно она сама управится с книгой в Париже, и мое вмешательство будет лишним.

Очень рад, что дело с изданием книги так быстро подвинулось вперед! жду ее с нетерпением!

Сборник в честь Пастернака называется «Воздушные Пути». «Мосты» (просто, без всякого воздуха) — название альманаха, издаваемого в Мюнхене и выходящего дважды в год (очень рекомендую: издание объемистое — до 500 стр. — и для эмигрантских условий почти роскошное)...

Д. К.

20.1.1960.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Очень прошу Вас не тревожиться делом распространения «Странствий»; это, в общем, так не важно. Если надо, сама книга поплывет, куда ей положено. Просто, когда выйдет, пришлю Вам один дружеский экземпляр, яко «собрату повивальному», и, может быть, несколько еще, чтобы Вы, если бы захотели, могли «угостить» кого либо из друзей своих, а, может быть, и врагов (в виде мести)...

Тогда Вы не будете тревожиться — ни о чем. Иначе, совестливость, вижу, Вас будет заедать, из за этих мелочей внешних (а я бы хотел Вас поберечь).

Получил на днях «Воздушные Пути» и прочел на одре. Благородная книга. Что Вы думаете об Ахматовой? Как толкуете ее и понимаете? Это ведь произведение души очень запуганной, очень в себя ушедшей, но сейчас, все же, хотящей показать, открыто, свою верность чему то настоящему, что началось в прошлом... Ряд строк и строф прекрасен; но есть что то ненатуральное, беспомощное в этом нагромождении эпиграфов, концовок, начал, эпилогов...

Кленовский очень хорош, в обоих стихотворениях. Статья Ю. Марголина — самая глубокая из всех, и ее написал как раз еврей, «не-христианин», но ближе всех подошедший ко Христу. Совсем близко. В ней нет, в статье этой, власти фразы. А у милого и умного Федора Августовича немного, все же, есть. Но статья и его ценна. Тема Степуна несколько стерильно-отвлеченна на мой вкус. Я не очень люблю такого рода литературоведение. Оно глядит назад, а не вперед. Вишняк попытался было взять историософический разгон, но не пошел далее своей позитивной полочки, более публицистической, чем философской. (У него специальный, конечно, нюх на все, что пахнет «про» или «анти»...) Строфы Моршена ладные, — почтил поэта он «прямой наводкой» и грациозно... Мысли В. Александровой толковые, но, для данного поэта, суховаты. О каждом поэте, большой критик должен писать, — каждый раз, — особым стилем и духом. Мне кажется так.*

Вот В. Марков — живой и умный, и в словах его — душа его.

Е. И.

---

* Но где взять таких критиков — *более чем поэтов?* А. И.

28 января, 1960.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил Ваше письмо. Ценю, что Вы хотите уберечь меня от хлопот по устройству Вашей книги, но все же напрасно Вы не ответили мне на вопрос, надо ли предпринимать что в отношении «Посева» и парижских магазинов, или же Вы договорились с ними сами. Мне хотелось бы все же, по-возможности быть Вам полезным.

Мюнхен на редкость, среди русской эмиграции, печальное исключение. Несмотря на обезпеченность многих хорошей службой у американцев и сравнительно большое число интеллигентных людей — полная духовная пустыня, никакого интереса ни к чему. Кое как собираются на лекции в библиотеке и доклады в ЦОПЭ. А если бы за вход брали хоть по 10 пфеннигов — то вряд ли бы пришли.

Вы очень интересно и верно высказались по поводу «Возд. Путей». Вот только в стихотворении Моршена, хотя и очень занятно сказано про яблоко, Еву и Ньютона, но концовка («читатель Пастернака») неубедительна и произвела на меня какое то даже комическое впечатление. А в ахматовской поэме разобраться трудно, в ней завуалированно идет речь о какой то нашумевшей в свое время петербрургской любовной драме (поэт В. Князев покончил с собой из за Глебовой-Судейкиной). Об этом глухо упомянул в Н.Р.С. Адамович в рецензии о «Возд. Путях», добавив, что в эмиграции едва ли с десяток людей помнит подробности этого события. Я к таковым не принадлежу.

11 апреля, 1960.

Христос Воскресе, дорогой Владыка!

Поздравляем Вас оба со светлым Христовым Праздником и шлем наилучшие пожелания как Вам, так и идущему с Вами рядом путем земным Страннику, к коему пи-

таем особенную любовь и нежность! С большой радостью прочли строки, посвященные ему в Н.Р.С. Коряковым (спасибо за присланный № !). Последуют, конечно, и еще. Хорошие отзывы о книге получаю из Америки в письмах моих литерат. друзей. Но если бы люди, в том числе и критики, говорили во всеуслышанье, хоть половину того, что они шепчут на ушко! Обычно у них — увы! — не хватает на это смелости, всяк боится перехвалить, показаться недостаточно взыскательным.

Узнал, что Америк. Комитет выделил деньги для «Нов. Журнала», так что существование его продлено. И что утверждена редколлегия в составе Гуля, Тимашева и Денике, причем фактич. редактором будет Гуль.

5 лет тому назад мои отношения с Гулем (не по моей вине) поломались и возобновил я сотрудничество лишь по личной просьбе Карповича, дававшего мои стихи в набор через голову Гуля. Отныне, после смерти Карповича, двери в Н. Ж. для меня закрыты. Сам я стучаться не буду, Гуль меня войти не пригласит.* А как раз последнее время пишется и было бы что печатать. Ну да ничего, пусть стихи полежат.

Поджидаю к себе этим летом особенно много гостей из всех стран мира, особенно из США. Первым приедет на несколько дней в июне Глеб Струве (он сейчас с семьей в Англии). (Не будете ли и Вы этим летом в Европе? Не минуйте, в таком случае, нашего медвежьего угла, — заранее предупредив!!!).

Поручая нас молитвам Вашим, сердечно любящий Вас

Д. Кленовский

---

* Кленовский высказывает здесь взгляд неоправдавшийся. Взыскательный к поэзии Р. Б. Гуль вполне оценил Кленовского, и Кленовский до конца своих дней, печатался в «Новом Журнале». А. И.

10 мая, 1960 г.

... Моршен написал мне о встрече с Вами. Ваши «Странствия« ему видимо понравились, равно как и Вл. Маркову (он мне тоже об этом писал). И книги от Вас я получил и частично подарил уже тем, кого книга могла порадовать (и порадовала).

Серьезно болел сердцем Ржевский, лежал в больнице, но сейчас уже дома.

Перенесение праха Георгия Иванова в Париж дело конечно похвальное, но все таки странно было прочесть Ваше имя в составе созданного для сего комитета. ... Знаю, дорогой Владыка, сколь Вы терпимы (знаю это и по отношению Вашему ко мне лично) и очень это ценю, но все таки... при несомненном таланте Г. Иванова (и дьявол тоже талантлив!), я чувствую к нему глубокое отвращение... Камня в него, конечно, не брошу, но и цветов на могилу не принесу. Тут существует какой то нюанс, для меня обязательный. Не сердитесь за откровенность!

Душевно Ваш

Д. Кленовский

26 июня, 1960 г.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Надеюсь Ваш пессимизм, в отношении «Нового Ж.». подтаял, как зимняя фигура, после появления там статьи о Вас (Ульянова, хорошего — хоть и не весьма отчетливого — ценителя Ваших стихов). «Дерзайте, людие»!

А я вот путешествую все, такова природа Странника... На днях вернулся из Нью Йорка, где провел три недели, а до того свершил один, в автомобиле, по Западу Америки более 3000 миль американских (сиречь, 5000 километров), посетив 4 прихода своей епархии, весьма раскинутой, как

видите. (В это воскресенье, — сегодня — говорил в Россию об этом путешествии).

На очереди север Тихоокеанского побережья, Калифорнии — Лима-Перу, Эквадор; и — снова Европа, где в августе, в Шотландии будет сессия Центр. Комит. Всемирн. Совета Церквей, — Лондон, Париж. В октябре Вашингтон и Нью-Йорк. Как справлюсь — не ведаю (хорошо, что появились теперь, почти на всех путях, турбинные самолеты)... Счастливы траунштейнцы! Покой, тишина, Траунштейн! А тут облака, бури, «космос»...

Как бы в ответ на тему М. Корякова об анти-детализме моем, как чем то положительном, захотел впасть в ересь — в деталь. Отсюда и 8-стишие «Паутинка».

P.S. Не соблазняйтесь, что я, по просьбе вдовы и друзей Г. Иванова, согласился дать свое имя, как члена Комитета по перенесению праха его на православное кладбище. Люди хотят что то сделать для усопшего, что в жизни его, может быть, не сумели... Это все — детское — «переносить прах» (к праху!), но движение души (хоть и слепое) — ценно. Любовь, хоть и земная, а все же искорка, может быть, настоящей... А я пред Г. Ивановым виноват невольно. За год до его кончины, проезжал в автомобиле на юге Франции, совсем близко от того места, где он мучился, с другими стариками... Я, правда, не знал, что он там, но мог бы к старикам то заехать... И, может быть, тогда как то облегчить душу Г. Иванова. В молодости знал его.

5 июля, 1960 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Стихи Ваши продолжают всю ту же прекрасную цепочку «Странствий», украшая ее новыми звеньями! Жаль, что нельзя каким то таинственным образом включать новые эти звенья в уже изданную книгу! Рад был прочесть в «Р. М.» отзыв о ней Одоевцевой и простил ей за это *не-*

которую толику совершенных ею литературно-критических грехов (против Лидии Алексеевой, например, которую она, пародируя «деву Февронию», к облику коей причислил Алексееву Ульянов, обозвала ее печатно «Хавроньей»!).

Найдя в Новом Журнале статью обо мне Ульянова и выяснив в связи с этим некоторые обстоятельства, я склонен возобновить мое сотрудничество в «Н. Ж.» и вероятно пошлю туда стихи.* Кроме того, их просят у меня «Мосты».

В ужас пришли мы от размеров бывших и будущих странствий Ваших! Уж больно большие тяжести возлагаете Вы на свои плечи! Из европейского Вашего маршрута явствует, что в Германию Вы как будто не собираетесь. Это весьма нас огорчило, ибо не предвещает встречи с Вами! Надеемся все же, что Вы, если будете хоть в нескольких сотнях километров от нас, порадуете нас своим посещением... С предварительным предупреждением, конечно, прочту Вам десятка с полтора новых стихов!

Эти последние три дня имели мы гостем Глеба Струве.

Не думаю, чтобы своим посещением Вы в свое время порадовали бы Г. Иванова... Возвестил о своем приезде ко мне Иваск. Он хочет записать на магнитофон для Канзасского Университета чтение мною моих стихов и мое повествование о моем «творческом пути». Пытался уклониться, но тщетно...

11-е июля 1960 года
Сан Франциско

Милый Димитрий Иосифович,

Спасибо за приглашение в благословенную Баварию. Не знаю, если доберусь до ее эдемства. «Честь знать надо», не только людям, но и путям их земным; слишком пути то свои я треблю, — и пардона они часто просят у меня.

---

* Лед был сломлен в сердце поэта. А в «Н. Ж.» его, вероятно и не было. А. И.

Но отвечать за будущее не решаюсь, оно в Руце Ведущего.

Очень правы были Вы, как то заметив в письме, что различно весьма восприятие поэтических людей, и трогает совсем, иной раз, разное в стихах. Впрочем, я сам тоже так думаю (и высказал, что поэзия «для каждого неповторимо-лична»). Это очень подтвердилось на отзывах, которые я до сих пор получил. И поэты и мыслители разнствуют между собой... Некоторые — и большой культуры — люди остановили особенно свое внимание на восьмистишиях не «наиболее близких» самому писавшему.

У меня появилась мысль — *продолжить* сей поэтический Дневник Странствий, не по странам только, но и по предметам мира и его понятиям, хотя и стоящим ногами на земле, но головой своей «упирающимися» в иную сферу. Иногда тот или другой стих «капает с крыши». Когда наберу такой капели кадку, подумаем, стоит ли ее вылить на чью-либо голову.

Вот, извольте, например, сегодня «капнуло»... Совсем свежая капелька, — ее дружественно шлю Вам, хотя еще не успел разобраться, есть ли там привкус трубы какой либо водосточной* (я допускаю только привкус облака и крыши)... Сами разберетесь! На обороте сей страницы найдете каплю эту.

БУМАГА ПОЭТА

Ни молчать, ни лгать не может
Откровенный и несмелый,
На подснежник так похожий
Новый лист бумаги белой.

Словно речию простою,
Он один сказать умеет:
Овладей, поэт, рукою,
Овладей душой своею.

С.

* Я не сторонник знаменитой «Флейты водосточных труб».

4 августа, 1960 г.

В июле получил две весточки от Вас: книгу и письмо со стихотворением на тему о тех тайнах поэтического ремесла и восприятия, коих Вы умеете так легко и вместе с тем четко и верно касаться («Бумага поэта»)! Да и проза Ваша всегда изобличает поэта и тем мне, признаться, особенно дорога. Спасибо за радость, которую Вы мне всем этим доставили!

Вашу мысль продолжить дневник странствий, но, при этом, уже «по предметам мира и понятиям» — могу только горячо приветствовать! У Вас для сборника на эту тему кое-что уже есть, остальное — подойдет, ибо Вы за последнее время, видимо, приобрели снова вкус к стихам и он Вас уже не помилует. Как я вижу, Вы окончательно настроили свою лиру на восьмистишия. Это форма благородная и притом, именно в силу краткости своей, трудная. Она требует и легкого (внешне) и, вместе с тем, глубокого (внутренне) дыхания. И тем и другим Вы как раз богаты и такая форма стиха именно Вам удается. А я, представьте себе, наоборот: в последнее время тяготею что то к «большой» (весьма относительно, конечно) форме.

У нас сейчас пора посещений. После Глеба Струве были у нас Ржевский с женой (поэтессой Аглаей Шишковой), а в ближайшие дни приезжает Иваск с женой и Чинновым. В дальнейшем приедет еще несколько человек — и знакомых и незнакомых, пожелавших лично со мной познакомиться (все из-за океана). Очень интересно было поговорить. Читал, конечно, всем, по их просьбе, новые мои стихи, которых незаметно набралось не мало. Они пойдут (сообщаю для сведения на тот случай, если не будет оказии прочесть их Вам при встрече!) в № 61 Нового Журнала (только что вышел № 60) и в № 5 «Мостов». Отношения мои с Нов. Ж. восстанавливаются: на присылку стихов Гуль ответил письмом и я на него в свою очередь ответил.

Мой знакомый, старый эмигрант, проживающий в Швеции,и шведский гражданин, провел 3 недели в Ленинграде. Видел в больнице, где она лежала после операции appendix'а, Ахматову. «На улице, пишет он, я бы ее не узнал —

это очень полная, седая женщина. Когда я упомянул Г. Иванова, она сказала, что сердита на него за его «Петербургские зимы» (вероятно, за беззастенчивое вранье в этой книге! Д.К.). До операции А. несколько недель лежала в Москве в больнице из-за болезни сердца.»

Прислал ли Вам Березов свое «Окно в Евангелие»? Мне, зная мое отношение к самой идее этой книги, воздержался. В «Н. Р. С.» была положительная рецензия (с позволения сказать!) Трубецкого. В ней я нашел такие строки из книги: «Как он красив, изящен, прост и мил!» (это о Христе!) и «он грациозен» (это о Иоанне Крестителе!).*

30 ноября, 1960 г.

Неужели Вы серьезно думаете, дорогой Владыка, что германское благополучие отражается и на нас? Не исключено, конечно, что не будь сего благополучия — государство не смогло бы выплачивать и того пособия по бедности, которое получаем мы. Но, пособия этого не хватает даже на оплату нашего пребывания в Altersheim'е. Если бы время от времени добрые люди вроде Вас, Владыка, не посылали бы нам кленовых листочков, которые я добавляю к этому пособию — мы не могли бы в этом Altersheim'е жить. Это ведь не благотворительное заведение, за пребывание в нем надо платить из своего кармана, а если платить не можешь — попросят о выезде. Нам оказали великую милость, приняв без въездных, а то многие платили за это многие тысячи марок. Но ежемесячную плату за комнату и еду мы должны вносить сами. Между тем, не менее раза в год, цены на них повышаются, и было уже немало случаев, когда людям, которым это было не по карману, не

* Р. Березов талантливый прозаик-рассказчик; но толстая книга его, «перелагающая Евангелие на стихи» — верх безвкусия (автором совсем не замечаемого). Лишь самых простодушных из «фундаменталистов» она утешит. А. И.

оставалось ничего другого как покинуть Heim. Были не раз и мы под такой угрозой и наволновались вдоволь. Вот и этим летом, при очередном повышении цен, очутились мы снова в таком положении. По счастью, кое от кого пришла поддержка, и мы *пока* держимся, но, что называется, висим на ниточке. В октябре выручило нас Сан Франциско — там был устроен вечер моей поэзии (доклад сделал Глеб Струве, а стихи читали разные артисты) и мне с него кое-что перепало. А недавно пришла неожиданная поддержка, обеспечившая нам пребывание в Heim'е до Рождества: поступили деньги тоже из Сан Франциско от игуменьи Ариадны, причем почерпнуты они были из фонда памяти Бугачевой, учрежденного мужем покойной. Вот так и перебиваемся, живем как птицы небесные. И не так для нас важно, чтобы Германия богатела, как то, чтобы Америка не обнищала и не перевелись в ней добрые люди!

Давно не писал Вам, Владыка, но не потому, что ответ был за Вами (письмами не считаюсь), а потому, что долгое время все поджидал Вас к себе, вроде того даже, что к телефонным звонкам в канцелярии Heim'a прислушивался, ибо слышал из разных источников, что Вы в Европе, а Глеб Струве так даже писал мне: «*когда* увидитесь с Владыкой Иоанном» — словно считал нашу встречу делом решенным. Только В. письмо внесло ясность. Очень жалеем, что не пришлось с Вами свидеться! На этот раз у *меня* было, что Вам прочесть, так как последнее время что то пишется. Но не посылаю, т. к. стихи вошли в только что вышедшие № 61 «Нов. Журнала» и № 5 Мостов, которые Вы либо имеете, либо вскоре будете иметь. К будущему лету, думаю, хватило бы на новый сборник, но не знаю, поддержат ли и на этот раз это дело мои заокеанские друзья. Летом посетили меня Гл. Струве, Ржевский, Л. Зандер и др. Обрел и новых эпистолярных знакомых: Johannes von Guenther (друг Блока, знаменитый переводчик русских поэтов на немецкий) и Ю. Н. Семенов (профессор славистики в Упсалском Университете). Оба весьма любят мои стихи, причем Семенов пишет, что его знакомство с ними «благословлено» Вами, Владыка, ибо 10 лет тому назад Вы ему обо мне впервые рассказали. Не зная о нашем знакомстве, рекомен-

дует Вас мне как «поэта и человека высокой духовности», «истинного (моего) брата в Аполлоне». «И у него (то есть, у Вас, пишет Семенов. Д.К.) те же с неба голоса, которые так сильно звучат у Вас» (то есть, у меня).

Спасибо за стихи «ЗЕМЛЯ» — прекрасные в благородной простоте своей.

Сердечный привет от жены! Душевно Ваш

Д. Кленовский

31 дек. 1960 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Сердечно поздравляем Вас оба с праздником Рождества Христова, а в Новом Году желаем сил телесных (душевные отпущены уже Вам до скончания дней Ваших!) и новых поэтических достижений (пожелание скорее несколько эгоистическое).

Мы с женой празднуем Рождество вместе с немцами, посклльку живем в сплошном немецком окружении, да и жена моя к тому же лютеранского вероисповедания. Должен к этому добавить, что, если никто в мире так, как православные, не умеют отметить Пасху — никто не отмечает так хорошо как немцы « Рождество и все предрождественское время» (Адвент). На этот раз мы, благодарение Богу, и встретили и проводим праздники в сравнительном благополучии. Мы даже (тоже впервые за эти пять лет) соорудили себе ёлочку. Как она ни мала, в комнате нашей она не могла поместиться не затрудняя передвижения по сей последней, а потому держим ее на балконе и любуемся ею через окно, в комнату же вносим, когда хотим ее зажечь.

Мне в этом году пишется, и стихов почти уже хватает для нового сборника. Если мои заокеанские друзья, заимообразно финансировавшие издание всех моих предыдущих книг, придут мне и этот раз на помощь — возможно, что

в 1961 году смогу издать новый сборник. Пока что печатаюсь в «Новом Журнале» (№ 61 и будут в № 63), отношения с которым опять наладились, и в «Мостах».

Огорчила меня весть о смерти Сергея Степановича. Почему это он сменил Норвегию на США? Мне казалось, что он был особенно доволен условиями своего там существования?*

9 января, 1961 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил Ваш рождественский привет (надеюсь, что и Вы мой тоже?). Спасибо и за то, что поручили меня добрым людям, буду рад, если это даст результаты, чрезвычайно.*

Получил № 62 Нового Журнала и сильно обрадовался Вашему там присутствию! Надеюсь, что станете постоянным жильцом, и мы с Вами там в каком нибудь № будем даже соседствовать! После ядовитого зелья, печатавшегося в Н.Ж. «Дневника», а потом «Посмертного Дневника» Г. Иванова — Ваши стихи действуют как желанное противоядие! Именно Ваши как ничьи другие!

Вы пишете, что я скуповато пою. Наоборот, за этот год я написал больше стихов, чем когда либо раньше, и пошли они в «Мостах» (рекомендую сие издание, вообще, Вашему вниманию, если Вы с ним еще незнакомы) в его №№ 3 и 5 и в № 61 «Нового Журнала» (будут вероятно в № 63). Может быть, говоря о скупости, Вы имеете в виду, что я их не прислал Вам «горяченькими», как Вы как то выразились. Произошло это потому, что я поджидал Вас

---

* Сергей Степанович Любимцев, мой долголетний личный секретарь в Берлине, с 30-х годов до конца войны. Кленовский его знал по Мюнхену послевоенному. А. И.

* Я поручил Крачковских моему другу духовному, австрийцу, католику Max Vogl из Mattighofen'a который стал их навещать (даже когда ослеп, приезжал с шофером), привозя овощи и фрукты из своего сада, подкрепляя болящих. А. И.

к себе этим летом и осенью (хотя Вы сего и не обещали, но меня ввели в заблуждение некоторые мои корреспонденты) и хотел прочесть их Вам сам, а кроме того, мне вообще представляется, что напечатанные стихи прочесть как то «вкуснее», чем в рукописи.

9 марта, 1961 г.

Слыхал, что Вы летали в Южную Америку (вероятно уже вернулись?). Не вдохновило ли это Вас опять на высотные (в обоих смыслах этого слова) стихи? Надеюсь, что появление таковых в Новом Журнале не ограничится одним только № 62? А как насчет издания новой книги стихов? Я мечтаю издать осенью новый сборник, если только, конечно, те мои заокеанские друзья, что заимообразно финансировали издание предыдущих моих книг, и этот раз придут мне на помощь. Стихов для сборника уже хватает.

Позволю себе послать Вам в этом письме новейшее свое изображение. Снимок сделан одним знакомым фотографом-любителем в феврале этого года. Увы — всё меньше волос и всё больше морщин... Чувствую, что сильно постарел за последние эти годы...

Д.К.

К ПОРТРЕТУ

1.

Поэт в землю, в песок,
Смотрит наискосок.
Очки вздеты на лоб
(Было б яснее чтоб!).
Власть прозорливых дум
Рифмой терзает ум.
Но терзание — сладко...
Где же стихи? Загадка.

2.

Очки на ум — прекрасная идея
(Наверное придумала жена!), —
Достойна подражания она, —
Поэтам надо видеть *дух* яснее.

3.

Поэты молодые, посмотрите,
Как можно видеть радость сквозь печаль,
Как можно бодро вглядываться в даль, —
Учитесь этой *технике открытий!*

С.

Март, 1961 год.

На открытке картины Поленова «Лодка».

Прекрасно одиночество предметов.
Недвижна заводь в воздухе согретом,
И летних дней крепчающий настой
Течет по берегам в траве густой.

С.

30 марта, 1961.

Воистину Воскресе, дорогой Владыка!

Получил Ваше ласковое письмо. Особенно порадовали Вы меня откликом на мою фотокарточку! Тронут, что она вдохновила Вас даже на стихи! Начало одного из них («Очки на ум — прекрасная идея!») смиренно принимаю, как деликатное напоминание о том, что ум мой не менее слабоват, чем глаза, и тоже нуждается в укреплении! Нет, идея

не женина, это фотограф-любитель намудрил, но по моему удачно, да и всем вообще нравится.

Вы вопрошаете: «Где же стихи?» В журналах, дорогой Владыка, которые Вы наверное получаете. Были они в №№ 61 и 63 Нов. Журнала, в № 5 мюнхенских «Мостов». А теперь воздержусь от их опубликования в периодической печати, дабы в будущей книге моей читатель нашел что нибудь для себя новое.

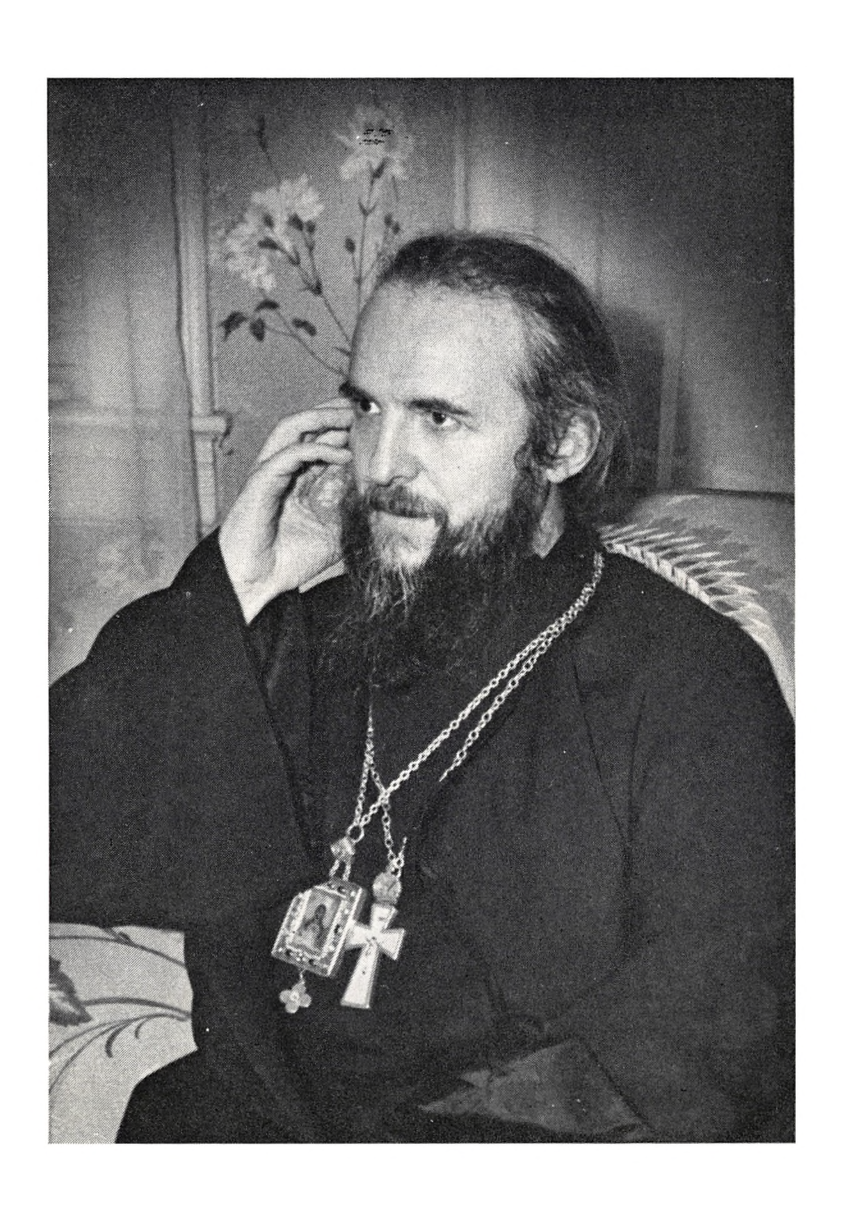
Вспоминайте нас, дорогой Владыка, в молитвах!

Д.К.

29 мая, 1961 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Я Вам наверное писал, что издание нового моего сборника неожиданно оказалось под сомнением. Хотя мои друзья, по примеру всех прошлых лет, и обещали дать мне на это дело денег взаймы, но «выбыл из строя» самый главный распространитель моих книг (до 100 экз. каждой из них!) Родион Березов. Отговорился он, попросив больше на него в этом отношении не рассчитывать, тем, что уходит на пенсию и на покой. Но я уверен, что причина другая: Березов, как баптист, весьма отрицательно относится к моему миросозерцанию, о чем он мне уже не раз откровенно писал; и распространять мою книгу в тех баптистских же кругах, где он вращается, ему трудно. По счастью, некоторые мои добрые знакомые в США, узнав о моих затруднениях, обещали попытаться распространить мою будущую книгу и тем, я надеюсь, хоть отчасти, заменят Березова. Ведь распространение книги важно для меня чрезвычайно, так как только благодаря этому я всегда рассчитывался и смог бы рассчитаться и на этот раз с моими кредиторами. Так что решил, имея такие обещания, рискнуть и думаю поздней осенью сдать новую книгу в набор. Был бы Вам, дорогой Владыка, чрезвычайно признателен, если бы и Вы,



Епископ Иоанн Шаховской. 1957

Д. Кленовский с женой. Traunstein 1965

Архиепископ Иоанн Шаховской. Сан Франциско 1972

как прошлый раз, помогли мне в распространении новой книги!

Заглянув в мои книжные запасы, обнаружил к великому моему удивлению, что у меня осталось лишь десятка полтора сборника «Навстречу небу». В книжных магазинах его давно нет, так что книгу приходится считать распроданной.

Душевно Ваш

Д. Кленовский

7 сентября, 1961.

Простите, что с таким опозданием (но не менее сердечно!) поздравляем Вас оба с достойным восхождением Вашим по иерархической лестнице, но мы лишь совсем недавно об этом событии узнали.* Меняет ли оно в чем либо Ваши обязанности, местопребывание и прочее? Что однако уже ощущаю — это, что со времени пастырского возвышения Вашего, Вы совершенно забыли смиренную овцу стада Вашего, пасущуюся на баварских лужайках... Трижды проблеяла сия овца — в апреле, мае и июне — после последнего, мартовского Вашего к ней послания, но ответа не услыхала... Загрустила овца и подает снова свой робкий голос... Будет ли он услышан?

У нас на баварской лужайке всё по старому. Сие означает, что неизменно донимает нас то один, то другой из многочисленных наших недугов, и мы за благополучие почитаем (столь стали нетребовательны!) если донимают не очень ретиво.

В августе порадовали нас посетители, среди них Ржевский с супругой (поэтессой Аглаей Шишковой).

На издание моей книги друзья опять дают мне взаймы деньги. Веду переговоры с мюнхенской типографией. Если

* Кленовский имеет в виду мое возведение в сан архиепископа.
А. И.

только Никита* не перечеркнет мои планы, книга сможет выйти из печати ранней весной. Рукопись уже готова к набору. В настоящее время, однако, не пишется... А как Ваша муза, дорогой Владыка? А здоровье Ваше? Не собираетесь ли в Европу и в наши края? Давно уж не видались! О кончине (30-го июля) супруги Федора Августовича** Вы, конечно, знаете. Он очень страдает от одиночества (поехал спасаться от него к друзьям в Рим). Да и со здоровьем у него, как я слышал, неважно.

Самым отрадным литературным событием последнего времени был выход «Собрания стихов» Ходасевича, любимейшего моего поэта. Честь и слава Н. Н. Берберовой (в прошлом его жена), осуществившей это великое дело.

8 октября, 1961.

От львиного оглохнув рыка,
Овца — в смущении великом...
Овца! Запомни: ты не лев!
Знай свой шесток (то бишь: свой хлев).

Знаю, конечно, хорошо, что забот и дел у Вас полон рот, да к ним еще всякие странствия, так что в легком упреке моем, Вас явно обидевшем, было на 99% шутки. Неужели не почувствовали? Коли нет, то прозорливости в каком то проценте мы не проявили оба... Но если обидел — простите, не хотел (es war nicht so gemeint — как говорят немцы), просто «порезвился»! А вот насчет того, что беседовать с поэтом можно лишь в минуты своего собственного поэтического озарения — с Вами не согласен. Ведь беседуют не только поэт с поэтом, но и человек с человеком! Не говоря уже о том, что поэтически озарены Вы всегда, в самом существе своем!

---

* Вероятно, имеется в виду Хрущев, как автор агрессии венгерской. А. И.

** Степун, Наталия Николаевна. А. И.

Обращаю Ваше внимание на только что вышедшее «Собрание стихов Ходасевича, любимейшего моего поэта. Печатается (под редакцией Глеба Струве) полный Гумилев (стихи, проза, статьи) в 3 томах. А вот что меня глубоко взволновало — это советское издание *избранных стихов Ахматовой.* Как ее осквернили и обокрали! Я не говорю уже о гнусной статье Суркова и о жалкой (вынужденной, конечно, быть такой) автобиографии Ахматовой. Дело в *отборе* стихов для книги.. Я сравнил советские и старые тексты стихов и получилось, что изъяты и не включены в издание, совершенно независимо от их художественной ценности, почти все те стихи, где речь идет о религиозных чувствах автора. Мало того: достаточно было присутствовать в стихотворении таким словам как «Бог», «Господь, «Богородица», «ангел», «крест», «молитва», «причастие», «святитель» и проч, чтобы стихотворение было изъято. Я насчитал среди 140 стихотворений из первых книг А. не включенных в советское издание, около восьмидесяти таких «одиозных» стихотворений! Среди 120 включенных, эти слова встречаются не более 10 раз, да и то в самом невинном преломлении. А некоторые стихи даже «исправлены» в угодном смысле, так, например, в строках «таинственные, темные селенья — хранилища *молитвы* и труда» исправлено на «хранилища *бессмертного труда*»*!* Цель сборника была вероятно: исказить поэтический и человеческий облик Ахматовой, каким он еще сохранился в памяти, в списках, в старых (редчайших теперь) изданиях ее стихов. Горько это видеть... И какое счастье быть поэтом *здесь,* хоть и печатаешься тиражем в 750, а не в 50.000 экземпляров.

*
* *

Презрев пространств земную меру,
Вы добрались уже до Неру!
Привет Вам, Мудрый Иерей,
На древней родине моей!
Ведь я в сто пятом воплощеньи,
Семь тысяч лет тому назад,
Здесь в храме Золотых Цикад

Был удостоен посвященья!
Но... шуток обрываю нить:
Хотел Вас только подразнить!

Итак, как вижу я, в Нью-Дели
На две или на три недели
Замедлен славный Ваш полет, —
Куда он дальше поведет?
О, если-б прямиком над нами!
О, если-б Вы в счастливый час,
Владыка, снизились на нас
В благоуханном фимиаме!

Как рады были бы мы Вам!
Я с трепетом вручу Вам сам
Мое последнее творенье!
Но чур: предупредите нас!
И уговор: стихотвореньем!
А коль хромает Ваш Пегас —
То оседлайте хоть корову!
Их в Индии ведь пруд пруди
(Зато на суше — обходи!).
Засим желаю быть здоровым,
Избегнув всяческих холер
И прочих происков бесовских
И стройной музыкою сфер
Дышать и дальше!

Д. Кленовский

9 ноября, 1961 г.

ПИСЬМА КЛЕНОВСКОМУ ИЗ ИНДИИ

1.

Полны заботою всегдашней,
Подняв над вечностью весло,
Мы смотрим в мир не с этой башни,
Где все так чисто и светло
Наш скромный дом иного ранга,
Пусть жажда света в нем сильней,
Но не омыть водою Ганга
В нем накопившихся теней.
Взыскуем Свет без всякой меры,
И жизнь, и мир хотим отдать
За благодать высокой веры,
За светлой мысли благодать.

2.XII.1961. Нью Дели.

2.

Кленовскому, который здесь родился
И прожил много тут веков и лет,
Как человек еще не воплотился,
А воплотился только, как поэт,
Я шлю привет от древнего Сознанья,
От потухающих земных стихий,
Пусть полетит в Траунштейн мое посланье
И строк *скупых* польются там стихи.
Покрой золой земное вдохновенье,
Посыпь землей все то, о чем поют,
Войди в неувядающий приют
Земли священного забвенья.

10.XII.1961.
Ashoka Hotel, New Delhi.

---

20 января, 1962 г.

В Англии вышла антология русской поэзии от Пушкина до... Кленовского (в переводе на английский). Вслед за Пастернаком обретаюсь там и я, и в характеристике обо мне сказано: «Klenovsky is recognised as one of the leading émigré poets». — Это я впервые попал в иноязычную антологию и этим, конечно, доволен.

Д. Кленовский

СОН В РУКУ ИЛИ АПОФЕОЗ ПОЭЗИИ

Почтальон принес Кленовскому английскую Антологию поэзии в которую был включен Кленовский.

Пьеса в 1 действии

Царскосельский парк. Памятник Пушкину. В парке гуляние и чтение стихов, по случаю Дня Поэзии. Солнце. Книгоноша стоит среди гуляющих и продает стихи русских классиков.

Книгоноша (заливающимся голосом):

Вот Антология,
В ней стихи многие
От Тредьяковского
И — до Кленовского!

Памятник Пушкину оживает. Пушкин становится на скамейку (где лежит растрепанный том Парни) и начинает читать свои неизданные стихи сбежавшемуся народу:

Над чувством сладостным неволен,
Цветы поэзии храня,
Поэт, ты можешь быть доволен
Таким сознаньем бытия!

Восход поэзии прекрасен,
Чудесен и ее закат, —

Василий Тредьяковский рад,
Блистать с Кленовским он согласен.

(Общее оживление, овации. Среди пушкинистов переполох. Пушкин делает знак рукой, толпа утихает. Даже пушкинисты умолкают):

И, с Мишей Лермонтовым, примостясь
Среди сего восхода и заката,
Мы, родине несчастной поклонясь,
Приветствуем последнего собрата!

Сон обрывается. Весна в Траунштейне. Видно, как аккуратный немецкий почтальон приносит и вручает Кленовскому томик Английской Антологии русской поэзии, где переводы и его стихов.

С.

28-е февраля, 1962 г.
Сан Франциско.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Поздравляю с проникновением в тыл к одному из самых опасных противников поэзии: забвению («Английская Антология»). Дерзайте.

Последняя Ваша книга еще прекрасный шаг Вашей поэзии. Но грустно конечно, было мне читать рефрены о том, что мы «миллиарды лет скитаемся» со своей душой. Это языческое антропософско-теософическое марево (или, лучше сказать, космический кошмар) так далеко от драгоценейшего кристала Истины, Евангельской истины Логоса жизни нашей. Господь да простит Вам эту измену Кротчайшей но Огненной Истине Христовой. А что она огненна, извольте посмотреть на 19-й стих главы 22-й Откровения апостола Иоанна.

Наиболее по сердцу мне страницы — 7, 13, 16, 17, 18, 24, 28, 32, 34, 35, 41, 49, (И внутренно, и формально кажутся наиболее слабыми страницами 30-31, 15, 1-ая часть 12, 9, 8, 42-43).

Да хранит Вас Господь и ту, коей посвящена книга!

ОТВЕТ НА ПРИСЫЛКУ КНИГИ

«УХОДЯЩИЕ ПАРУСА»

Нечаянно коснувшись Леты
И отошедших к ней теней,
Вдыхают милые поэты
Цветы поэзии своей.

И проплывает, словно, мимо
И пенится земли вино, —
Прошедшее необратимо,
А будущее не дано.

Но редко странник утомленный
Землей, где плакать он привык,
Поднимет взор свой восхищенный
В Незаходимый Божий Миг!*

С.

28-е февраля, 1962 г.

5 марта, 1962 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получаю много отзывов на мою книгу, но в сущности, лишь один из них меня действительно порадовал. Это отклик (в стихах) одного русского шахтера из Голландии. Ему 40 лет. Жизненный его путь: детство в совеской деревне, арест отца (он умер затем на каторге), бегство из деревни, годы безпризорного бродяжничества по всей России, красная армия, ранение, плен, по окончании войны — шахта. Человек простой, не очень грамотный, а написал мне так, что взволновал до слез. И он и его жена (тоже русская) буквально живут и дышат стихами. И как тонко и чутко в них разбираются — диву даешься! О моих стихах пишет: «Что мне особенно нравится в Ваших стихах —

* Вневременный, равный вечности. А.И.

это доступная простота высокой мысли. Ваши стихи могут любить и крестьянин и ученый — они каждому дойдут до сознания». Это впервые, что я получил отклик от неискушенного, сугубо-«рядового» читателя и это порадовало меня больше всякой хвалебной рецензии. Порадовало не только за себя, но и за поэзию вообще, которая, вопреки утверждениям иных критиков (Померанцев и проч.), людям оказывается, всё-таки нужна! Я теперь с своим шахтером в переписке (он от этого в восторге) и послал ему мои книги.

Приезжал ко мне заведующий русским отделом мюнхенского американского радио. Оно устраивает, оказывается, получасовую передачу, посвященную мне и моим стихам, для чего я должен отобрать 15-20 стихотворений. Послал мой новый сборник Вашей сестре в Париж и получил от нее милый отклик...

10 марта, 1962.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Двенадцать лет дожидался я Вашего пастырского нагоняя за некоторые мои грехи и вот, наконец, дождался... Что Вам на Ваше внушение ответить...? В письме по-настоящему высказаться на эту тему невозможно. Скажу только: не подумайте, что в антропософии нашел я себе духовное пристанище. И в ней многое для меня неубедительно. Но кое что из миросозерцания этого (это ведь именно миросозерцание, не религия и не секта) дает (по разумению моему) наиболее правдоподобный и достойный ответ на многие загадки бытия. Не искать этого ответа не могу. «Неоспоримого ответа», конечно, нет и тут, но кое что словно смутно возвращается мне из глубин моей памяти, и я этому внимаю и вторю. Вам будет, может быть, любопытно узнать, что в юные мои годы именно и только антропософия (являющаяся, в противоположность теософии, доктриной христианской) вернула меня к религии, от которой

я всё более отходил. Без антропософии я не понял бы, а, может быть, и не принял бы христианства; она раскрыла передо мной в частности мистическую его сущность.

Мои «Уходящие паруса» — книга сомнений, догадок, колебаний, мгновений просветления и мгновений помрачения (может быть, и заблуждения — не упорствую). Но, вероятно, всем этим сочетанием она *человечна* и (как я вижу из многочисленных на нее откликов) глубже и вернее трогает сердца, чем иные благостные песнопения, а тем паче, поучения. Те для «своих», для «твердых» в вере, мои стихи для всякого. Кое кто писал мне, что даже горькие мои стихи утешают, что вообще стихи этой книги помогают не только жить, но и умереть. Все это позволяет мне думать, что книга моя не таит в себе дурного начала.

Кстати: некоторые знакомые из числа антропософов упрекнули меня в недостаточной «антропософичности»!

Слегка, очень ласково, попрекнул меня за антропософию Борис Зайцев. Но при этом пишет: «Лира у Вас знатная! Я давно это знал, давно считал Вас в самом первом ряду, а сейчас и вовсе первым! Дорогой поэт, приветствую Вас! Дай Вам Бог сил для долгого еще творчества!»

Не в моих правилах возражать на критику моих стихов — такие суждения дело вкуса, восприятия и проч. Но в Вашем письме есть место, на которое должен ответить. Вы пишете: «и формально и внутренне кажутся наиболее слабыми» — и перечисляете ряд стихов. «Наиболее» слабые... Значить есть немало еще и «просто» формально слабых! Насчет «внутренне» я возражать не смею. Но вот насчет «формально», согласиться не могу. За моими стихами признаны всеми критиками, даже ко мне не доброжелательными, именно значительные *формальные* достоинства. Вы, дорогой Владыка, может быть, и правильно отметив «внутреннюю» слабость некоторых моих стихов, *заодно* (*только* потому, что они Вам внутренне чужды!) пристегнули к этому еще и «формальную» слабость. Этого упрека я просто не принимаю, притом, никак не по зазнайству, а из давно устоявшейся уже общей оценки моей поэзии.

Несколько дней тому назад послал Вам подробное

письмо, а потому на этом умолкаю. Жена шлет свой сердечный привет, а мы оба поручаем себя молитвам и доброте Вашей!

Глубоко любящий Вас

Д. Кленовский

Санта Барбара,
24 марта
1962 г.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Я Вам ничего не написал более, как только, любя Вас, дал как думаю, справедливую оценку некоторым постижениям и интуициям. Вы вправе пренебречь словом моим и вправе углубить, прояснить свое собственное постижение Света Христова. Рудольф Штейнер, это одна из очень многих в мире попыток сказать о Господе Иисусе Христе «новое слово». Я. конечно, не могу согласиться с мыслию, что Рудольф Штейнер, в отличие, будто бы, от теософов (от которых он отделился), проповедует *христианскую* доктрину. *Христианского* в ней прямо-таки нет ничего, кроме звонких слов и присвоения своему учению Имени Христова. Штейнерианство, это очень старое и давно отвергнутое Церковью гностическое учение; в нем опять язычество, ищущее обновления, оперирует Именем Христовым. Вы в молодости, вероятно, творчески «хлебнули» сих мыслей, когда ум живо реагирует на все «идеалистическое» и духовное, и так впечатление это осталось и даже, может быть, поддерживало Вас в годы темноты сталинской. После Ницше, «поэзией» коего увлекались и у нас в России, появилась и эта тонкая разновидность его. «Казенный» аспект христианства многих, в русской интеллигенции, не удовлетворял в начале века, и всюду искали русские люди себе пищу. Не все, как Гоголь, Достоевский, Леонтьев, Киреев-

ские видели в Церкви чистый Свет за формой государственной. Теософское учение в те годы тоже ведь трогало сердца. А антропософия это — оригинальная система рациональной мистики, отдающая дань и немецкому ratio и некоей поэтической восточной невнятице, расшифровать которую можно только пневматологически критерием Слова Божия (не индивидуальным порывом интуиции поэтической). И многие тогда, в начале нашего века, вошли в орбиту либо Блаватской, либо Штейнера, либо в другую подобную, даже не ощущая, что *оставили Христа Истинного*. Я вникал в антропософию (в ее форме *наиболее христианской и оцерковленной)* — «Christen Gemeinde» Штуттгартской... В Штуттгарте, между прочим, живут мать и дочь — и та и другая доктора медицины (русские старые эмигранты), очень вдумчивые и верующие и близкие антропософской акции. Их вывод (верный и глубокий): *антропософия, есть область попыток культурного синтеза, но не религиозного*. Да, это так. В плане религиозном, и сам Штейнер, и его наиболее даже «оцерковленные» и принявшие христианские слова ученики, не выходят из Космического Эроса. Духи планет плавают в религиозности Штейнерианской. (А ведь планета, в религиозном аспекте, это не более, чем комочек пыли, лежащей у меня под столом). Штейнер не освободился от ужасного языческого и космического рабства плоти и не мог оттгого расстаться с теософической рациональной системей «перевоплощений...» Не зная Христа, Истинного Спасителя человека, Логоса мира, Штейнер только мог мыслить в разновидностях все тех же космических категорий Блаватской и Безант, — иного выхода для него не было. Христа Спасителя Истинного он совсем не знал, а только отвлеченно и *мертво* (и, в конечном итоге, демагогически) оперировал святым благословенным Именем Господа... Штейнер — один из ярких лже-пророков человечества. О них ведь Спаситель и предупредил: «многие придут под Именем Моим... и многих прельстят... (Мф. XXIV,5)... Об этом говорят и Марк (XIII,6), и Лука.

Свои личные интуиции надо человеку очень проверять на одном Камне Истины — Слова Христова. Все, что «ра-

зобьется», упав на этот Камень — не истинно. И верить надо все же Христу Господу больше, чем себе, Блаватской или Штейнеру.

Вы, может быть, просто по честности мысли своей, не хотите расстаться со Штейнером, другом молодости Вашей, коорый помог Вам в то время, вдохновляя Вас на «нечто духовное», на «миры иные»... Но пусть это Вас не смущает. Я помню, как и на меня — 16-ти летнего — подействовала книга какого то француза Виктора Сегно, которую я нашел в доме моей тетки. Этот Сегно писал по светски о духовном мире. Я совсем не помню, о чем именно он писал, и не знаю, кем он сам был, по своим убеждениям, но слово его произвело во мне добрую «духовную» реакцию в смысле преодоления, так сказать, «бытового материализма», то есть житейской плоскодонности светской, которая весьма может сочетаться и часто сочетается у православных и иных с «верой в Бога». Увы, наш старый «Закон Божий» редко кому давал жизненную духовную закваску и мало одухотворял он нашу жизнь, и даже ума не напитывал как надо. И вот, люди, голодая духовно, естественно кидались на *духовное* всюду, где могли его найти. И — нередко — пройдя чрез весьма неполноценные человеческие интуиции, Промыслом Божьим приходили к Истине, ибо хотели ее... Таков же путь был и блаженного Августина.

Я Вам посылаю, если бы Вы захотели с ней ознакомиться, небольшую книжечку, которая в форме диалога отвечает на главные аргументы теософско-антропософической теории перевоплощения. Мне известно, что в 30-ые годы на Парижскую группу антропософов эта небольшая книжечка произвела впечатление. И были там согласившиеся с ней.

Пишу, если не «с одра болезни», то «около сего одра», поднявшись от простуды.

Привет Вам и супруге Вашей.

А. Иоанн

22 апреля, 1962 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Очень тронут был Вашим посланием. Так и представилось мне: вместо того, чтобы наслаждаться красотами Santa Barbara и вдыхать ее благотворный воздух — уединились Вы, в комнате, засели за машинку и, вероятно не без затруднений, выстукиваете заботливое мне поучение... Спасибо, дорогой Владыка, за пастырское Ваше попечение! Но чем я на него отвечу?? Я не такой уж ярый приверженец Штейнера, чтобы сильно его защищать, но и не настолько к нему равнодушен, чтобы легко от него отвернуться... Да и как, вообще, на эту тему спорить, аргументируя недоказуемым против недоказуемого?

Вы знаете об антропосфии больше, чем я предполагал, но едва ли Вам все-таки пришлось, а главное серьезно с нею ознакомиться. Читали ли Вы, например, то большое количество книг, которые Штейнер посвятил Христу, апостолам, проблемам христианства, в частности 4 тома (по несколько сот страниц в каждом), посвященные четырем Евангелиям?

Вашу брошюру получил и тотчас же Вам верну. Дело в том, что я уже давно от Вас ее имею и в свое время писал Вам о ней. Я не любитель подобных диалогов, в которых без больших хлопот, не дав противнику толком и рта раскрыть, укладывают его на обе лопатки. Такие диалоги поэтому крайне неубедительны.

Повторяю, что уже говорил: я не убежденный сторонник антропософии, но нахожу в ее мыслях и соображениях проблески того, что, на фоне общей (в том числе и ее собственной) недостоверности, представляются мне все же вероятным и достойным (и Бога и человека) ответом на многие загадки бытия. И дело тут не в соблазнительном облегчении своей судьбы в мире: нет ничего ответственнее, труднее и суровее, чем тот путь человеческой души, какой рисует перед нами антропософия.

Жена и я сердечно поздавляем Вас, дорогой Владыка, со Светлым Христовым Праздником. Как и всегда, перечитываем на Страстной «Слава Воскресению» — эту чудесную поэму Вашу!

Душевно Ваш

Д. Кленовский

29 мая, 1962 г.

Глубокочтимый и дорогой Владыка!

Спасибо за «Сон в руку или апофеоз поэзии» — не только им нас позабавили, но и глубоко тронули тем, что уделили мне и время, и внимание, и поэтические блестки своего таланта! Но — увы! — на стихотворный (как Вы хотели) ответ нет у меня сейчас бодрости, а без нее вдохновение ростков не пустит.

Начинается у нас пора посещений. Уже поступили заявки от четырех посетителей, среди них и из Америки. А как на встречу с Вами, дорогой Владыка, никакой нет надежды? Давно не видались с Вами.

Из за недомоганий и пишется слабо. В ближайшем № 68 Нового Журнала будет все же несколько моих новейших стихотворений.

Книга моя, с помощью литературных друзей, продается, но окупится ли ее издание, сказать еще трудно. О каком либо доходе, конечно, и говорить нечего. Получаю много откликов, в том числе и от вовсе незнакомых людей — такие дороже мне самых хвалебных рецензий (эти последние свидетельствуют, к тому же, обычно о полнейшем, умилительном даже, непонимании основной сущности моей поэзии!).

Сердечный привет от жены.

Поручая себя и ее молитвам Вашим, искренне преданный Вам и любящий Вас

Д. Кленовский

15/VI, 1962 г.

Милый Дмитрий Иосифович,

Привет Вам и жилищу Вашему. Отдаю Вам долг поэтико-эпистолярный. Поэт, время от времени, бывает должник улыбке (и особенно, когда — многое «не улыбается»). Грустно, что недомогаете вы оба и, словно, всё «продираетесь» сквозь колючие кусты естества земного, временного. Да укрепятся силы ваши.

Стихи Ваши в кн. 68 «Нов. Ж». мне очень по сердцу (5+). И в них есть ангельская чистота, нет того, что огорчало меня на некот. страницах последней книги... «Квасок антоновки Эдема» — очень хорошо, человечно, «воплощенно», в своей трансендентности. Очень хорошо:

«Как трудно на живой душе...»

Да, именно так, как у Вас, должно *прозябать* Вечное из конкретного, милого и уютного в этом мире. Поэзия именно для того, чтобы взрезать подснежником тающий снег мира сего.

Возмогайте, дорогой Дмитрий Иосифович!

Обнимаю Вас. С любовию

А. Иоанн

P.S. На запас чернил, бумаги, перьев гусиных и лебединых прилагаю «кленовый листик».

21 июня, 1962 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Не помню, когда и чье письмо (в том числе и Ваше) так меня порадовало, как пришедшие вчера от Вас строки с откликом на мои стихи в № 68 Нового Журнала. Отдав их в печать, я, признаться, мысленно с опаской подумывал о том, как то Вы к ним отнесетесь. Ведь «обыкновенный» священнослужитель руками бы замахал и на «антоновку»

и на кое что другое. Но Вы, дорогой Владыка, конечно же пастырь необыкновенный, с сердцем всему искреннему и честному открытым, к тому же еще поэт. Ну и получилось для меня не порицание, а поощрение! Как сказал Козьма Прутков: «Поощрение столь же необходимо знаменитому писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза». Хоть и не знаменит, но поощрение из уст ценимых и чтимых меня согревает и, словно, даже сил придает. Спасибо, дорогой Владыка, что так быстро, щедро, от души откликнулись на мои новейшие стихи. Ценю это необычайно и тронут до глубины души Вашим вниманием. И жена тоже; она ведь всё празднует или терпит (в зависимости от обстоятельств) вместе со мной.

Сердечное спасибо, дорогой Владыка, и за кленовое подкрепление! О лебединых перьях упомянули Вы правильно: думаю, что пою мою лебединую песню...* Все больше донимают меня всякие недуги, и гусиное тело мешает лебединому взлёту. Впрочем, вспоминаю (видел): лебедь в полете некрасив, хорош он в покое — может в этом утешение?

12 ноября, 1962 г.

Давно, давно, со времени Вашего июньского письма с похвалами моим стихам в «Новом Журнале» (на которое Вам сейчас же ответил), не имею от Вас вестей. Здоровы ли Вы? Все ли благополучно? Или бесчисленные Ваши дела и обязанности занимают у Вас все Ваше время? Странствуете еще, пожалуй, по Божьему свету? Продолжаете ли при этом и поэтическое свое служение Богу?

Летом у нас было много посетителей, в большинстве из США, а среди них несколько эпистолярных знакомых, воспользовавшихся своей поездкой в Европу, чтобы заехать лично со мной познакомиться. И в ноябре еще поджидаю нескольких посетителей. Встречи эти были, конечно, очень интересны.

---

* После таких мыслей, поэт прожил 14 лет, и не только в болезнях, но и в творчестве. А.И.

27 декабря, 1962 г.

Стихи знакомого философа Вашего весьма нам понравились. Передайте, пожалуйста, при случае этому способному юноше, что он не без таланта и на стихотворном поприще ему следует подвизаться и далее. К сему подходящая иллюстрация из личного опыта. Получаю недавно письмо из Сан Франциско от некоей г-жи К. в котором она, критически разбирая с теологической и стихотворной точки зрения несколько моих стихотворений, в частности «Всевышнему», рекомендует мне внести в них ряд изменений, сообщая тут же свои варианты для отдельных строк и слов. В заключение пишет:

«В Ваших стихах есть что то, что могло бы сделать Вас незаурядным поэтом, как то: вдохновение, рифма, известный стиль. Не оставляйте писания стихов! Пишите! Посылайте стихи мне! Может быть, когда нибудь составите и книжку Ваших стихов!»

Повидимому эта дама прочла где то несколько моих стихотворений и, приняв меня за начинающего поэта, решила меня подбодрить!

А вот нечто в другом роде. Помните ли Вы такого... молодого немца, влюбившегося в русскую поэзию и проведшего молодость в России? Дружил с Гумилевым и Блоком, последний посвятил ему стихи, сотрудничал в Аполлоне. После революции вернулся на родину и посвятил свою жизнь ознакомлению немцев с русской поэзией. Перевел свыше...*

(продолжение этого письма отсутствует)

---

* Речь идет, очевидно об очень известном переводчике русских Классиков Joahannes Guenther'e. А.И.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПОД ГОРКУ

«Мы с женой все быстрее катимся под горку жизни».

(Письмо из Траунштейна)

Как ни тяжко, как ни горько,
Надо всем идти под горку.
Уж такой всем вышел чин
В совокупности причин.
В этом виден целый план,
Где бессилен всякий сан,
Даже звание поэта
Не поможет в деле этом.
Но сердцам любовь дана,
Доставать весь мир со дна.
Будем бодро, будем зорко
Путешествовать под горку!
И, глядя на крутизну,
Вспомним Лотову жену,
Что от горькой непогоды
Оглянулась вспять на годы
И — осталась жить столбом.
Мало пользы было в том.
Отмечая шестьдесят,
Будем все спускаться в ряд,
Не к неясностям туманным,
К берегам обетованным.
Память наша не забыла,
Как нам *горка* насолила,
По ее крутым хребтам
Приходилось лазить нам.
И в сознаньи, и невольно
Горка делала нам больно,
И от горного козла
Мы терпели много зла.
Не забыть нам этой горки!
Скоро кончится наш горький

Подневольный альпинизм,
Жизни этой прозаизм.
Побредем еще немного
И откроется дорога
На чудесные поля,
Станет солнечной земля.
Нам дадут такого хлеба,
Что спадает прямо с неба.
Жизни нашей новый вид
Нам бессмертие дарит.
Не в каком нибудь ущелье
Будет наше новоселье,
А на солнечных полях,
Где исчезнет прах и страх.
Там не будет ни Траунштейна,
Ни Нью-Йорка, ни Эйнштейна,
Ни казенных всяких фраз,
Что не любят вас и нас.
Там не будет палачей,
Ни аптек, и ни врачей.
Пастырей там след простынет,
Всякий вспыльчивый остынет,
А холодный там народ
Закипит, наоборот...
Перетерпим этот горький
Неизбежный спуск под горку.
Я хочу одно сказать:
Надо с горки не *сползать*,
А подняв глаза, идти
К *триумфальному* пути.
Все вздыханья и стенанья
Спрячем в нашем чемодане, —
Только выглядит серо
Это горькое добро.
Трудной этой жизни слитки
Наши лучшие пожитки
Бесконечных совершенств,
И евангельских блаженств.
Да, печалью жизнь чревата,

Но печаль дороже злата
Наши трудности земли —
Только *снятие с мели!*
Сняться с мели, путь один
К бесконечности глубин!

С.

2 апреля, 1963 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Рад был найти Ваши прекрасные стихи в № 10 «Мостов». Завалишин напрасно расхвалил меня за мои стихи в этом №-е (его статья в Н.Р.С.). Не знают наши критики чувства меры! Ну какие у меня «религиозные откровения»!! Что за несусветица! Кстати: исправьте, пожалуйста, в моем стихотворении о ласточках четвертую строку первой строфы. Читать ее надо так:

Где не свила бы ласточка гнезда.

Начали уже поступать «заявки» от друзей, намеревающихся посетить нас этим летом: Глеб Струве, Ржевские и др. Давно мы Вас не видали, дорогой Владыка, и очень-очень по Вас соскучились! Не будете ли Вы в наших краях? Или занесет Вас снова в какие нибудь более экзотические страны?

У нас, представьте себе, зима, лежит снег, холодно, неуютно. Такого мы еще здесь не видали!

Приближается светлый Христов Празник, и мы с женой сердечно Вас с ним поздравляем. Уже лежит наготове Ваша «Слава Воскресению», которую всегда с глубокой радостью перед Пасхой читаем.

Поручая себя молитвам Вашим, душевно Ваш

Д. Кленовский

7-е апреля, 1963 года.

Вход Господень в Иерусалим и
Благовещение Пресв. Богородицы.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Воистину Христос Воскресе!

Привет и мир двоице Вашей притрудно-болящей, но, верю, не унывающей и «зело» терпеливой, преданной Хозяину жизни и ангелов. Рад был увидеть, как из малого (но доброго и сердечного) совета одного полу-поэта, данного поэту, выростают ступени от земли к небу, на которых стоят ангелы.

Прямо, словно особое общество открыто: *замечание* в мире — и жизненное и поэтическое — *ангелов Господних.*

Прекрасна Ваша щедрая отзывчивость на эту тему. И я думаю, что ангелы справедливые, добрые и мудрые, Вам помогли стать хорошим русским поэтом. Не сердитесь на рецензента «НРС», — в его словах, может быть, больше задетости ангельским если не крылышком то перышком, чем полемики боевой и тайной с «парижской нотой». Важна некая, пусть косноязычная, но правда о метафизичности Вашей поэзии. Я по первой книге Вашей это увидел. Кроме Вас, Георгий Раевский (недавно скончавшийся в Штуттгарте) был этого «тонуса» редкого. Лже-метафизики ранее было много о том (разумею «символистов», с их превыспренностями ложными). А подлинный алчбы и неких касаний — чуть-чуть у позднего Гумилева, у Волошина... (Мне довелось недавно найти утерянную его, неопубликованную еще поэму «Св. Серафим» и надеюсь ее опубликовать). Далее, мне кажется, что похвала для настоящего поэта не вредна, так как тщеславие и гордыня (в чем либо) грубо непоэтические вещи, и поэт их в себе сейчас же заметит и вычеркнет их из сердца, как *дурную строку* (или рифму, вроде: «скакать» и «мечтать»). Ведь истинный поэт себя пишет, как некий стих. (И ангелы помогают писать, особенно этот стих, как и всякий истинный, и иметь близость к ним). Бог есть и эта близость любви тварей, сущность,

правда их единства, отражений, «образов» Его. В Нью Иорке недавно выступал в церквах (протестантских) проповедник: мальчик 9-ти лет. Он начал проповедовать с 4-х лет от роду... Кто же поверит, что это происходило без помощи ангелов-вдохновителей?!

Ваши стихи в № 10 «Мостов» еще более зрелы, чем раньше, — чистое у них звучание. И лишь один *духовный* диссонанс есть в первом стихе: «А между тем, до Бога далеко». Это плохая строка, потому что неверная: Бог *безмерно* ближе к человеку, чем все ангелы! Ибо только Он «везде Сый и вся Исполняяй.» И ангелы Им дышат и лишь в силу *одного этого* могут быть ангелами. Но правда в том, что *мы* бываем от Бога «далеко», в силу нравственных, духовных причин. Бог же всегда ближе к нам, чем наше собственное тело, мысль, чувство, воля. (Я бы хотел, чтобы Вы переделали эту строку, или две).

И нельзя Господа Бога ставить как бы «рядом с Ангелом», *соразмерять* их. .Здесь, в сущности (если логически развить), уход от Бога (чего Вы, конечно, не могли хотеть), отрицание Его, так как отрицание Его сущности. Это «деизм» — Бог «где то там далеко, наверху». Деизм есть, в сущности, неверие в Бога Живого. Тут — ненужный (и как бы невольный, для этого стиха) отзвук штейнериянства, единственной тени в духовной Вашей поэзии (которая глубже, как и Вы сами, штейнериянства).

Вряд ли в этом году посещу Европу... А мы с Вами давненько, давненько уже не виделись.

Обнимаю Вас, дорогой, трижды, пасхально. ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС ! Рад, что моя маленькая книжечка несет Вам, двоице Вашей, эту благую весть.

Ваш † А. Иоанн, Странник,
зде града не имеющий.

Прилагаю кленовый листик на кулич,
пасху, гиацинтов горшочек, красненькие яички.

19 апреля, 1963 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил Ваш пасхальный привет и подарок и оба сердечно благодарим Вас за память и помощь! Изображенная Вами картина пасхального стола нашего весьма нас тронула! Порадовали Вы меня чуткими суждениями о стихах моих, в том числе и порицательного характера, ибо сии суждения без малейшего промедления пошли мне на пользу, а что отраднее таковой? Итак: вторую строфу стихотворения об ангелах прошу отныне читат так:

А между тем, он так недалеко,
Наш позабытый ангел! Он порою
И просто и легко (почти рукой!)
Коснется нас и нашу жизнь устроит.

Должен однако признаться Вам, Владыко (ожидая новой нахлобучки...), что, представляя себе духовный мир, как некую сложнейшую организацию, я привык обращаться, если можно так выразиться, к младшим ее сотрудникам (у них и времени больше и мне с ними как то проще), конкретно — к моему ангелу-хранителю, а уж он замолвит за меня слово перед Богом, а то и сам, где может, выручит. Это от чувства своего ничтожества и малости, конечно. Ну как может Бог тратить на меня драгоценную Свою субстанцию!? Есть у Него дела поважнее! Вот отсюда и представление «до Бога далеко», хотя расстояние создано, конечно, мной самим, а не Богом. Но быть с Богом запросто я не решаюсь...*

Опубликовать поэму Волошина было бы делом первейшей важности. Но в «Мостах» (увы!) этого сделать уже нельзя, и я тут ничем помочь не могу. Дело в том, что жур-

---

* Это очень смиренное и даже православное сознание, как возглас апост. Петра, просящего Христа отойти от него, ибо он «человек грешный». «Страх Божий». Но, во Христе человек общается с Богом, истинно воплотившимся в человеке, ставшем рядом с нами. В этом *кенозис* Божий, как любовь небесная, поощряющая обращаться к Богу и *прямо*. До Бога *ближе*, чем до нашей собственной души! А. И.

нал перестал существовать, ибо американцы лишили его в дальнейшем субсидии. № 10 был последним. Правда, редактор их Геннадий Андреевич Хомяков (псевдоним: Геннадий Андреев) помчался в Нью Йорк хлопотать об ее продлении,, но я слышу отовсюду, что это дело безнадежное, и его старания заранее обречены на неудачу. Виновата во всем этом сама эмиграция: ведь несколько месяцев тому назад З. разнес в «Н.Р.С.» «Мосты», вообще, как своего рода излишний, по его мнению, придаток к «Новому Журналу» — может это, а то еще и какие нибудь тайные наветы сделали свое дело... А жаль, очень жаль! «Мосты» становились от № к № лучше, и в последнее время по качеству материала, не говоря уже об оформлении, несомненно оставили позади Н.Ж. В последнем (71) № Н.Ж. есть такие стихотворные шедевры Якова Бергера, что стыдно было бы печататься с ним рядом.

Очень, очень жалеем, что и в этом году не свидимся с Вами!

Соскучились! Шлем Вам, дорогой Владыка, наш привет, полный самой искренней любви, и просим не забывать нас в молитвах Ваших!

P.S. Поэму М. Волошина остается только дать в Нов.. Журнал. (так и было сделано. А.И.).

23 апр. 1963 г.

Дорогой Дмитрий Иосифович, — приветствую Вашу новую версию строфы, — как прав был 3000 лет тому назад Соломон, сказав: «обличи премудра и — возлюбит тя». Я целиком понимаю и одобряю Ваше смиренное отношение к Хозяину жизни, трепет, в отношении Его, — это один из признаков истинной веры, — ведь и херувимы и серафимы «закрывают лица свои» пред пламенем Божества; а человек, сей «вирус» земной, — как ни молчать ему трепетно пред Богом. Правы были евреи древние, когда лишь раз в год и один только первосвященник, и только в Свя-

том Святых, произносил Его Имя. А мир сей живет «менее, чем в Ветхом Завете»! И все же, другая сторона священной диалектики духоведения та, что Он, «Господь господствующих» — «везде Сый и вся Исполняяй, Сокровище благих и жизни Податель». И надо не только петь Ему (и шептать Ему), но и знать, что ангелы именно этого хотят от нас, и, если принимают что доброе от нас, то только как проводà Царствия Божия, которые всякий ток передают далее.

Ужасно некое профанационное действо словесное поэтов эпохи символизма... Слово *Бог* надо очень, *очень беречь*, и Вы тут тысячу раз правы, и духовно и поэтически. Но, по настоящему то можно беречь его только если знаешь, что оно принадлежит Тому, Кто «*везде* Сый *и вся* Исполняяй».

Грустно, что «Мосты» пошатнулись. Около середины мая должен я быть в Нью-Йорке (недели на две) и тогда узнаю о деле этом.

Посылаю Вам одно «суховатое» («Педагоги») стихотвореньице, — такое вино бывает — «сухое» (не для девиц, а для опытных пьяниц). Интересна, вообще, эта проблема поэтической (и музыкальной) «сухости». Что Вы думаете об этом?

Вот эти сухие строки:

ПЕДАГОГИ

Как много разных педагогов
Талантливых и непростых,
И привередливых немного,
Но лучше не осудим их.

Мы сами учим всех всегда,
Когда нам надо и не надо, —
Нам исправлять людей отрада
И не учить людей — беда.

1963.

30 января, 1964 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Рад был получить от Вас весточку — не имея таковых с апреля, признаться, тосковал. Вам писал последний раз (не считая краткого рождественского привета) в сентябре.

В первую очередь выскажу свое скромное суждение относительно Вашего архива. Ценность его представляется мне весьма значительной и было бы очень прискорбно, если бы он остался неопубликованным. Сомнений в необходимости его опубликования, по моему быть не может; другое дело, в какой это должно произойти форме. И мне представляется, что Вы как раз наметили самую удачную: с Вашими комментариями (притом, не сухо деловыми «литературоведческими», а частично с прежней Вашей, частично с нынешней — в них вероятно есть какая то, может быть, очень интересная разница — точки зрения), с выдержками из Вашей собственной переписки с авторами публикуемых писем, с Вашими воспоминаниями о них и т. п. Может получиться *очень своеобразный* и интересный труд. Именно Вы, дорогой Владыка, сумеете замечательно справиться с этой задачей: умно, объективно, продуманно, в литературном отношении блестяще. Ценность такого издания, повторяю, неоспорима, уже хотя бы потому, что Вы располагаете письмами Цветаевой и Ходасевича, а Ваше собственное участие эту ценность удвоит! Хотелось бы, дорогой Владыка, чтобы Вы нашли время для такой работы! Она, конечно, не так проста! Возьмитесь за нее памятуя, что кроме Вас никто справиться с нею не сможет. Буду рад услышать в дальнейшем, на что именно Вы решились. И от всего сердца желаю удачи.*

(конец этого письма утерян)

---

* Издание значительной части этого архива моего осуществилось в книге «Биография Юности». Париж 1977. Имка-Пресс.

24. Апрель, 1964.

В последнем моем письме высказался по Вашему предложению насчет Ваших планов издания своего архива. Эта Ваша «тема» очень меня тогда заинтересовала. Определилось ли что нибудь на этот счет? Или раздумали? А мысль была отличная!

Был у меня недавно интересный посетитель, приехавший лично познакомиться со мной Johannes von Guenther, автор той немецкой книги о двухстах годах русской литературы (прозы и поэзии), о которой я Вам писал, и где он чрезвычайно лестно высказался обо мне. Интересно было с ним поговорить: он ведь в свое время вращался в самой гуще так наз. Серебряного Века, дружил с Блоком, Гумилевым, Кузминым. Он и сейчас только и живет и дышит что русской литературой и воспоминаниями о России. Патриот, каких мало: несмотря на свое немецкое происхождение, упорно отказывается от немецкого подданства и числится до сих пор как Staatenloser! Даже вторая жена его, чистокровная немка, потеряла свое немецкое подданство и тоже превратилась в Staatenlose. Трижды облобызал меня, много с восхищением отзывался о моих стихах, а жену, целуя ей на прощание руки, долго благодарил за то, что она «уберегла такого замечательного поэта».

10 мая, 1964 г.

Рад был прочесть, как присланные Вами мне лично стихи, так и те Ваши, что нашел в № 75 Нового Журнала. Особенно дороги мне «Вечер на Патмосе» (помните, у Гумилева: «Над этим островом какие выси, какой туман! И Апокалипсис здесь был написан, и умер пан») и «Таится грех» — последнее, может быть, потому что о «кленовом листе» в нем упомянули, с коим у меня через Вас тайное установилось родство.

На чествование Степуна, на которое меня с женой не только звали, но и все расходы оплатить обещали, поехать,

всё из за тех же недугов, не смогли. Там, кстати, приключилось, как мне рассказывали, такое: ожидали прибытия на чествование высших представителей православного духовенства, а так как был великий пост — закуска была, во внимание к ним, заготовлена постная. Духовенство, однако, по причинам неизвестным (то ли бойкот, то ли просто великопостное воздержание) на чествование не прибыло; так что участники такового понапрасну давились одними лишь рыбными бутербродами. Говорят, что Ф.А. был уставши и не в ударе, а восхвалители его говорили долго и нудно.

В начале июля приезжает, чтобы впервые лично со мною познакомиться, моя давнишняя эпистолярная знакомая, вашингтонская поэтесса Гизелла Лахман.

P.S. Жаль, если Вы не используете сами свой архив, а отдадите его на сторону! Отдайте, конечно, но сперва используйте!*

14 окт. 1964 г.
Сан Франциско
Покров Пресвятой Богородицы

†

Дорогой Дмитрий Иосифович,

И то правда, что пишете Вы, — давненько не писал Вам. Приятная новость, что есть у Вас «аппетит к поэзии»; а ведь такой аппетит, в особенной степени «vient en mangeant«. А припадок сердечный бывает от *переедания не поэзией* (неприятностями, жирными блюдами и т. д.). Извольте попоститься от сего и приналечь на поэзию! Ваши стихи в последней книжке прекрасны, «как на подбор». И тема ангельская идет доминантой... Хорошо, что Вас навещают.

---

* Совету поэта я последовал.

А у меня все более проза действует. Ополчился на меня в воскр. № «Известий» московских, от 14 июня, некий специалист по анти-религиозности — Рогов, в статье: «Епископ и 10 заповедей». В других изданиях московских полемизируют со мной более вежливо («Наука и Религия», «Религия и естествознание»). И к началу нового года надеюсь книгу выпустить — 2-й том Собрания трудов моих: «КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ» будет называться (статьи и беседы по «Г.А.»)... Что касается поэзии, она у меня, как золушка (а не так, как у Вас, — царица!). Есть «кое что» (понемногу накопилось), — около сорока стихов («пиэс»), да стоит ли, не знаю, издавать это? Если бы Вы были поближе, посоветовали бы (А тут около себя советников не вижу).

А. А. Ахматовой, к ее 75-ти летию, я послал поздравительную телеграмму, с пожеланием Божьего благословения ей и сыну. Послал чрез одного поэта немолодого и автора книги о поэтическом труде, близкого Ахматовой. *От имени «Странника», конечно. (Ей было это передано).*

3 ноября, 1964 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Почему Вы вместе с поздравлением не послали Ахматовой и книжки со стихами Странника? Наверное доставили бы сим ей радость! Ей бедной, пришлось пережить разочарование: поездка ее в Италию за получением присужденной ей там литературной премии, причем советское правительство уже дало свое на это разрешение — в последний момент не состоялась. Вероятно размечталась уже, но всё поломалось: организация, все это затеявшая, оказалась дутой (какое то туристическое бюро, заинтересованное не в литературе, а в рекламе и наживе) и от всего отказалась.

Почему бы Вам не издать нового сборника стихов? Отвезите сами свою Золушку на бал, порадуйте ее! Не все же ей ямбы на зиму солить! Надо ей и людям себя пока-

зать! Если только захотите — дам охотно советы насчет некоторых деталей бального ее наряда!

А вот моей «царице» видно придется сидеть дома... Новый мой сборник фактически готов, но удастся ли его издать — более, чем сомнительно.

16 ноября, 1964.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил стихи Ваши и с радостью прильнул к их удивительно чистой и прозрачной влаге. Редкой в нашей поэзии нежностью пахнуло от всех строк! Вся книга словно светится изнутри легким, но предельно озаряющим светом. Никакого «нажима», никакой «проповеди», но все проникает в сердце. Я бы на Вашем месте, не задумываясь, опубликовал бы книгу. Особенно понравились мне стихи на стр. стр. 3, 6, 10, 11, 12, 15, 17, 22, 23, и 26. Самое мое из всех любимое «РОЖДЕНИЕ БЛИЗОСТИ». Только 6 стихотворений мне не приглянулись — это на стр. стр. 20, 21, 28, 30, 32 и 33. Среди них несколько четверостиший. Это ведь, вообще, самая трудная стихотворная «мера». У четверостишия в 10 раз больше ответственности, чем даже у восьмистишия. Ведь это конденцированная до отказа поэтическая тема и мысль. Четверостишие должно действовать на читателя абсолютно, безоговорочно, иначе оно не удалось.

Вот некоторые замечания относительно отдельных стихотворений:

1) стр. 2. «на подснежник*а* похожий» — неверно. Нужен винительный падеж: «на подснежник похожий».*

2) стр. 9. Говоря «под *розовым* окном» Вы, вероятно, имели в виду окно, увитое снаружи розами, но это не получилось. Получился *цвет*, а не цветы. Можно сказать «ро-

* Последняя редакция была: «на подснежник так похожий».

зовый куст», но не звучит например «розовый букет», «розовая беседка». Не лучше ли «под розовым *кустом*»?

3) стр. 10 — Можно ли «*вступить* в бездну? Броситься, кинуться, упасть — дело другое. Почему «*был полдень* жизни»? Для ребенка это был *рассвет* жизни. А вообще, стихотворение прекрасное.*

4) стр. 16 — не чувствую ничего *русского* в стихотворении, озаглавленном «*РУССКАЯ* ВЕСНА». Почему сыростью *нездешней*»?

5) стр. 26 — «ничтожней в мире нет ее *чела*» — это слово по моему совсем неподходящее и его надо непременно чем то заменить. Вы вероятно хотите сказать, что в мире нет вещи, предмета, ничтожней обгоревшей спички; но причем здесь «чело»? А если Вы имеете в виду саму спичку, то и тут «чело» не у места. У сгоревшей спички даже и головки то нет, которую с величайшей натяжкой можно было бы назвать ее «челом».

6) стр. 30 — Неудачно, на мой взгляд, «окно *человека*» и далее «пыльца золы» (пыльца не пыль, а цветень, переносимый для оплодотворения растений ветром и насекомыми).

На этом умолкаю. Рукопись посылаю заказным письмом (простой, не воздушной почтой, последняя у нас в Германии стоит бешеных денег, а у Вас наверное есть второй экземпляр).

Спасибо за кленовый листочек!

У нас грустнейшая, поздняя осень. От холода не страдаем, но в душе неуютно. Не любим осени! Жена шлет Вам свой сердечный привет.

Душевно Ваш

Д. Кленовский

---

* Тут мы иногда с К. впадали в разномыслие: он был за рациональную *дотошливость*, за логическую, «прозаическую» чеканку стиха; но, как истинный поэт, он воспринимал и в *другом* поэзию. А. И.

28 ноября 1964

†

Милый Дмитрий Иосифович,

Спасибо за Ваши ценные для меня замечания... Еще раз вижу, что только подлинный поэт может быть настоящим критиком литературным. Это почти аксиома (хотя нет правил без исключения). Со всем я согласен, что Вы говорите. Впрочем, может быть, кроме одного пункта: «розового окна». Представьте, я никак не соединяю с этим окном никаких «роз». Розовое *тут* для меня, либо отсвет восхода или заката, розоватый на окне, либо окно типа дома, которого, вероятно, в Траунштейне (ни в Царском Селе) нет, но который существует, даже распространен и в южной Калифорнии и на юго Франции, Италии. Окно вправлено в розовый (иногда даже ярко розовый, иногда бледно розовый) дом и как бы ассоциируется с домом. Отсюда образ чего то счастливого, благополучного и даже солнечного, житейски... Вы понимаете мою мысль. Розовый «куст», это совсем другая гамма идей... Интересно, что на «розе» мы и около первой моей книги пускались в поэтико-философические экскурсы. Помните, там фигурировала «старуха», от которой Вы всячески старались меня избавить, отведя от эмпирического воспоминания (о факте, случившимся со мной в Риме) к высоким вымыслам поэзии. И Вы добились, что «старуху» то я Вам уступил и заменил неперсональным: «кто то молча протянул мне розу»...

Четверостишия мне самому не очень были по вкусу и по тем же соображениям, что и Вам. Но я хотел отчасти проверить на Вас свое чувство.

По горячему следу Вашего письма, я уже почти все исправил, что не прозвучало для Вас. «Вступить» в бездну, конечно, нельзя (разве что провести равенство между бездной и «цехом поэтов»). Ясно, что тут должно было стоять слово *ступить* (а не *в*ступить)... Иногда бывает, имеешь в виду одно слово, а впишешь какое то очень близкое к сему и допустишь фальш, которую сам быстро и не различишь, так как для тебя слово это звучит уже «как ты хочешь»,

а не в своей сути настоящей. Я замечал это иногда. «Чело» спички я убрал. Я видел то, что Вы указываете, но допустил некоторый «барок», желание придать ничтожеству момент некоей высокой человечности. Но лучше без этого обойтись. И устроилось это к лучшему. «Нездешняя сырость» исчезла, конечно. «*Полдень* жизни» (ребенка) заменен *праздником* жизни, тоже полнотой, но безотносительно возрасту.* «Подснежник» получил правильную форму.

Кое что еще я просто выкинул вон (кое что «подчистил»)... Посылаю сейчас еще Вам три стихотворения, которые ранее забраковал для книги, а сейчас решаю послать Вам на смотр, как ополченцев старых, на всякий случай. Проконсультируйте их, но того, кто с деревянной ногой или с пустым рукавом, пожалуйста не пускайте в строй. Даже со вставными зубами бракуйте солдата (для поэта еще возможна такая немощь, но не для стиха).

18 декабря, 1964.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Относительно стихов Ваших первой получки: остается для меня неубедительным «розовое окно»! Я его не вижу, и наверное большинство читателей его тоже «не увидит» — слишком субъективно Ваше восприятие окна, то есть стекла или ставни, по цвету дома и отблеску заката. И, притом, почему «*под*» окном таится грех? Уж скорее «за»... Я против такого образа, так как не верю в то, что читатель разберется в том, что Вы хотели сказать, а значит Ваш образ до него не дойдет.

В стихах нового присыла мне особенно понравилась «ПОЕЗДКА НА ВОСТОК».** Один «покосившийся дымок» чего стоит! Очень хорошо всё настроение, вообще. Возра-

---

*Впрочем, я это стихотворение не счел оконченным (и нигде его не печатал) С.

** Стихотворение напечатано в «Книге Лирики» и названо «Россия». А. И.

жаю против «сокрывающаяся» — такого слова нет. Затем против перебоя в размере в 6-й строке (приходится «встречают» читать с ударением на «ю»!). Далее: можно ли «перейти слезы» (6-я строфа)? И в конце: поскольку »Бог *и* Слово», надо «покрыл*и*» (во множ. числе). Тема всего стихотворения довольно туманная, но завораживающая, и требовать большей четкости не хочется — и так хорошо. В стихотворении «ПОЭЗИЯ» как понимать «любовь *другая*»? А, вообще, нравится. Меньше «ЧЕЛОВЕК», где до меня не доходит вторая строфа.

Знавали ли Вы поэтессу Аллу Головину, урожд. баронессу Штейгер, сестру покойного отличного поэта Анатолия Штейгера? Она помнит Вас по Брюсселю, где она сейчас живет (замужем за бельгийцем), имеет два №№ «Благонамеренного»! Не быв никогда с нею в переписке, получаю, вдруг, от нее письмо, в котором она, называя меня «лучшим поэтом не только новой, но и старой эмиграции», просит разрешения приехать познакомиться со мной лично, о чем она, мол, мечтает уже давно. Встреча была на редкость приятной. Алла Сергеевна оказалась исключительно культурным, интересным и симпатичным человеком, большой умницей.

У нас зима, но еще не холодная. Лежит в небольшом количестве снег. Туманы.

Я попросил поэтессу Лидию Алексееву послать Вам свой новый сборник стихов «Прозрачный след», и она обещала это сделать.

25-е декабря, 1964 г.

Милый Дмитрий Иосифович,

Признаю себя побежденным Вашей поэтической эрудицией, подкрепленной Вашей интуицией (и — почти — полицией!). Как Вы победили «старуху» в «РИМЕ», так Вы победили и «грех», таящийся «под розовым окном». Первая строка получает новую шкурку, так как старая

содрана с сей «змейки строчной». «Розовое окно» все же остается, но, как само небо (что для строгого Вашего и пунктуального царскосельского классицизма должно подойти)... Я согласен, что вторая строфа «ЧЕЛОВЕКА» хуже первой и что либо надо сделать. Некоторые замечания еще вкладываю на отдельных листках... Но довольно о музе вольной, — поговорим о музе присяжной (пишущей на бумаге не простой, а гербовой): о Вашей музе... Нельзя ли издать в Испании Вашу книгу? «Последняя» она или «не последняя», это Один Хозяин мира ведает, но, что она будет не худшей, а еще лучшей других — очень есть большое вероятие. Но, конечно, не плохо и мудро даже *всегда* и всякому автору думать, что «книга его — последняя», как всякому человеку нужно думать и про каждый день, что мол может быть день его последний. Так это будет, или не так, но во всяком случае *может быть* и так, а когда-нибудь и так без сомнения. Все другое предадим в Руки Божии.

Во всяком случае, если бы «отозваны» были Вы, до издания сей книги (а я бы остался среди кленов и пальм земных) — я книгу сию тогда издам (чтобы Вы не волновались, что найдут ее чрез сто лет на баварском чердаке и будут из нее «фунтики» делать). Но, пока мы вне такого эсхатологического момента, я бы хотел как либо способствовать радости автора и читателей увидеть эту книгу и, так сказать, «испить» ее, по всем правилам литературного пития и следующего неизбежного за ним — опьянения (не во вред, а на пользу душе!)... Если хотите, пришлите мне к 25-му — 26-му января в Швейцарию по адресу (мое имя) Hotel d'Angleterre, Geneve, Suisse, полную рукопись своей книги. Я попробую найти ей издателя (на условиях, которые Вас не свяжут ничем). Что в моих силах, сделаю. Свои пожелания, какие будут, присовокупите к рукописи. В течение месяца, я Вам постараюсь дать ответ, что я смог сделать для Вас и для поэзии русской.

1 января, 1965 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

До глубины души тронула меня забота Ваша о моем сборнике, вплоть до намерения издать книгу самому, в случае моего «отозвания». Очень-очень Вам за всё это признателен! Впрочем, судьба моей книги теперь определилась: я издаю ее *сам*, поскольку добрые друзья наскребли для меня сумму, необходимую для оплаты первых шагов издания, а что касается оплаты шагов последних — надеюсь, что подойдет в течение ближайшего месяца-двух еще кое что.

Рукописи в Женеву я Вам, значит, не пошлю. Сообщение Ваше о предстоящем Вашем приезде туда огорчило нас в том смысле, что вот Вы будете так сравнительно от нас недалеко, а свидеться с Вами повидимому не придется, поскольку Вы о сем не упоминаете. Жена сочинила поэтому самолично, без малейшей моей помощи, блеснув при этом рифмой, которой позавидовал бы сам Маяковский, такой экспромт (как бы от моего имени):

Собираясь добраться до Женевы
Шлете, Владыка, привет жене Вы!
Приветствовали бы ее *лично* —
Вот это было бы отлично!

Скажу Вам откровенно, что издать книгу самому, поскольку материальная возможность для сего определилась, мне гораздо спокойнее, чем отдать ее судьбу в руки издательства, которое, может быть, и возьмется (из желания сделать приятное хлопочущему обо мне лицу) за это дело, но осуществлять его будет нехотя, исподволь, мало считаясь с автором. Издавая книгу сам, я могу и типографию подхлеснуть, и за всем, вообще, присмотреть, и столько для себя лично экземпляров получить, сколько мне нужно — ну, словом, буду полнейшим хозяином книги.

Тонкий, милый юмор Вашего письма принес нам с женой много радостных минут! Очень заинтриговало меня, как это Вы «розовое окно» превратили в «само небо»?

Удовлетворите мое любопытство! Против Вашего словотворчества, поскольку это преступление с заранее обдуманным намерением и Вы в нем не раскаиваетесь, а защищаете его — больше не возражаю. Ко всему, что делается по убеждению, а не по неловкости — я очень терпим. Возражения мои были вызваны тем, что в Вашем лице я привык видеть не меньшего последователя классицизма (скажем, нео-классицизма, не обязательно «пунктуального», как Вы коварно выражаетесь по моему адресу), чем я сам. Ваша эскапада в новаторство меня не огорчила, но удивила. Впрочем, мне представляется, что словотворчество Ваше вызвано не столько стремлением к новизне слова и оживлению стиха, сколько симпатией к близким и сердцу Вашему и мышлению свойствам и особенностям церковного языка. Да, «перебой» Ваш для меня все таки не звучит, а только заставляет спотыкаться. «Бог» и «Слово-Логос» духовно то едины, но... грамматически всё таки множественное число и, поскольку мы говорим словами человеческими, а не ангельскими, скользя духовно по образам — приходится придерживаться грамматических правил!*

На Рождество пришла грустная весть: скоропостижно умер в поезде по дороге домой в Париж из Гейдельберга, где он участвовал в каком то съезде, друг моего детства, небезизвестный и Вам Левочка Зандер. Как будто ничто не предвещало конца, хотя Л. немного жаловался в последнее время на сердце. В поезде, когда он почувствовал себя плохо, нашелся врач, сделавший ему укол, но это продлило его жизнь только на полчаса. Жена его пишет мне, что погребение на кладбище Ste Geneviève des Bois было очень торжественным, провожало множество народа, было много речей (как она выразилась: «русских, протестантских, католических, англиканских»), служило 2 епископа и много иереев.

---

* К., конечно, прав, но поэт призван и расширять, обогащать речь. Если нет в этом нарочитости, он может обогатить концепты жизни. В этом тоже поэзия. Но это не должно быть нарочитым, выдумкой безответственной, а являть высшие концепты бытия, мира и человека. А. И.

27-е марта, 1965 г.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Так и не смогли мы опять повидаться с Вами в Европе. В Германии был я несколько дней, но не в Баварии. И даже старцу, Федору Августовичу Степуну пришлось, для свидания нашего, приехать из Мюнхена в Штуттгарт, где я, утомленный передвижением, на 3-4 дня остановился. Зная Ваши немощи физические, я не решился предложить Вам тот же путь (жена бы Ваша слишком беспокоилась!). Но о Вас я вспминал в Германии и мысленно слал Вам привет и мир... Что касается «менее реального» (но иногда тоже нужного, для поэтов всякого сана и ранга), то я при сем письме пересылаю чек — символ моего духовного участия в издании новой книги Вашей (и ее рассылке «urbi et orbi»). Ваша мелодика и поэтика всё утончаются, и все яснее проступает чрез них реальность Царства Божьего, личностного всеединства в одной Жизни и Истине, которую и открыл до конца и даровал человечеству Христос, Господь наш Воскресший. Время веры еще не кончилось, и нужно не простое зрение, а особое еще, для видения реальностей, открытых (и уже данных) в Воскресении Христовом... Вам Господь дал поэтический отблеск этого познания, и Вы его не зарываете в землю. Не зарывайте.

Обнимаю Вас и шлю сердечный привет Вашей жене.

† Ваш Архиепископ Иоанн

P.S. Последнюю книгу Вашу смог препроводить в Москву, одному поэту и критику (чисто литературному). Который там не очень знаменит, но известен.

31 марта, 1965 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

До глубины души тронут и ласковым Вашим письмом и щедрой Вашей поддержкой издания моего нового сборника! Ваш чек внезапно, к великой моей радости, в корне

разрешил еще весьма сомнительный вопрос об окончательной расплате с типографией.

Ваше письмо из Рима и порадовало меня и огорчило. Огорчило, потому что в нем не было ни слова о возможности встречи со мною, и мне стало ясно, что таковой не будет... Впрочем, даже когда все ясно — человеку свойственно надеяться и мы с женой продолжали надеяться. Очень, очень грустно нам обоим, что не пришлось, дорогой Владыка, свидеться с Вами. В моем возрасте каждая встреча может легко оказаться последней и тем более тянешься к каждой такой возможности.

Прекрасна Ваша «БАЛЛАДА О ГОСТИНИЦЕ»!! Как важно для поэта странствовать! Сколько тем такие странствия дают! И как мелочи, пустяшные, казалось бы, детали дают толчок к широким и мудрым размышлениям! Надо, конечно, обладать душой, способной понять возможность такого превращения и его осуществить, превратив мелочь в значительное. Сколько замечательных «мелочей» дали Вам именно Ваши странствия и как убедительно оттолкнулись Вы от них ввысь! «Оттолкнулся и, глядишь, причален к самой невозможной высоте» — сказал Кленовский («НАВСТРЕЧУ НЕБУ», стихотворение «Повседневность»). Я всегда жалею, что лишен возможности постранствовать и набраться впечатлений! Они были бы так мне нужны!..

Издание моего сборника сильно задержалось. Сдал я рукопись в набор еще в начале января, но как раз в это время один из работников типографии сломал себе руку и надолго выбыл из строя. Так как их там буквально горсточка, это тотчас же смешало все планы и сроки работы. Только на днях получил я поэтому гранки. Предупреждают при этом, что на быстрое исполнение заказа я рассчитывать не должен.

20-е апреля, 1965 г.

ВОИСТИНУ ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогой Дмитрий Иосифович, радуйтесь! Желаю Вам многих сил в жизни и в поэзии (впрочем, это одно!).

Рад знать, что Вы, в печатном отношении, «умножились яко же Рахиль». Это геройство, со стороны Хомякова, выпустить новую книгу «Мостов». Может быть, он будет добр мне ее пришлет со счетом своим?

В бумагах своих нашел проект моего ответа прошлогоднего Вашей жене, приславшей мне... стих свой. Как подарочек, стих сей свой посылаю ей, с тем, чтобы она мне ответила стихами же... (только, из зависти, пожалуйста, не препятствуйте ей писать стихи и стать, кто знает, может быть, поэтом лучшим чем Вы)...

Итак, книга Ваша к лету родится. А в Траунштейне будет зреть во чреве поэтическом уже новая... Ибо поэт, как Рахиль и Ревекка — чадоприемное существо, способное к умножению (сколь и к углублению).

Пасхально обнимающий Вас

† Архиепископ Иоанн

ЖЕНЕ ПОЭТА В ОТВЕТ НА ЕЕ СТИХИ

Жене, привязанной златою нитью
Ко всякому и слову, и событью
Траунштейнского поэта записного,
Что песнью зарождает наше слово
И царскосельским в высь струит фонтаном,
И может задним и передним планом
Подать все чувства с «лебедем в пруду»
И ягодкой хорошею в саду —
Жене певца, что с ангелом небесным
Беседует путем ему известным, —
Привет мы шлем из далей Сан-Франциско.

В поэзии бывает всё так близко,
Поэзия не знает расстояний,
В ней только встречи, нету расставаний,
А жизнь, когда она не во грехе,
Соединяется в одном Стихе.
Поэзии Великий Океан
Поэтам и стихам навеки дан.
И пусть обнимет неумолчный Стих
Жену и мужа, и всю радость их!

20 апр. 1965 г.

6 июня, 1965 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Ответ на Ваше неизменно ласковое и сердечное письмо, как видите, зело запоздал, за что прошу прощения. Причиной сего явилось выраженное Вами в письме желание, чтобы на Ваше стихотворное «Послание жене поэта» ответила именно сия особа. И вот это и явилось камнем преткновения! Наряду с разными другими высокими качествами, супруга моя отличается еще скромностью и строгостью к самой себе. Стихи «на случай» ей нередко удавались, но вступить своим камерным голосом в мой с Вами оперный дуэт показалось ей слишком рискованным... Попыталась, но... отступила, чему содействовали и совершенно новые, свалившиеся на ее голову, мучительные недуги. Жена просит Вас, Владыка, великодушно ее извинить. Именно Ваше желание ей было бы особенно приятно исполнить! Шлет Вам, конечно, свой самый сердечный привет.

На днях я получил, наконец, из типографии первый (и пока единственный), вполне готовый (то есть, отпечатанный, сброшюрованный и в обложке) экземпляр моего нового сборника...

У нас уже были заокеанские гости, в том числе известная Вам, несомненно, Елиз. Андр. Малоземова. У меня с ней, после выхода «Следа жизни», началась было, но быст-

ро сошла на нет, переписка. Сейчас она, воспользовавшись поездкой в Европу, захотела восстановить знакомство и встретиться со мною лично. Из Мюнхена ее привезли в Траунштейн на автомобиле знакомые. Встреча была очень приятной. Ел. Андр. произвела впечатление очень милой, экспансивной и притом исключительно энергичной и предприимчивой (несмотря на свои 80 с лишком лет) дамы.

26 июля, 1965 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Спасибо, что поспешили прислать весточку из под сени сикоморы! Весточка сия глубоко нас порадовала, ибо из всего ее, особенно прозрачного, озаренного мягким внутренним светом, тона видим, с каким чувством облегчения и освобождения от томившего Вас долгие годы недуга вкушаете Вы теперь столь необходимый Вам отдых. Необходимый вдвойне: и как восстановление сил после операции и как некий полезный антракт среди великого множества всех Ваших забот и обязанностей. Надеемся, что с многолетним Вашим печеночным недугом* теперь покончено, и он не будет терзать Вас как раньше, когда Вы (вспоминаю по встрече в Мюнхене) питались сухарями да вареными бананами! Шлем Вам оба, дорогой Владыка, наши наилучшие, от самого сердца идущие пожелания! А за неизменно ласковые и заботливые строки Вашего письма — наше глубочайшее спасибо, они принесли нам много самой чистой радости!

О некоем расхождении между Анной Ахматовой и сыном ее от Гумилева слышал я уже давно и сперва недоумевал; но последние, совсем недавно полученные сведения на этот счет, внесли в слухи эти некую долю ясности. Вы, конечно, помните, что во время войны и некое время после нее, Ахматова в своих стихах славословила Сталина и

---

* Мне был в 1965 г. вырезан желчный пузырь.

советский строй. В эмиграции отнеслись к этому на редкость терпимо и с подлинным великодушием, объясняя происшедшее тем, что Ахматова хотела таким способом облегчить участь арестованного сына. Возможно, что такое предположение было правильным, но сам сын Ахматовой, повидимому, воспринял это иначе, тем более, что в предисловии к вышедшему в СССР несколько лет тому назад сборнику своих стихов, Ахматова, повествуя о свей жизни, ни единым словом не обмолвилась о его отце, то есть о Гумилеве. Вот что мне недавно написал один знакомый:

«Недавно мне кое-что рассказали о сыне А. Он якобы говорит, что она опять «наверху» и в «окружении», что для него неприемлемо, и он поэтому редко видится с ней. О нем говорят, что он непримиримый, политически».

Повидимому, в «примиримости» Ахматовой и «непримиримости» ее сына от Гумилева и лежит разгадка их охлаждения.

Надо сказать, что и у меня к Ахматовой в этом смысле отношение не вполне благополучное. Ее славословий Сталину и советским порядкам я, все-таки, с ее «текущего счета» сбросить не могу, как не могу вычеркнуть и того, опубликованного в Н.Р.С. и уже никак не вынужденного стихотворения Ахм., в котором она назвала эмигрантов продажными душами и на которое ей, на страницах той же газеты и тоже в стихах, хорошо ответила Гизелла Лахман. Мне очень несимпатично в Ахм. то, сколь она кичится тем, что она осталась в СССР, не «бросила своего народа», «ни единого удара не отстранила от себя» и т. д. Я уверен, что Ахм. осталась в СССР жить случайно, как остались и многие другие, ибо никто не знал еще тогда, как всё обернется и как умнее поступить. Но никто из оставшихся этим не кичился и не кичится, как это делает Ахматова, которая втайне теперь, может быть, даже и жалеет, что осталась! Как будто тогда уезжали из России на Запад как на пикник, а не как на множество всяких бед! Адамович правильно высказался на этот счет в «Русской Мысли». К Ахматовой русская эмиграции и сейчас столь же терпима, в газетах называют ее даже «бескомпромиссной», подобно Пастернаку, называют так явно вопреки фактам. Разве не

компормиссом с ее стороны было хотя бы уже и то, что в вышедшем в СССР сборнике ее избранных стихов отсутствуют (я специально это проверил) все те, зачастую лучшие стихи ее, где встречаются такие слова как «ангел», «Богородица», «храм», «Господь», «крест», «церковь» и т. п. — явная уступка советским требованиям. Какая уж тут «бескомпромиссность»!? Все это, конечно, ничего не меняет в моей вообще очень высокой оценке стихов Ахматовой, но сильно огорчает в восприятии ее как человека. Известно ли Вам, что издательство, где Струве и Филиппов, выпускает двухтомник Ахматовой, причем первый том вскоре выйдет в свет.

Спасибо за ласковые строки о моих стихах, авансом так сказать, ибо нового сборника моего Вы еще не видали. Вы предвещаете, что следующий мой «ребеночек» (т. е. сборник) будет «еще более умудренным». Учтите, дорогой Владыка, что старики нередко... впадают в детство, так что следующие мои сборники (которых, впрочем, не будет, так что говорю теоретически) могли бы пойти по... обратному пути, покатиться с горки вниз!

Самый сердечный привет Вам от дружины моей (оно по украински и сейчас так: дружина — это жена; а по русски — войско!). Прилагаю совместное наше новейшее фото — сделано этим летом поэтессой Нонной Белавиной, нас посетившей.

Спасибо за благословение! Вспоминайте нас в молитвах Ваших — большая в этом, по старости и немощи нашим, нужда!

1 августа, 1965 года
Калифорния

†

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Получил Ваше удобоубедительное пояснение конфликта А. Ахматовой и сына. В этом есть какая то, почти гомеровская эпичность и почти эсхилова трагедийность. Ведь А. Ах-

матова, вероятно, на 75% или 90% *ради него* (чтоб смягчить гнев властей против него) покадила тиранам и наивно погордилась, что не убежала, куда глаза глядят. Он должен был бы это учесть... Страдание не должно ожесточать; оно должно смягчать сердца... Все эти «паровозы» стихотворные без коих не могут идти в печать «вагоны» стихов, это же все обычное, рутинное дело в Советском Союзе.

Может быть А. Ахматова и могла бы лично обойтись без этого; но, если даже и погрешила тут не дотерпев до сроков (Марина Цветаева более остро недотерпела в те дни!), то — кто может бросить в нее камень? Она от Христа Господа по малодушию не отреклась (как это сделал даже апостол Петр), а лишь пошла за российской своей телегой, среди грязи волочившейся по раскисшему большаку... «Мученики» могут быть, психологически, жестоки, вследствие «чистоты» своей. Но гордость и немилосердие к людям, «не таким, как они сильным и несгибаемым», может погубить нравственно всю честь и славу подлинного мученичества.

К картине фотографической, написанной в Траунштейне художницей Нонной Белавиной

1 августа, 1965.
Санта Барбара

Они сидели у стола
Покорны и просты.
А перед ними жизнь легла,
И к ней вели Мосты.

И по открывшимся Мостам,
Откликнувшись на зов,
Они, казалось, шли к цветам
От всех своих цветов.

НА КНИГУ «РАЗРОЗНЕННАЯ ТАЙНА»

Пчела *разрозненную тайну*
Сквозь парк светлеющий несет.
И кажется необычайным
Ее танцующий полет.

Свои невиданные знаки
Она по воздуху чертит.
Их может рассмотреть не всякий,
А только тот мудрец-пиит,

Что облегченный каждым годом
И всем дыханием своим,
Идет сквозь этот парк за медом
И за восходом золотым.

С.

23 авг./5 сент. 1965.
Сан Франциско

15 сент. 1965 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил Вашу стихотворную рецензию на мою «Разрозненную тайну», особенно ценную именно этим своим оформлением — спасибо!

Что касается до стихотворения, обращенного к жене поэта, то это никак не повторение уже присланного Вами этой весной, а некий расширенный его вариант, обогащенный, начиная со слов «В поэзии мы все живем так близко», чудесной концовкой. Жена благодарит за этот поэтический подарок и шлет Вам самый сердечный привет.

Должен с прискорбием сообщить Вам, Владыка, что влиятельным критиком Ю. Терапиано, подвизающимся в парижской «Русской Мысли», мне запрещено писать об ан-

гелах! Уже в рецензии о № 10 «Мостов», где было опубликовано мое стихотворение (впоследствии по Вашему совету несколько видоизмененное) «Мы ангелам не молимся совсем» — сей Терапиано писал: «уж какие теперь ангелы!». В рецензии же о моей новой книге он возражает против «обилия (в ней) ангелов» (хотя их там, кстати, совсем мало! Д.К.), «приходящих на помощь». «Без ангелов — добавляет он — поэтам обойтись невозможно!» Как же быть, Владыка? Вообще, за «метафизическую часть» (как он выразился) моей книги получил я от него порицание и осуждение. «Перед загадкой бытия (пишет Т.), оставаясь честным, каждый человек должен сказать лишь одно: не знаю. Перечитывая «Разрозненную тайну» Кленовского, я, между тем, как раз это самое «не знаю»» всюду и нахожу:

Ужель я землю посетил,
Чтоб уходя сказать: *не знаю?*

Это лучшее, что мне дано:
Благодатное мое *незнанье.*

Но в смутном их нагромождении
Мне *ничего не разлечить.*

Таким и в могилу лег:
К нездешнему *неготовым.*

Будем же, покамест без ответа,
Ничего не зная наперед.

и т. д и т. д.

Вот так и остаешься: с несправедливым обвинением, намаранным поперек книги! Ведь на критиков управы нет!

Кстати: прочел в немецком календаре (католическом, вероятно), что второго октября по новому стилю праздается «Schutzengelfest»? Есть ли такой праздник в православной церкви?

Очень порадовало меня с женой сообщение Ваше, что со здоровьем у Вас теперь, как Вы выразились, «совсем хорошо». В час добрый! Все же советуем на первое время соблюдать еще некоторую осторожность как с едой, так и в движениях, дабы укрепить достигнутое.

Получаю много откликов, и притом самых хороших, на мою книгу ото всех, кому я послал ее в разные многочисленные страны российского рассеяния. Имею сведения, что кое с кем книга моя отправилась и на родину — это радует меня особенно.

Душевно Ваш

Д. Кленовский

15.X.1965 С. Фр

В этом конверте шлю некоторые стихи русских собратьев, которым гораздо труднее чем нам с вами проявить в поэзии звучание горних миров. Кстати об этом звучании. Не огорчайтесь колкостям Терапиано. Он прав «абстрактно и вообще», но не для всех поэтических случаев. В отношении Вас *он безусловно не прав,* т. к. говоря об ангельском мире эксплиситно, Вы *никакого нецеломудрия, ни духовного, ни поэтического,* не допускаете... И можете быть спокойны. И — продолжайте, если благословят св. Ангелы открывать их чудные следы и «печати», и веяния в мире дольнем... Бог в помощь! — как говорили у нас жнецам.

Надеюсь Вам послать одну ценнейшую книгу — подлинный документ первохристианства «Пастырь» св. Ермы, римлянина (эту книгу в церквах древности читали как у нас сейчас Апостола во время Литургии). Там много и эксплиситно сказано о реальном мире невидимом. Это — материал бесконечно более доброкачественный духовно, чем писания эзотерической мистики. Сейчас я читаю проповеди и рассуждения Мейстера Экехарта в переводе хорошем Сабашниковой.

А.И.

11 ноября, 1965.

Получил Ваше письмо в сопровождении стихов советских поэтов. Спасибо чте прислали, любопытно было прочесть. Сделаны некоторые из них весьма не плохо, талантливо, но то и дело (у Мартынова, Винокурова) чем то грубо испорчены; а мысль, обычно, примитивна и вертится, хоть и бойко, а то и занятно, но всегда вокруг да около разных элементарных житейских дел и тем, которых подлинная поэзия давно уже переросла. Это именно *«советская поэзия»*, для перевода совершенно непригодная. Вся она — возвращенье ощупью к тем подлинным человеческим чувствам и мыслям, которые «там» в течение десятилетий были под запретом, а то и в забвении. Сему можно, конечно, только радоваться, но в эмигрантской прессе эта радость ведет нередко к преувеличенно-восторженной оценке художественных достоинств такой поэзии и в этом некая порочность такой оценки. Достаточно советскому поэту бездомную собачку пожалеть или о деревенской церковке невзначай упомянуть — и эмигрантские критики уже в восторге. В здешних газетах и журналах советских поэтов расхваливают без всякого чувства меры, а поэтов-эмигрантов замалчивают.* Сколько хлама напечатано было и в «Новом Журнале» и в «Гранях» только потому, что он «оттуда».

Большую радость принесли нам обоим Ваши «тихие восьмистишия» из № 80 Н. Журн.». Вот уж поистине «мал» золотник, да дорог! И «тихие» они, а как звучат! Вот ведь очень хороши и елагинские стихи в том же №, но весь их блеск и шум меркнет и глохнет перед Вашей тишиной!

Вы интересуетесь Маргаритой Васильевной Сабашниковой. Я с ней был 15 лет в переписке, она у нас бывала, но год тому назад я, вдруг, потерял ее след, писал и не получал ответа. Буквально на днях ее, наконец, разыскал. Оказалось, что она, сперва испробовав то же в Швейцарии,

---

* Эмиграция русская глубоко права, та, которая выискивает всякую жемчужинку, хоть и не первосортную, в русской литературе, безвкусно называющейся «советской» (тогда литературу и поэзию других народов надо тоже называть по структуре политической их: «парламентской» и т. д.). А эмигрантские поэты свои, и свое стыдно хвалить. Да и оно могло бы быть лучше. А. И.

обосновалась теперь в антропософской богадельне в Штуттгарте... Несмотря на весьма преклонный возраст, пишет еще картины. Она интересуется, не было ли купюр в опубликованном Вами тексте поэмы о Св. Серафиме в Новом Журнале. Вам интересно было бы, вероятно, списаться на этот счет с нею. Вас она ценит чрезвычайно и была бы наверное очень рада встрече с Вами. Вот и приезжайте зимой *к ней и к нам!* Жена очень оптимистически обращается к Вам по этому поводу с таким двустишием (перегнав Вас в краткости поэтических опусов):

Поскольку Вы теперь, Владыка, вроде того, что без печени,
Встречи с Вами должны были бы быть обезпечены!

Был у меня (впервые) гость из Ваших краев: поэт и композитор Владимир Дукельский (Vernon Duke). Оказалось, что я обрел в лице его еще одного большого друга моих стихов и на редкость отзывчивого человека: пришел в ужас от наших внешне приличных, но по сути отвратительных (одна тесная комнатка, отсутствие даже письменного стола для работы и т. д.) квартирных условий и постоянных материальных забот — поражен, как в таких условиях я, вообще, могу писать. Он путешествует с женой на автомобиле по Европе и сейчас в Италии.

Душевно Ваш

Д. Кленовский

8-ое декабря, 1965 г.
Сан Франциско

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Вы пишете о «советской» поэзии именно то, что и я думаю. Это очень точно, что Вы говорите: и талантливые стихи там «то и дело чем то грубо испорчены, а мысль

обычно примитивна и вертится, хоть и бойко и занятно, но всегда вокруг да около разных элементарных житейских дел и тем, которых подлинная поэзия давно переросла». Это Вы тут бьете в самую точку, и если не попадаете «в жилку», то только потому, что «жилки» там даже нет, а есть жйлища, разбухшая словами, где крови — кот наплакал, а воды много... Но будем все же справедливы: для «советской» поэзии заведем (да они уже, я думаю, и заведены, чего Вы немножко не учитываете, критикуя критику зарубежную) — особые теории хорошести и скверности поэтической. Что поделать, — мир вещей, так сказать, специальный, планета особая. Будем справедливы к ней и, как говорили египетские отцы-пустынники, будем «мантией своей покрывать согрешающего». (А мантии поэтам пора завести!). Ведь там они, бедные поэты, скрючены духом идолослужения, идолопоклонения и страха идольского, идущего из Мавзолея. Гриб сталинизма они срезали; но ведь гриб то на Мавзолее вырос, и Мавзолей со множеством грибков, могущих выростать, остался и ему воздается поклонение всенародное... И мы видим, либо тусклые пустяшные стихи, бренчание не на лире, а на балалайках; либо стихи и живые, но с прослойкой. Прослойка иногда идет в стихе — рядом. Это ведь даже у них получило название: «паровоз». И если печатает поэт шесть-семь стихотворных пьес, то один «паровозик» их всех провезет в журнал или протолкнет в газету. Что Вы хотите после этого, — как их критиковать за то, что не спускаются, подобно Данту и Виргилию, или Кленовскому с его ангелом-хранителем, в области глубин человеческих и ангельских. Не могут. И я думаю, что эмиграции надо не мерить эту позицию общей меркой мировой, а мерить применительно к условиям и возникающим в СССР «температурам» социально-духовным. Тут нужен особый прибор, вроде аппарата Гейгера, улавливающего радиацию близости залежей полезных в глубинах земли... Там всё же идет какой то процесс. И большевизм мавзолейный, каменный и демоническо-кукольный, там преодолевается как то в народе, и это проявляется в разных симптомах, — главным образом, может быть, в национальных пока. В этот процесс вовлечена и поэзия. Она что то

протаскивает в жизнь. Евтушенко, например. Национализм и гуманизм, это«можно» прорабатывать и поэтам, и тут подчас, бедняги, очень стараются. Но с тонкостью слишком большой стихотворение не попадает в печать. Его «редакторы» не увидят. А не увидев его суть, заподозрят суть иную и т. д и т. д. Оттого, я думаю, что некая шумиха в эмигрантской печати около иных советских поэтов полезна скорее для тех поэтов. Но печально то, что и в эмиграции искусство яснослышания критического, поэтического, недостаточно распространено. В эмиграции живых поэтов недостаточно ценят. Это установка, вообще, «историческая», как известно. В России же поэзия, какая там она ни на есть, — производит, как луна, приливы и отливы океана, там «волны от нее ходят». А тут вот вышла книга «Разрозненная тайна». Почему же воды набрали в рот критики литературные? Весьма надо бы и не «отметить», а хорошо полновесно сказать о ней, как о явлении в русской литературе. Где же сии статьи? Или «не по Сеньке шапка»? Не думаю, — в Америке и в Европе не мало первоклассных литературоведов. Конечно, заняты, вероятно. Но это же их специальность: отмечать хотя бы то, что, во всяком случае, стоит на линии подлинной русской поэзии, да и на дороге узкой, где так ценна рука дружеская и отклик, могущий хорошо послужить поэзии и людям... Но вот факт: для некоторых (известных, критиков зарубежных) Ваша поэзия как бы закрыта, или они закрыты для нее.* И это совсем не «материалисты»... Странная вещь. Чем Вы бы ее объяснили?

Благодарю за приглашение. Не знаю, в этот раз доеду ли до Германии. Если бы доехал, я думаю шансы увидеться у нас были бы хотя бы в Мюнхене, куда, может быть, Вы смогли бы пожаловать с супругой-поэтессой или — один.**

---

* Я говорил недавно с Глебом Петровичем на эту тему, после своего служения в Берклее, на котором и он был со всей семьей своей. Он сам не принадлежит к этому роду литераторов.

** Дайте, пожалуйста, Ваш № тел. и в каком часу лучше всего в этом Доме звонить.

Детали мы бы обговорили по телефону, или телеграфу. Было бы хорошо побеседовать.

Обнимаю Вас и просто, и празднично. Милость Божия да будет с Вами и женой, и да укрепит Вас обоих во всем!

С любовью Ваш † А. Иоанн.

P.S. Получил второй замечательный стих (гафизовской ясности!) Траунштейно-царскосельской поэтессы Осинкиной, и, надеюсь, вскоре выйдет полное академическое Собрание ее Сочинений, включающее текст всех распроданных и перераспроданных сборников этой кроткой в мире поэзии. Я первый сему изданию подписчик и шлю свою лепту. Если до Рождества Издание не выйдет, — ультиматум: подписка должна быть обращена в нечто *съедобное* для ее супурга — мэтра Кленовского-Осинкина. (Если надо, даже в пилюлю, но не горькую!).

15 декабря, 1965 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил Ваше интереснейшее письмо, в котором Вы откликнулись не только на общие, волнующие нас обоих, поэтические проблемы, но и остановились, так внимательно и тепло, и на моей личной проблеме — на фактическом отсутствии полноценных рецензий о моей последней книге. Спасибо Вам за доброе на этот счет слово! И разрешите вкратце поделиться с Вами теми многими горькими минутами, которые пришлось мне пережить после выхода моей последней книги. Я знаю: сетования мои Вы не сочтете за обиженное самолюбие. Я очень объективно и спокойно, но, повторяю, с горечью оцениваю те факты, о которых будет речь впереди. Вы вот пишете: «Вышла книга «Разрозненная тайна». Почему же набрали воды в рот критики литературные». Вы совершенно справедливо заметили, дорогой Владыка, именно вот это отсутствие *полновесных* отзывов о

моей книге. В Нов. Русск. Слове один Аргус, действительно крепко любящий мои стихи, откликнулся на книгу в своих «Слухах и фактах», откликнулся очень искренне и тепло, но всё же это был *только фельетон*, статьи *серьезной* в газете не появилось и *не появится*. В нью-йоркской «России» очень хорошо, но кратко, откликнулся на книгу Месняев. И это все, что было в американской печати (газетах). Что касается толстых журналов, то казалось бы, должна была бы появиться рецензия в «Новом Журнале», но надежды на нее у меня *нет*. Гуль не откликнулся письмом на присылку ему книги. Журнал его *промолчал о моих двух предыдущих сборниках:* «Прикосновении» и «Уходящих парусах» — я уверен, что промолчит и об этом. Так же поступят и «Грани». «Посев» не дал, хотя и просил, краткого сообщения о выходе моей книги. В «Русской Мысли» была статья Терапиано. Не помню, писал ли я Вам о ней? Написана она в обычной по *отношению именно ко мне* манере: начинается с разных попреков и придирок и лишь под конец упоминается, что есть, мол, и хорошие стихи. И на этот раз Терапиано «зачеркнул» все те мои стихи, в которых трактуется «эзотерическая (как он выразился) тема» и заявил, что «прекрасным поэтом» я становлюсь лишь тогда, когда я «*перестану размышлять*».

Вот полнейший отчет о том, какие отклики на мою книгу появились в печати. Еще более примечательны, однако, те отклики, что пришли на мою книгу в письмах людей, которых я привык считать верными друзьями моей поэзии. Первый из таких откликов — отклик *Г.С.* Он начал с... перечня тех стихов, которые ему «*не понравились*» и упрекнул меня за «прозаизмы», к числу коих отнес, например, строки 4,7и 19 на странице 7, последнюю строку на странице 9 и многие другие. *Никакой общей оценки книги он не дал;* лишь в заключение, как бы нехотя, отметил и несколько понравившихся ему стихотворений. Второй пример — *Л.Р.* С ним, как и с *Г.П.С.* я давно знаком лично. Бывая у нас, он всегда просил меня прочесть стихи, приходил в восторг, вскакивал, бегал по комнате, кидался меня обнимать (мне аж неловко было) и т. п. Как, думаете Вы, откликнулся он на мою книгу? *Четырьмя* словами на

открытке: «*получил Вашу прелестную книгу*» — это всё. «Прелестную»! Словечко то какое! Прелестная шляпка, прелестный ребенок — куда бы ни шло. Но «прелестная» книга? Разве это отклик на серьезные как ни как стихи? Третий пример: эстонский поэт и профессор *Р.* Он первый лет пять тому назад написал мне, в каком он восторге от моих стихов, обращался ко мне с тех пор в письмах не иначе как «высокочтимый мастер» (мне опять таки аж неловко было). И вот его отклик на новую книгу: пять стихотворений очень, мол, хороши, и вслед за этим: «*Да* — и это *всё!*» (подчеркнуто им); а затем совет: *не пишите больше о смерти.*

Всем троим я ответил. Очень спокойно, очень вежливо, но не удержался, чтобы не ответить. *Р.* написал, что я вовсе не пишу о смерти, а пишу о *преодолении* смерти, а значит пишу о *жизни.* Добавил, что одновременно с его письмом я получил письмо от совершенно неизвестного мне читателя, в котором тот писал, что, по прочтении моих стихов, ему «стало *легче Жить*». Именно жить, а не умереть!! *Л.Р.* написал, что эпитет «прелестные» для стихов не подходит, что даже повару было бы неприятно, если бы его жаркое назвали «прелестным». *Г.П.* написал, что то, что он принял за «прозаизмы», в сущности лишь *простота речи,* к которой я стремлюсь и которую как раз многие во мне ценят (один прекрасный поэт писал мне, что разговорная речь в моих стихах «всегда подымается до поэзии»). К чему привела моя откровенность? Ни *Л.Р.*, ни *Р.* ничего мне не ответили и, думается мне, считают себя обиженными, и прекратили вообще переписку со мной. *Г.П.* ответил: «Вы неверно (?) меня поняли» — и это все, в чем именно неверно — не объяснил.*

Я получил, конечно, и превосходные отклики. Очень умно и чутко откликнулись на мою новую книгу из тех, чьи имена Вам известны, — Моршен, Алексеева, Чиннов и др. — но именно поэты, а не критики. Пришли совсем за-

---

* В своей комнатке почти замкнутый, поэт воспринимал явления очень остро. В данном случае, те, кем он был огорчен (о чем говорит в порядке душевной откровенности) являются искренними ценителями его поэзии. А. И.

мечательные письма от незнакомцев, случайно купивших и прочитавших мою книгу — они доставили мне особенно большую радость. Но большой осадок горечи от всего того, что я перечислил выше — в душе остался. Больно было потерять друзей моей поэзии, в которых я привык верить. Каких нибудь новых «высот» я в Разрозненной Тайне, конечно, не достиг, но мне представляется (и это многие отметили), что она на уровне моих предыдущих книг; и уж во всяком случае, таких вопиющих срывов, которые заставили бы отвернуться от меня моих друзей, в ней нет.

Вы произнесли, вероятно, очень справедливые слова; «для некоторых критиков Ваша поэзия как бы закрыта, или они закрыты для нее. Не «по Сеньке шапка». Эту же мысль выразил в письме ко мне Ульянов (большой друг моей поэзии): «сейчас нет критиков, которые могли бы написать о Вас!» (тут, впрочем, напрашивается вопрос: а почему бы не написать *ему самому?*). Единственное мое *утешение:* представить себе, что это именно так...

И вот, напоследок, еще один характерный эпизод. Как Вам известно, *К.* затеял «антологию» современной эмигрантской поэзии и... кликнул, при этом, в специальном обращении клич ко всем, всем, всем поэтам: шлите, мол, стихи! Кроме того, его служащая, г-жа Ф. которой Камкин поручил осуществление своей идеи, разослала и именные приглашения. Обязательное условие участия в антологии: стихи не должны быть уже напечатаны в сборниках автора. Знаю, что Вы тоже получили такое приглашение и дали стихи. Получил его и я, но должен был отказаться от участия, поскольку только что вышел мой новый сборник, и новых стихов после этого я не написал. Отвечая Ф. я выразил удивление, что к участию в «антологии» (под коей вообще то ведь подразумевается «букет» *лучших* стихов *лучших* поэтов) призываются «все, все, все», и советовал составить ее по более строгому принципу. Опасения мои, как я увидел позже, оправдались, ибо, по словам той же Ф., поступили стихи от более, чем сорока (!!) авторов — воображаю, чего-чего только и кто-только ни написал! Более чем сомневаюсь в том, что антология получится ценной и заслуживающей своего названия, хотя

бы уже потому, что целый ряд хороших поэтов не может быть в ней представлен по той же самой причине, что и я. *Сорока* (!!) поэтов, чьи стихи были бы достойны опубликования — я в эмиграции не знаю, а следовательно, рядом с хорошими поэтами окажутся поэты бездарные. Ф. на мои, совершенно безкорыстные, советы кровно обиделась и вот результат: камкинский магазин *вернул мне все те экземпляры моих книг, которые он сам же мне весной заказал для продажи!* Так был я «наказан» за советы, которыми я искренне хотел помочь делу, т. к. антология под очень обязывающим названием: «Современная поэзия русского Зарубежья» только скомпрометирует эту поэзию, если в нее включают всяких бездарностей.

Простите, дорогой Владыка, что я занял Ваше время таким подробным повествованием! Но, захотелось отвести душу*... С Вами первым поделился я всеми моими переживаниями и поделился потому, что Вы первый, очень сердечно и тепло, коснулись вопроса об откликах на мою книгу. Я знаю, что у моей поэзии не мало друзей, но игнорирование ее печатью я не могу не считать несправедливым. Я вижу, как доброжелательно Терапиано и иже с ними пишут порой о поэтах весьма и весьма слабых. Радуюсь за них, когда критика их не обижает, а поддерживает. Но не считаю себя заслуживающим худшей участи, а тем более того, чтобы, одну за другой, замалчивали мои книги, как это например получилось в Новом Журнале. И не могу себе представить, чтобы моя поэзия была «закрыта», как Вы выразились, для *всех* критиков! Неужели нет хоть одного, кому она «открыта»? И этот один не может открыть рта и высказаться?

Вы очень порадовали мою жену своими строками о поэтессе Осинкиной! Оба мы хорошо посмеялись и с большой любовью подумали о Вас, о Вашей чудесной способ-

---

* Так и понял я, читая эти горькие строки. Правда в том, что ни от кого нельзя *требовать любви,* или понимания хотя бы. Или есть она любовь и понимание человека и поэзии, или нет этого. Требование любви это — слабость любви. Но и требующие любви, достойны ее Они верно чувствуют что в любви всё. Поэт в Траунштейне мог себе позволить проявлять иногда и слабость своей любви. А в его поэзии она была столь явной и утешающей. А. И.

ности радовать людей вот такими милыми вещами! Ну конечно: Осинкина! Не Березкина, не Липкина, а именно Осинкина! Потому что жена моя, как осинка, дрожит за меня и с трепетом душевным переживает мои радости и печали! И сейчас это так в отношении всего мною Вам сказанного. Она, кстати, лишь на днях отдышалась от сильного сердечного припадка, сопровождавшегося в течение трех недель мучительными болями в груди и левой руке и такой слабостью, что говорить не могла, только шептала, да и то с трудом. Она шлет Вам свой самый сердечный привет и не менее меня тронута тем, с какой сердечностью высказались Вы по поводу рецензий о моей книге. От нас обоих, дорогой Владыка, сердечное спасибо Вам за рождественский Ваш подарок — очень ценим Вашу о нас заботу!

Будем счастливы, если Бог пошлет нам радость встречи с Вами! Так долго были мы ее лишены! Телефон наш: Traunstein, 17—11, наилучшее время для вызова от 12 до 13 часов, вызывать *Крачковского*. Но как хорошо было бы, дорогой Владыка, если бы *Вы приехали к нам!* Это было бы гораздо уютнее, чем в Мюнхене, никто бы не помешал, что там всегда угрожает!

«Наука и Религия» совсем не плохо поступила, дав фоторепортаж «Цвет черный». На пуд гнилой клеветы и гнусных измышлений, он содержит несколько золотников Вашей светлой истины — я имею в виду Ваши, приведенные в начале этого фоторепортажа, слова. И, может быть, именно они, а не вся прочая, давно всем опостылевшая, антирелигиозная жвачка западет в душу читателя!

Заканчивая письмо, хочу, дорогой Владыка, еще раз крепко поблагодарить Вас за Ваше попечение о судьбе моей поэзии! Ваше искреннее, взволнованное участие порадовало и меня и мою, трепещущую во всех таких вопросах в унисон со мной, осинку!

Просим оба Ваших самых теплых о нас молитв.

С большой любовью Ваш Д. Кленовский

ПОСЛАНИЕ КРОТКОМУ ПОЭТУ,
удивленному и несколько угнетенному молчанием критиков

Знать, увы, не всякий может,
Что поэты тонкокожи,
Что поэт — живой огонь
И его, смотри, не тронь,
Не поправь, хоть ненароком.
В недоверии глубоком
Он пребудет, если ты
Песню той же высоты
Не споешь ему стихами,
Или нежными словами
Прозаическую тишь
В сердце чутком не пронзишь.
Сердце чистого поэта
Тихой музыкой одето,
Горний в нем живет глагол,
Но для слов земных он — гол.
Беззащитностью средь мира
Дышет ангельская лира:
Ведь страдания полна
В мире даже тишина.
Человеческое слово
Встретить не всегда готово
Поступь ангельских шагов,
Тихих слов и вещих снов.
Остается без основы
Человеческое слово,
Если сквозь его гранит
Ласточка не пролетит...
Разумей — потусторонний
Дух, рожденный в вышнем лоне.

С.

2 янв. 1966, С. Фр.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

На часть письма Вашего мне было легче ответить рифмами... Как утке неудобно ходить по земле прозаической, а по воде поэтической она с удовольствием плавает и даже ныряет головой вниз, так и стихия рифмовая может во мне лучше передать те оттенки чувств и мыслей, коих не достигает простой слог эпистолярный.

Это хорошо, что Вы со мной поделились тем, что у Вас накопилось на сердце. Пусть так оно и выйдет, как ненужный пар только давящий на стенки сосуда, но никуда не двигающий. Вы сделаете немалый поэтический и этический грех, если не напишете и не пошлете в Сборник зарубежных поэтов, издаваемый Т. П. Фесенко — Камкиным, свои стихи. Я считаю что Вам тоже там место, и Вы зря испугались каких то мифических «сорока поэтов», и т. д. Посылаю Вам (конфиденциально, дружески) копию письма Фесенко, из которого Вы м. б. узнаете некот. подробности дела. Сборник несомненно просочится в СССР, и я надеюсь, зарубежные поэты дадут материал добротный. Но не будем залезать в чужой огород, а постараемся из своего вытащить репку послаще и огурчик посвежее.

Привет. Обнимаю Вас.

«Христос рождается, Славите!»

Ваш А. Иоанн

7 января, 1966 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил Ваше письмо, порадовавшее проникновенными, как всегда стихами Вашими. Некоторые мысли и образы оттуда так хорошо было бы изъять из моего личного

пользования, включив их в какое нибудь из подлежащих опубликованию творений Ваших! Ну, хотя бы:

Ведь страдания полна
В мире даже тишина.

или же 9 строк, с совершенно замечательными двумя:

Если сквозь его гранит
Ласточка не пролетит.

Ваше предупреждение, что я совершу «немалый поэтический и этический грех», не дав стихов для Сборника,* решительно, дорогой Владыка, отклоняю! Мое неучастие в этом начинании вызвано не поэтической гордыней, а тем, что в сборник принимают только *не* опубликованные в авторских сборниках стихи, а я, после выхода в свет моей «Разрозненной Тайны» *не написал ни одного нового стихотворения! Что же я должен дать?* Я ответил Татьяне Павловне, что, если к назначенному ею предельному сроку новые стихи появятся — я их *дам,* но оговорил, что сделаю это только в том случае, *если буду считать их достойными «представителями» моей поэзии.* Вы, Владыка, как поэт, знаете, что есть стихи, коими автор менее и такие, коими он более удовлетворен. Вот только этими последними я был бы согласен фигурировать в сборнике. Но таких стихов сейчас у меня нет и не известно, будут ли...

БАЛЛАДА ОБ ОСИНКЕ

Кленовским.

Видя лета серединку,
Закручинилась осинка:
Ах, куда бы мне бежать,
Чтоб листом своим дрожать?
Скоро ветер неприятный
Будет осень гнать обратно,

---

* Имеется в виду «Содружество», сборник Зарубежных поэтов, издания В Камкина в Вашингтоне, под редакцией поэта и лит. критика Т. П Фесенко.

И дрожащий мой листок
Ляжет где то под кусток.
Как я буду одинока
И поблекнет высота
Без дрожащего высоко
Ненаглядного листа!
И, согнув осинка спинку,
Залилась слезой-ручьем...
Тут, склонившись над осинкой
Клен сказал: давай вдвоем
Холод зла переживем.
Я корнями и ветвями
Так твой стволик подопру,
Что не будет между нами
Расстояний на ветру!
И ведя стволом скрипучим
Эту ласковую речь,
Он коснулся, клен могучий,
Той осинки робких плеч.
Загорелись в мире зори,
Засветился океан,
И у синего, у моря
Улыбнулся Иоанн.

1966 г.

26 апреля, 1966 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Сердечное спасибо от нас обоих за пасхальный подарок, который поделили, согласно Вашему желанию: пуд творога Осинкиной и одно яичко — Кленовскому.

С огромным наслаждением прочли и перечли мы (неоднократно) два Ваших стихотворения. У меня такое впечатление, Владыка, что Вы пишете все лучше и лучше! Это не значит, что Вы, как «Странник», когда либо писали хуже, чем сейчас, но сегодняшние Ваши стихи отливают все

бо̀льшим и бо̀льшим совершенством. В них наростает все более убедительная внутренняя сила. Замечательно, сколь много умеете Вы уместить в краткость восьмистишие! И как просто (что мне особенно по душе) умеете Вы говорить о самом сложном, делая его тем доступным читателю. Я сам всегда стремился и стремлюсь к этому, но такой убедительной краткости и простоты не достиг.

P.S. Две книжечки советск. поэтов посылаю, как просите, обратно (простой почтой).

Я получил из Нью-Йорка на днях телеграмму с поздравлением с тем «большим успехом», с коим прошел вечер, песвященный моей поэзии, устроенный Пушкинским Обществом. Это подтверждают и поступающие письма. Вечер собрал много публики, больше чем ахматовский вечер, так что даже приставляли стулья; и, хотя он затянулся, публика не расходилась, встречая аплодисментами каждое мое стихотворение, прочитанное поэтессой Нонной Белавиной. Она же поделилась впечатлениями от встреч со мной, очень заинтересовавшими аудиторию. Повидимому, вечер действительно прошел с большим подъемом и всем очень понравился. Были исполнены и романсы на мои слова.

Осинкина очень довольна добавлением к своей фамилии (Листочкина) и шлет Вам свой самый сердечный привет!

17 июня, 1966 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка,

Получил, конечно, письмо Ваше, а затем посыпались на меня в письмах американских друзей и знакомых вырезки из Н.Р.С. с Вашей статьей обо мне, статьей, по единогласному мнению, «прекрасной». Для меня она, конечно, вдвойне и втройне прекрасна, так как в ней отражено не только мнение и суждение о моей поэзии, но Ваше, полное любви отношение к ней. Исключительно чутко, мудро и бережно показали Вы в своей статье людям ее сущность. И подчерк-

нули это своим высоким духовным саном, ибо все знают, кто такой «Странник». Когда Вы сообщили мне, что Гуль попросил у Вас отзыва о моей книге, я ни на мгновение не подумал о том, что такое может осуществиться. Я полагал, что Вы, естественно, уклонитесь от такого предложения, ибо, по укоренившимся понятиям, не может высокий князь Церкви выступать в печати с рецензиями. Я, видимо, недооценил тогда Вашу смелость, Вашу независимость, перед коим сейчас глубоко преклоняюсь. Думаю, дорогой Владыка, что именно Вы и оказались тем единственным литературным критиком, который мог и *сумел* раскрыть подлинную сущность моей поэзии — всем остальным это было просто не по зубам. Нужно ли мне говорить, какой радостью был для меня (и, естественно и для Осинкиной-Листочкиной) Ваш обо мне отзыв?! Вы правы, что дали его не в «Новый Журнал», попадающий в руки лишь немногих, а в «Новое Русское Слово» — совершенно с Вами согласен! Особенно, поскольку отзыв пошел в таком распространенном печатном органе, как «Н.Р.С.», я отзывом Вашим, дорогой Владыка, не только глубоко обрадован, но и *окончательно утешен во всех огорчениях моих* — в этом великое действие статьи Вашей: *не возгордился ею, а утешился...*

Д. Кленовский

КЛЕНОВСКОМУ

при посылке своей статьи о его поэзии

Не о ямбах и хореях,
Строки строгие лия,
Но о высших эмпиреях
Говорит статья сия.

Пусть плывут по миру строки,
Мыслей чистых угольки,
Чувств возвышенные токи,
Знаки ангельской руки.

18/VI, 1966 г.
С.Ф.

5 июля, 1966 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Ваша статья обрадовала меня дважды: ведь после «Нов. Рус.Слова».* она появилась еще 23 июня и в «Русской Мысли»! Думаю, что это Вы послали ее мудро в два адреса, не Терапиано же ее, в порыве любви ко мне, перепечатал! Очень это хорошо, что статья появилась и в «Р.М.». — хоть раз так было хорошо обо мне сказано! Сразу же после появления статьи, поступили ко мне заказы на сборник из Парижа и Швейцарии.

Спасибо за восьмистишие, присланное Вами вместе со статьей! Действительно: о «высших эмпиреях» Ваша статья! Именно это в ней многие и оценили; и как раз этим приблизила она к оценившим и уразумевшим ее мои стихи — вижу это из поступивших писем, притом от людей, до сих пор мне не известных. Так что, статья Ваша во многом, очень во многом, пришла на помощь моим стихам!

Представьте себе: 12 экземпляров моей книги поехали в Москву, в багаже лучших балетных солисток и режиссера Большого Театра. У меня есть в Н.Й. друг, имеющий возможность, по образу работы сына (театральный фотограф), встречаться, притом у себя на дому, с лучшими европейскими театральными гастролерами, в том числе и советскими. Чрезвычайно любя мои стихи, он задался целью заинтересовывать их ими; и, если это удается, дарить им мои сборники, которыми я его для этого специально снабжаю. На этот раз стихи мои имели такой успех, что весь запас в двенадцать книжек моментально расхватали. Таким путем уехали мои книги со Святославом Рихтером и др. Очень меня это всегда радует.

Посвященное мне 1 мая в Н.И. собрание Пушкинского Общества было записано на пленку, и на днях мы с женой с удовольствием ее прослушали (это заняло около двух часов). Мы остались оба чрезвычайно довольны тем, как

* 12/VI, 1966 г. «Новое Русское Слово», Нью Йорк.

поэтесса Нонна Белавина читала мои стихи и как она (живо, тепло, сердечно) рассказала о встречах со мной.

Мне пишут, что вокруг камкинского сборника стихов,* еще до выхода его в свет, разыгралась целая буря. Во-первых, едва в газетах появилось объявление о сборнике с перечнем 75 (!!!) участников, как на Ф. посыпались письма: от недовольных тем, что их не пригласили, и от недовольных тем, что они попали в такое смешанное общество. Приплели к этому еще и политику. Из Н.Й. мне писали: «Камкина здесь обвиняют в работе на большевиков, а все его издания рассматривают, как попытку постепенно приручить пишущую братию. Поэтому, очень многие (!!! Д.К.) с удовлетворением отмечают отсутствие Вашего (т. е. моего) имени в этом сборнике». А вот из другого письма: «Мне прислали вырезки из «Русской Жизни» и аргентинской газеты «Наша страна», где всех писателей, принявших участие в сборнике, клеймят последними словами, а Вас (т. е. меня Д.К.) выделяют, как пример поэта, не пошедшего на компромисс со своей совестью. Целая страница посвящена этому «поношению нас всех поименно». Вот, неожиданно оказался я политическим героем!! Я поспешил разочаровать моих корреспондентов, что не участвовал я в сборнике вовсе не по политическим причинам, так как о «работе» Камкина «на большевиков» ничего не знаю, а по чисто литературным.

Был у нас вторично, на этот раз застав меня дома, милейший Vogl. Одарил нас всякими вкусными с.х. изделиями собственного производства. Ужасно он славный и с большой любовью говорит о Вас. У нас в Heim'е несколько полегчало, а потому мы с ним договорились, что пока-что ничего серьезного он предпринимать не будет. Может по маленьку и по хорошему удастся нам добиться своего. Осинкина шлет от всего сердца привет. Часто вспоминаем, как хорошо помолились Вы за нас в нашей комнате перед прощаньем!

Душевно Ваш Д. Кленовский

---

* «Содружество».

8 августа, 1966 г.

Дорогой Дмитрий Иосифович! Грустно мне слышать про страдания Маргариты Денисовны Осинкиной и про Ваши — двойные — и свои и не свои... Что делать, — надо уж пройти чрез них. Все мы, в формах разных и многообразных — к сему причисляемся и сие испиваем. Раньше, в молодости, мы не понимали подлинного смысла того, к чему себя и другого приглашали, крича: «пей до дна»! А теперь этот смысл вырисовывается... Господь да укрепит Вас обоих. А одиночество временное тоже в плане жизни человека.

То, что Ваше поэтическое имя осталось в стороне от *шума поднятого в связи с Камкиным и поэтами,* это ничего к Вам существенного не прибавляет и ничего не убавляет от Вас. А весь этот шум — *«возня на кухне эмигрантской»*. Вместо драки, махать руками самое разлюбезное дело, для всяких душ, взыскующих легких, близких геройств антибольшевистских. *Антибольшевизмом* настоящим я считаю более серьезные вещи. 1) Ясно, что *антибольшевизм есть двух родов. Один движется пафосом,* если можно так сказать, *бытового и психологического остракизма,* в отношении книг советских, людей, встреч. Можно уважать и эту форму, если она не начинает себя горделиво считать единственной. Это *форма «железного занавеса — наоборот»*. Она сильно укрепила большевизм, в эпоху Вильсона...*

2) *Другую форму* надо считать (как мне кажется) *более эффективной;* это форма — *наступления свободного духа и культуры, форма прямых контактов с душами там,* в плену сущими *ободрение их, сочувствие в отношении их, дух силы, правды, а не боязни.* Здесь, конечно, могут быть разные оттенки и можно в частностях иметь разные мнения о формах и границах сего «прямого действия«. Но смысл его ясен, хотя бы потому, что сотворяли в России старой такие издания как «Колокол» Герцена (да и вообще, зарубежные издания русские). Некоторые же эмигрантские няньки столь же ревностны, как и советские, сопро-

* И большевики ее поддерживают — со своей стороны

вождающие заграницу туристов из СССР. Это естественно, так как *мир наполнен* не только разными идеями, вступающими в конфликт между собой, но и *духами разными,* иногда весьма родственными, хотя и находящимися в мире противуположных идей.

Я считаю, что сейчас особенно разумное открытие дыр в Железном Занавесе безусловно опаснее для большевизма, чем для Западного мира. Это ясно показывает и Берлинская Стена, и то, как боятся власти СССР религиозной и, вообще, всякой «идеалистической» литературы, западного искусства, мысли, периодических изданий. А Запад совершенно не боится советских изданий, и ничего нет плохого в том, что Камкин ввозит все образцы антирелигиозного хлама, наряду с другим хламом макулатурным в США. Когда я одному московскому пастырю (года три тому назад, на конференции) сказал, что в Америке можно купить все антирелигизоные издания СССР, он изумился глупости не тех, кто ввозит эти издания, а тех, кто их вывозит из СССР. Так что возмущение фактом легального ввоза этих глупейших книг партийных — более смахивает на «ханжество» и узкую мерку вещей. Я не говорю уже о том, что благодаря таким торговцам как Камкин, можно иметь полное осведомление о печати и книжном рынке, которым питается русский народ.

Но довольно о сем, не столь уж интересном предмете. А Г. *в письме от 29-го июля сего,* так написал мне: «Дорогой Владыка! Вы меня опечалили. Я просил Вас дать отзыв о книге Кленовского для Н.Ж., а Вы дали его в газеты. Почему? Отзыв прекрасный. И Кленовский был бы, вероятно, очень доволен. Я просил нескольких человек — не хотят: он, говорят, очень обидчивый. У самого у меня не доходят руки, да к тому же, Кл. не «мой» поэт, и мне было бы трудно о нем написать. Вот поэтому и продолжается: молчание журнала и обида поэта. А людей, говорят, обижать не следует. Да — с!» Видите, он старается быть объективным. А «о вкусах» — что спорить...

15 августа, 1966.

Дорогой и глубокочтимый Владыка,

Очень интересно, более того: очень важно для меня было прочесть приведенные Вами выдержки из письма Г. Я оценил, что он, не считая меня «своим» поэтом (на что я никак не претендую, хотя, к Вашему сведению, он не так уж очень давно в письмах ко мне, восхищался моими стихами — вот эта переменчивость в литературн. симпатиях мне совершенно чужда и непонятна!), так вот: я оценил, что..., не любя мои стихи, старается найти «рецензента» на мою книгу и притом такого, который меня не обидел бы. Из слов его я вижу при этом, что в эмиграции очень и очень мало, повидимому, литературных критиков, положительно относящихся к моей поэзии. Ведь если те, кому ... предлагал написать обо мне, отказались от этого по той причине, что я «обидчив», то естественный отсюда вывод, что все они *собирались написать недоброжелательно*, ибо, напиши они доброжелательно — мне и обижаться не понадобилось бы! Разве на положительные отзывы авторы обижаются!?*

Что касается мифа о моей обидчивости, то он пущен, несомненно, теми двумя-тремя литературными критиками, с которыми я долгое время был в личной, очень сердечной переписке и которым я, в силу именно этого, счел возможным откровенно ответить на ту критику, которой они подвергли «Разрозненную тайну» *в личных* письмах ко мне. Мне представляется, что возражать на суждения, высказанные *в личных письмах* (не в статьях) моими друзьями, и возражать в самой вежливой форме — не предосудительно. Но, оказалось, что люди, считающие себя литературными критиками, мнят себя непогрешимыми, а главное — непререкаемыми, и всякое возражение, даже в дружеском личном письме, почитают за оскорбление своего критического достоинства.** Но неужели автор, вот в такой даже личной

---

* К. все же не учитывает, что могут быть *доброжелательные*, но *неприятные* для автора отзывы. И *огорчение* не синоним *обиды*. А.И.

** Это бывает и с критиками, как (тоже) авторами. А.И.

дружеской переписке, не имеет права* голоса? Тем более, если острие критики направлено против его *ТЕМЫ*, не осуществления этой темы, а именно против его *темы*, как *таковой*! Я лично защищал всегда только мою *тему*. Если знакомый критик безапелляционно заявляет в личном письме, что я должен «перестать писать о смерти» — неужели я не в праве отказаться от его требования, добавив, что пишу я, если вглядеться, не о смерти, а о жизни, что вот, мол, на днях один незнакомец поблагодарил меня в письме, что я «помогаю ему *жить*»? Если, иронизируя над моими стихами об ангелах, меня поучают: «кто сейчас пишет об ангелах!» — разве я не в праве возразить? Вспомните, Владыка, как благодарно и охотно принял я и осуществил Ваш совет изменить две строки в стихотворении «Мы ангелам не молимся совсем»? Разве обидчивый гордец, каким меня выставляют, поступил бы так?

Конечно, от этого мифа о моей «обидчивости» оправдаться просто невозможно — не вижу к этому путей...

Торговля антирелигиозной литературой в эмиграции, может быть, для последней *в целом* и не опасна, но, как поступок, все же нечистоплотна; а если, с помощью какой нибудь бойкой демьяновской басни будет уловлена в сети безбожия *хоть одна* человеческая душа, — торговля этими баснями станет уже и пагубной. К чему она ведется? Как ни крути, а из каких то низких материальных расчетов и выгод! Советской литературой торгуют в эмиграции многие книжные магазины, но никто не делает этого так ретиво, как Камкин; и никто не орудует, при этом, таким откровенным ассортиментом. Газеты пишут, что К. отмечает специальными книжными выставками советские праздники и юбилеи, устраивает приемы для высоких советских гостей и т. п. Все это уже переходит нормальные границы. Мне достоверно известно, что не только монархические газетки, но и многие сотрудники Н.Р.Слова относятся к Камкину отрицательно и порицают участников «Содружества», хотя последние, конечно, ровно ни в чем не виноваты.

---

* Дело тут не в праве голоса, а в самом творчестве автора. Оно само по себе имеет власть побеждать и осуждение и недооценку. А.И.

Очень порадовало нас известие о выходе нового сборника стихов Странника, странника по человеческим городам, весям и душам! Не все ли это сплошь восьмистишия, то узкое игольное ушко, через которое Вы так чудесно продеваете свои широкие мысли и образы? С радостью ожидаем это новое создание мудрого гения Вашего!

Вспоминайте нас, дорогой Владыка! В молитвах Ваших нуждаемся все более и более, так как оба все заметнее слабеем...

Душевно Ваш

Д. Кленовский

23 сентября, 1966 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Вижу, что молебен о поэзии моей, начатый по духовному старшинству Вами, совершается в сослужении сонма духовенства! Вот уже и голос о. Алексея Павло̀вича раздался! А может в запасе еще и о. протодьякон имеется?

Сердечнейшее Вам спасибо за газету со статьей о. Алексея! Очень он порадовал меня своим вдумчивым и умным подходом к моим стихам! Многое очень чутко, и тем радостно для меня, подмечено. Перехвалил, конечно, но по чистоте и пламени душевным. Видимо очень любит стихи вообще. Не Вашего ли поэтического дара и слуха воспитанник? На редкость бережно общается он с поэзией! Хотелось бы послать ему кое-что из прежних моих сборников. Дабы я мог сие сделать, пришлите мне, пожалуйста, дорогой Владыка, его адрес.

Присылкой газеты Вы порадовали меня вдвойне, поскольку открывается она повествованием о церкви моего святого, Дмитрия Солунского, на притоке Северной Двины.

В конце октября обещал посетить нас Глеб Струве. Послал новые стихи Гулю, пишет, что пойдут в декабрьском № 85. Помолитесь, дорогой, покрепче об Осинкиной. Она,

как всегда, храбрится и подбадривает меня; а на душе у нее, знаю, тревожно до крайнсти. Шлем Вам свой самый теплый привет.

Душевно Ваш Д. Кленовский

24 октября, 1966 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Ровно месяц тому назад послал я Вам письмо, в котором просил сообщить адрес о. Алексея Павлòвича, чью статью обо мне Вы прислали мне в № газеты «Русская Жизнь». То ли письмо до Вас не дошло, то ли Вы были в отъезде, то ли забыли о моей просьбе, но адреса я от Вас не получил и обращаюсь к Вам с той же просьбой вторично — надеюсь, за такую назойливость Вы на меня не осерчаете!

Заодно хочу поговорить с Вами вот еще о чем. У меня давно уже появился план издания моих избранных стихов после моей смерти — были и стихи отобраны, и весь макет книги составлен. За последнее время мои литературные друзья (в том числе Глеб Струве) стали уговаривать меня издать «Избранное» еще при жизни, самому за всем проследив, основывая свой совет в частности на том, что жена моя человек больной, безпомощный, и после смерти не управится с такой задачей, а кому ее можно поручить? К этим доводам прибавилось в последнее время то, что я чувствую себя все хуже, со зрением моим всё неблагополучнее, да и у жены зрение, после неудачной операции (я Вам об этом писал) в самом печальном состоянии. Вот и пришел я к выводу, что книгу надо издать *самому* и *теперь же*. Тут, конечно, первым и непреодолимым препятствием встала передо мной финансовая сторона этого дела. Ведь «Избранное» будет не тетрадочкой в 50 страниц, как прежние мои сборники; в нем будет 200 страниц, и стоимость издания поэтому будет в 4 раза выше. Башкирцев составил смету; получилось 4.000 марок (тысяча долларов). Я было и думать обо всем перестал, как вдруг, произошло

настоящее чудо (я Вам, помнится, об этом вкратце писал, но не грех повторить): одна наша знакомая, немка (не знающая ни слова по-русски!), узнав о моих планах и затруднениях, вызвалась оплатить половину стоимости издания! Как мог я отказаться от издания книги, после такого подарка неба!? Конечно, покрывает он лишь половину стоимости издания; и вторую половину (пятьсот долларов) надо еще как то наскрести... Но мне верится, что мой Ангел не оставит меня без своей помощи и все устроится! Словом, я уже отправил Башкирцеву рукопись и первый взнос — треть стоимости издания.

К Вам, дорогой Владыка, обращаюсь я с просьбой: не можете ли Вы материально помочь мне в этом деле, через какую нибудь церковную организацию? Рекомендацией в подобном случае; кроме замолвленного Вами за меня слова, могут послужить статьи обо мне Месняева и о. А. Павло̀вича. Вы, конечно, понимаете, что издание «Избранного» является завершающим звеном всей моей литературной жизни, итогом всей моей литературной работы, а, следовательно, чем то для меня исключительно важным. Эта книга будет тем, что останется еще, может быть, от меня на будущее, и потому я с особенной заботой и тревогой отношусь к осуществлению ее издания. Вы представляете себе поэтому, как безконечно и глубоко признателен буду я за всякую помощь в этом деле! Помогите мне, родной, как сумеете и сможете!

Поручая себя и молитвам и заботам Вашим,

всем сердцем Ваш

Д. Кленовский

11 декабря, 1966 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Заждался я, откровенно говоря, ответной весточки от Вас — не знал, что Вы в отъезде. Писал я Вам дважды (21 сентября и 25 октября) и в обоих письмах упоминал

об издании моего «Избранного» и просил об адресе о. Алексея Павловича, но Вы упоминаете в свом письме не о двух моих письмах, а только об одном — может быть, Вы второго не получили? Адрес о. Алексея я уже раздобыл через Моршена и написал ему.

Моя книга уже полностью набрана и мною прокорректирована. Всё идет гораздо быстрее, чем обещал Башкирцев, и это даже меня... пугает, так как денег для окончательного расчета с ним у меня нехватает; уплатить смог пока только две трети. Придется даже, повидимому, попридержать башкирцевскую прыть, которой, при других обстоятельствах, я был бы очень рад! Всякая денежная поддержка издания для меня поэтому сейчас особенно важна, и я буду очень признателен Вам, дорогой Владыка, если Вы предварительной подпиской на некоторое количество экземпляров придете мне на помощь, рассчитавшись за них уже сейчас...

Вашу «Книгу лирики» получил — спасибо! Надпись на ней хорошая, но имя мое Вы не упомянули, так что не известно, кому Вы ее «с любовью» вручили! Ну, когда заглянете еще, Бог даст, к нам — припишете! Рад был найти в книге все те, давно любимые стихи Ваши, коими Вы уже побаловали меня в рукописи и даже частично в собственном чтении. Новой для меня была «Поэма жертвы», прозвучавшая прекрасным молением. Особенно рад был (и Осинкина тоже) встретиться со стихами на стр.стр. 5, 7, 8 (чудесно!) 11, 12, 15, 16, 20, 23, 32, 39, 40 (прекрасен «Неудаляющийся день»!). Замечательна ясная, прозрачная мудрость Вашей мысли, при такой же ясности и прозрачности стиха!

Душевно Ваш Д. Кленовский

14-ое декабря, 1966.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Надеюсь, и стихотворение «Всевышнему» включено в сборник и будет сиять, как *духовный центр творчества и жизни* Кленовского, который «восславил свободу — *в Боге,* в наш, более, чем «жестокий век».

9-го сего декабря, в Берклейском Университете было чтение стихов поэта Евгения Евтушенко,* а на следующий день он позвонил ко мне и приехал. Мы провели в беседе 4 часа днем, а после — он захотел еще и вечером встретиться (и мы с ним ужинали еще). Много интересного он говорил, и многое ему было интересно... В нем, безусловно, есть внутренняя духовная жизнь, и не мало в его поэтическом восприятии вещей касается «духа». Конечно, они не могут там у себя говорить всего, но есть ряд писателей (как Ю. Казаков, В. Аксенов — из старших, конечно, Паустовский), которые стараются духа не угашать. К удивлению моему, Евтушенко целый ряд стихов моих говорил мне наизусть и даже повторял во время нашей поездки по парку в автомобиле... И свои стихи мне говорил наизусть — из неопубликованных еще. Подарил книгу свою и пластинку со своими произведениями, переложенными на музыку Д. Шостаковичем и другими.

Так как я считаю Вас человеком выше всяких человеческих мелких чувств, то я Вам даже скажу о сих, удививших меня, словах его, — что мои поэтические произведения читались там в России на внутренних собраниях писателей и поэтов и что я, по словам Евтушенко, числюсь в числе двух** настоящих в зарубежьи русских поэтов... Вы можете себе представить, конечно, что я стал защищать имена и *других* истинных поэтов зарубежья... Так или иначе, это «любопытно» (хотя и не адэкватно, как надо, реальности). Может быть, меня просто все они знают по моим Беседам, которые слушаются весьма. Туда доходят и прозаические книги мои (Евтушенко у Камкина в Вашингтоне купил мою «Книгу Свидетельств»)... Я ему кое-что подарил из других моих книг... Расстались мы с ним дружественно, по русски, обнявшись.

Обнимаю Вас, дорогой Дмитрий Иосифович, — титул же Ваш «первого поэта эмиграции» только укрепится Вашей книгой избранных творений. Сидя в этой лодке, Вы,

---

* Кроме полного зала в 1000 человек, передавали еще в две залы по телевидению.

** Другой, это, по их там оценке, Иван Елагин.

как лирический Гомер (тоже был ведь со слабым зрением), начнете вновь творить (слова есть такие: «Се творю все новое»)...

Милой Осинкиной желаю крепости сил и приветствую ее терпение христианское, и ее душу.

С любовью Ваш

Архиепископ Иоанн.

26 декабря, 1966 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка,

Встреча Ваша с Евтушенко — событие почти космического порядка! Никак мне такое и присниться не могло! И, не расскажи Вы мне об этом сами — не поверил бы! Настолько неожиданна, и, казалось бы, немыслима такая встреча; притом, именно в таком «оформлении», о коем Вы повествуете, что в сердце мое (не осудите меня за недоверчивость, Владыка!) закралась мысль, не таится ли в поведении Е. по отношению к Вам какой либо подвох!?? Я отлично могу себе представить, что стихи Ваши советские читатели знают и любят, и признаться Вам в этом они *могут* рискнуть.. Но *беседы* Ваши, Владыка, *беседы!!!* Верю, что и их многие «там» любят; но в глазах правительства и партии они такой же яд для народа, что именно из-за них всякое общение с Вами является, с советской точки зрения, до нельзя предосудительным. И трудно мне поверить, что Евтушенко решился на такое общение, не согласовав это сперва с кем следует! А если согласовал и сие было одобрено, то за всем этим скрывается какая-то цель! Не является ли Евт. неким лазутчиком, который должен выяснить, как к Вам лучше подойти, как легче втереться к Вам в доверие и что можно предпринять, чтобы по хорошему Вас как то обезвредить? Ведь Вы с Вашими беседами — бельмо на глазу у советской власти, и она готова на многое, может Вам даже патриарший престол в Москве предложить, лишь

бы Вас «прибрать к рукам»! С одним моим знакомым (дал слово его не называть) нечто подобное случилось: великими посулами специально присланные лица заманивали его (но безуспешно) «туда». Ведь те, кто «там» такими делами ведают, в душевную стойкость людей «здесь» не верят, судят о всех по своей собственной гнусной сути и полагают, что соблазнить можно каждого.

Что касается лично Евтушенко, то «внутренней духовной жизни», о которой Вы пишете, я у него в стихах не вижу. Есть подкупающая *задушевность*, это да, но это, хоть и отрадное явление, но совсем другого порядка. «Духа» в своих стихах Евтушенко «касается» (как опять же Вы выразились) в пределах, я сказал бы, «бытовых», домашних, где душевное еще не переходит в духовное. И так ли уж Евтушенко искренен был с Вами в вопросах веры? Вот Вас Евтушенко обнял и облобызал, а в своем стихотворении «Град в Харькове», которое он видимо особенно любит, так как постоянно читает, он, без всякой надобности, следуя, видимо своей потребности, над «попиком» который, торопясь, сыграл с кем то в «покер» (!!! — «попик» и «покер» — это для Е. рифмы!!), попал под ливень и укрылся от него в подъезде союза безбожников. Все это заставляет меня сомневаться и в искренности его при встречи с Вами и в том, яко бы, самостоятельном и импульсивном влечении, которое заставило его этой встречи искать. Рад был бы ошибиться, но опыт многолетнего моего пребывания в СССР заставляет меня быть осторожным.Timeo Danaos, et dona ferentes...

Между прочим, встреча Ваша с Евтушенко своеобразна, как встреча самого многословного (и как это ему вредит!) русского поэта с поэтом самым целомудренно-кратким (и тем особенно выразительным)!...

Д. Кленовский

Примечание к письму Кленовского от 26 дек.:

Все, с кем мы — все равно где — встречаемся в мире, несомненно *подосланы* к нам, в том смысле, что *посланы* Промыслом. Я совершенно не вижу, в чем и как Е. Е. мог бы «повлиять» на меня. Почему не думать, что и я как то могу «повлиять» на него? Я ведь

22-е января, 1967 г.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Прочел с интересом Вашу «Похвалу Недоверчивости», письмо Ваше от 26-го декабря. Я, конечно, понимаю Ваши рассуждения, их логику, их ход. Но мне кажется, все же, что тут дело в другом. В отношении и «Бесед»,* дело не так уж трагически стоит, как Вы сейчас думаете (имея опыт, столь горький, прошлого. Это понятно). В советской печати, я читаю, люди открыто говорят, что слушают иностранные радиопередачи и «Голос Америки». И уже лет 6-7, как Москва не глушит Голоса Америки. А раз не глушит, значит как то признает сей Голос «легальным» у себя. Я думаю, так на это уже и смотрят там. Более того, открыто записывают на ленту и музыку и то, что им хочется, из «Голоса Америки». И мои Беседы тоже. Об этом открыто говорят в СССР, даже на открытых собраниях. Как, например, студенты в Киеве сказали во время беседы с одним американским студентом... С Ваших пор, все же, не мало утекло воды там (хотя «ядро» и осталось то же). Что касается его оценки зарубежных поэтов, Евтушенко имел мужество повторить то, что он сказал мне, во всеуслышание

тоже посылаюсь к людям, или, если хотите, *подсылаюсь*, как все пастыри к людям верующим и неверующим (чтобы помочь им) В этом вся наша задача: иметь дело с теми, кто в жизни к нам «подсылается«.

Все такие люди ценны. В данном случае с Е. Е. я более послан к нему, чем он ко мне, ведь он из тех, кто иногда слушает мои Радио-Беседы в Сов. Союзе

И (в отношении меня, как человека, Богу служащего в людях) не имеет никакого значения, посещение его «согласовано« или «не согласовано» с какими то инстанциями. Сами «инстанции» нуждаются в просвещении и вразумлении, в верном слове... Вспоминаю, как в конце войны, в Берлине я принял исповедь одного балтийского немца православного, который мне сказал, что, служа в германской цензуре, перелюстрировал мои письма и читая их, религиозно просвещался и укреплялся в вере. Несомненно, этот человек был (в политическом смысле) *подослан* ко мне. Но, ничего из этого, для сил злых, не получилось. Наоборот. А.И.

* По «Голосу Америки«.

Съезду Славистов американских в Нью Иорке, накануне своего отлета в СССР.

По просьбе бывшего моего прихожанина Юрия Николаевича Семенова, упсальского слависта, я послал недавно свою лирику переводчику Гюнтеру (по случаю его 80-ти летия!). Он прислал мне в ответ очень милое письмо, высказывая догадку, что это Вы дали мне его адрес, и он Вам напишет о том. Хотя мы с Вами, кажется, и говорили как то о нем, но, в этом отношении, он ошибался. Он хотел бы кое-что перевести из моей Лирики. Так что, вслед за лучшим поэтом эмиграции, Кленовским, и мы можем выйти «в большие забияки» — поэтические... Осинкину, вот кого надо перевести!

Я рад, что милый Vogl иночески исполняет свое послушание, поддерживает «творческий» контакт с Трауншстейном. (Он, по типу, «белый инок» в мире).

6 февраля, 1967 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Гюнтер восторженно написал мне а Ваших стихах: «Ich habe Seine (т. е. Ваши) Gedichte (пишет Г.) mit dem Bleistift gelesen und gleich eine ganze Reihe zu übersetzen angefangen» Он хочет непременно включить Ваши стихи в свою антологию. «Es ist ein Dichter (пишет он далее) einer neuen Versart, der Spruchdichtung, wie wir sie in Deutschland im unvergesslichen Schaffen von Angelus Silesius so gut kennen». Гюнтер полон прекрасных намерений, еще бодр, но стар и болен и едва ли сможет осуществить все свои широкие планы, которые всё разбухают.

Издание моих избранных стихов едва не зашло в финансовый тупик. Не было никаких средств для окончательного расчета с типографией, и я даже «заморозил», в поисках их, дальнейшую ее работу над книгой. По счастью, в результате стараний некоторых друзей, согласилось при-

нять на себя *частичное* материальное участие в издании книги известное Вам, вероятно, издательство Inter-Language Literary Associates, за что оно получит *часть* тиража. Последний, правда, пришлось, в связи с этими обстоятельствами, удвоить, но материально участие издательства позволяет это сделать. Теперь все финансовые заботы и страхи отпали, книга вскоре пойдет в печать и к началу апреля, вероятно, выйдет в свет.

Душевно Ваш Д. Кленовский

Санта Барбара, Калифорния

7-ое марта, 1967 года

†

Привет и мир «поэту-одиночке»! (Пушкин, называя поэта «царем», дает основание для такого одиночества... и для такой поэзии).

Спасибо за лекарские советы, я вижу, что Вы почти такой же хороший лекарь, как — поэт... Конечно, Вы правы, — от нервной системы — зависит многое... Пока что, все же, надо и слушать докторов, но и взвешивать их советы.

Сейчас пишу из Санта Барбара, где провел две недели, и возвращаюсь 9-го в Сан Франциско, буде воля Божия.

Это хороший подарочек ангелов — участие «Inter Language» в издании «коронной» Вашей книги, а с Вашей стороны, это такой же хороший подарок читателю и любителю русской славной поэзии. Да здравствует сия поэзия (вопреки всем ветрам и волнам). Гюнтер, видно, очень славный человек (и дело большое сделал для всей русской литературы в Германии).

Поэтессе О-ой передайте мой самый сердечный привет и пожелание, обувшись на обе ноги, смело пойти по зеленой травке весенней баварской и срывать подснежники и первые фиалки.

Обнимаю Вас, дорогой, и прошу «не складывать оружия» и после выхода «Собрания Избранных Сочинений Д. Кленовского»... В старом вине, как в поэте, все больше толку.

В конце августа, может быть, соберусь в Европу: Съезд ВСЦ на о. Крите.

8-ое марта, 1967 года

Санта Барбара

†

Милый Дмитрий Иосифович,

Несколько дней тому назад я отправил Вам словечко из моего здешнего южно-калифорнийского уединения, и вот, накануне своего отбытия в Сан Франциско, пришло письмо Ваше — о моей статье о Евтушенко... Я рад, что Вы почувствовали общую ее тональность, и она Вам по душе... Что касается взятой мной из стихотворения Евтушенко цитаты, то я, конечно, видел и вижу, что *душевное и духовное* у Евтушенко *двоится*. Оно двоилось даже у такого «к Духу» взывавшего мыслителя и поэта, как Мережковский. Что же говорить о Евтушенко, который «младенец» в этом (духовном) отношении; и я далек от мысли приписывать ему духовную чуткость, которая, например, имеется у Вас... Это сейчас «не по зубам» ему. Но, критику надо двигать писателя и поэта в верную сторону, к развитию того, что в нем потенциально возможно и уже есть, хотя бы в смутной форме. Конечно, лирической своей стихией то стихотворение, о котором мы говорим, погружено процентов, может быть, на 90% в стихию «мужеско-женскую». Но Вы сами замечаете, что там намечается трансенсус... Он есть в моменте воспоминания той картины, которую поэт

увидел. Ведь это — картина Страшного Суда.* Критик должен, отбрасывая ворох шелухи, видеть *зерно*, которое может быть «меньше всех семян земных» (как сказано в Евангелии), но в котором — самое *главное таится*, для поэта и читателя. И сам поэт, может быть, этого не вполне еще осознает. И этот элемент есть в поэзии Евтушенко, хотя он *завален* ворохом бытовых, эмоциальных и социальных интонаций. И той грубоватости «советской», без которой он не имел бы брони для жизни и действия — «там». Критику надо быть добрым и щедрым; его должность почти пророческая и, во всяком случае, как к пророку, так и к литературному критику относятся слова, сказанные Иеремии Всевышним: «если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь, как Мои Уста«.

Поздравляю Вас, дорогой, с рождением дитяти, которое, как некий герой Рабле, даже в день своего рождения, будет очень велик ростом и тяжел на вес («томов премногих тяжелей»). Поднимаю мысленно кубок за здоровье дитяти такой же пропорции, как папаша. Вижу, что я не ошибся, когда еще лет 10 — или даже больше — тому назад подписался на... «7-ой том» Ваших сочинений.

21 апреля, 1967 г.

...Вот любопытная выписка из письма одной мюнхенской знакомой, которая всегда встречается с советскими артистами, молодежью преимущественно, когда они приезжают на гастроли:

«Этой молодежи дороже всего лирика. Ни Маяковский, ни Евтушенко не пользуются их любовью...

Эта театральная молодежь забрала с собою много эмигрантских изданий, в том числе мои сборники, которые,

---

* Я думаю, это относится к стихотв. Евтушенко «Град в Харькове«. Кленовский увидел в нем лишь слова о священнике, тоже застигнутом дождем, на ряду с другими. Там нет никакой направленности профанационной в отношении веры. А. И.

как пишет эта дама, пришлись особенно по душе. Как это ни странно, но молодежь в СССР гораздо сильнее и охотнее откликается на религиозно-философскую тему в стихах на лирику, чем люди 50-60 летнего возраста, видимо прочно погрязшие в советском мышленьи. Имею сведения, что старикам «там» мои стихи «несозвучны», а молодежь они волнуют. Так что, дорогой Владыка, будем делать ставку на молодежь!

Я послал один Ваш сборник одной знакомой в Австралию. Вот что она пишет: «Очень благодарю Вас за чудесную книгу Иоанна Шаховского (Странника). Я ее так полюбила, что без конца в нее заглядываю. Она у меня лежит то в кухне на столе, то на подушке, то возле швейной машины — она уже и вид потрепанный успела приобрести. В ней много глубокого смысла, притом доступного пониманию каждого. Так и внедряют эти стихи истину прямо в сознание, отчеканивая каждое слово».

Д. Кленовский

26 апреля, 1967 г. С.Ф.

Милый Дмитрий Иосифович,

Вас и добрую поэтессу Маргариту Осинкину пасхально обнимаю и — благодарю за Ваш привет. Спасибо за первый экземпляр книги, которую я получил уже некоторое время тому назад и вновь перечел многие знакомые строки, словно встретил старых друзей, но в иной, более обширной, лучшей квартире (и общество их стало более... аристократическим!)... Квартира хороша, только просится быть одета в «каменную ограду» (сиречь в переплет холщевый или кожаный)... Что касается того, что не мало людей бранят Евтушенко, то это брань, идущая, как от «сталинистов», так и от «ультра-белоснежных», политически, людей, несколько уравновешивает, может быть, вещи... Вы очень пра-

вы, что «ставка на молодежь» нам, старикам, очень идет; и нашу поэзию (не только «полутеней», но четверть-теней») она и слышит и услышит, так как именно эта поэзия, идущая в сокровенное и свободная от мути мистической символистов, эта поэзия ей нужна и, вообще, нужна России уже сейчас и будет нужна вскоре еще более. Итак, г. Кленовский, не складывайте оружия, не распрягайте Пегаса Траунштейнского, но подтяните подпругу... Пойте до последнего дыхания...

«О Боге Великом он пел, и хвала
Его *непритворна* была.»

Вот что нужно России. (Да и нашей собственной душе).

P.S. В последнем № «Нового Журнала» я поместил одну свою вещь 25-летней давности. Она, формально, в другом ключе, чем стихи двух моих стихотворных сборников. Некоторым читателям («консерваторам»), может быть, она даже будет ближе. Поэзия в ней как бы уступает религиозному духовидению.*

14 мая, 1967 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Ваш пасхальный привет получили и сердечно благодарим. Что зеленый кленовый лист на этот раз пожелтел — так это в полной гармонии с тем, кому он предназначен: осень давно у него на дворе, уже и ноябрьским туманом и хладом повеяло.

Получаете ли Вы Русскую Мысль? Там в № от 6 мая появился необычно доброжелательный отзыв Терапиано (на целый развернутый подвал) о моей новой книге, а тем самым — о моей поэзии вообще. В первый раз он меня

---

* Сборник «Созерцания», А. Иоанн. С. Ф. 1971, соответствует такой поэзии, переходящей в созерцание молитвы.

таким хорошим суждением побаловал — глазам своим не верил читая! Есть в статье такие небезинтересные для Вас строки:

«Такое ощущение человека (как у меня. Д.К.) уже не ортодоксально-христианское, а оккультное, антропософское. Но Кленовский с такой напряженностью порой говорит о нем, что его духовное волнение, душевная вибрация, заставляют даже некоторых представителей православной иерархии, интересующихся литературой, прощать ему «антропософию» за его духовное горение».

Один знакомый пишет мне, что в № 11 советского журнала «Октябрь» за 1966 г., в статье некоего С. Васильева есть такие строки: «Глеб Струве принес мне книги: Мандельштама, Терца и сборник «Разрозненная тайна» Д. Кленовского».

Регистрирую это как *первое* упоминание обо мне в советской печати! Кроме сего, обо мне в этой статье, повидимому, ничего не сказано (или сказано плохо, и мой корреспондент не хотел меня огорчать!); но одно уж упоминание одиозного «там» имени Струве и ничего никому не говорящего моего — очень неожиданно и необычно.

Душевно Ваш

Д. Кленовский

16 июля, 1967 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка,

В отношении сборников стихов Ваших предчувствую, что Вы, на своем чистокровном Пегасе — выходя на прямую, обгоните задолго до финиша моего задыхающегося скакуна! Не удастся мне верно увидеть Ваш восьмой сборник (на один больше, чем у меня!), но чувствую, что таковой будет ну, скажем, в 1987 году... Мне теперь не до литературных скачек! Может быть, в Н.Ж. или Мостах когданибудь что-нибудь мое еще и появится, но книг новых не

будет, и сборник «Стихи» является завершением и итогом всего моего литературного пути.* Не перестаю благодарить Бога за Его великую ко мне милость: выход этого сборника еще при жизни моей, осуществленный моими руками, от отбора стихов до выбора оформления включительно. Удалось и хорошие отзывы о нем услышать. По статьям и по личным письмам некоторых моих собратьев по перу (ниже приведу одно из них) я вижу, что, собранные воедино, мои стихи произвели *более цельное и верное* впечатление, чем в отдельных сборниках (советую и Вам в будущем такой сборник избранных своих стихов издать!).** Вот что пишет мне например (очень по товарищески!), Моршен:

«Сборник получился на славу! То, что в отдельных сборниках выглядело (для меня) как некое подражание самому себе, оказалось, собранное в один фокус, редким по своей цельности и верным по тону голосом. По сути, Ваши сборники были лишь частями единой книги, и вот теперь она, наконец, вышла в свет целиком. Поздравляю, обнимаю от души рад за Вас!»

Такое же примерно впечатление, как это видно из его отзыва, произвела книга и на Терапиано, а также на Горбова (рецензия в «Возрождении»). Не помню, писал ли я Вам, что я получил очень лестное письмо от Адамовича. Говорит, что читает мои стихи «с восхищением и... завистью» и добавляет, что сборник «очень правильно и удачно составлен — в том смысле, что тема его, то есть, Ваша главная тема, в нем постоянно развивается и растет, и стиль Ваш этой Вашей теме безошибочно и непогрешимо соответствует. Можно писать иначе, по другому, но то, что говорите Вы, должно быть сказано именно по Вашему, со сдержанной страстностью».

Если у Вас есть возможность получить в руки июльский № «Возрождения», очень советую прочесть там статью

---

* Поэт ошибся. Ему около десятка лет оставалось жить, и он до коца своих дней творил. А.И.

** Совет сей был исполнен изданием «ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА». Стокгольм. 1974. С.

Ульянова «Литературная слава». Замечательно написано! Прочтите непременно!

У нас уже были гости. 10 дней провела Нонна Белавина, та, что неоднократно выступала на посвященных мне в Н.Й., Бостоне и других городах США вечерах и собраниях с чтением (превосходным) моих стихов, докладами о моей поэзии и впечатлениями от встреч со мной. На неделю приезжал Ю. В. Офросимов (Вы, наверное, заметили в Н.Ж. его превосходные воспоминания о Корвин-Пиотровском); да на денек заглянул еще кое-кто, в том числе Кашин, улетевший затем на самый дальний Восток. В августе поджидаем Глеба Струве. Жаль, ужасно жаль, дорогой Владыка, что встреча с Вами не состоится!

В первом еженедельном (большого формата) № Русской Мысли нашел Ваше стихотворение, несколько смутившее меня новаторскими приемами мысли и формы, Вам до сих пор не свойственными. Откровенно говоря, это впервые, что Ваши стихи мне как то не по душе, не столько даже самой темой, сколько ее трактовкой в образах. Применим ли по отношению к Маяковскому, да еще подчеркнуто повторно, термин «холодность»? Слово «любовь», в сочетании с «прильнула» и «поранил», уводит читателя прочь от Вашего понимания этого слова к пониманию бытовому. Не звучит для меня «песня хлада» и еще другое. Говорю с Вами (не обижайтесь!) откровенно, так как опасаюсь, не есть ли сие стихотворение начало некоего отхода от кристальной прозрачности, ясности и убедительности Ваших прежних стихов?*

№ 87 (юбилейный) Н.Ж. привел меня в отчаяние своими стихами! Глинка!!! Бергер!!! Удручающе много и длинно пишет Е. огорчительно жеманно и надуманно — Ч...

Душевно Ваш Д. Кленовский

---

* Кленовский честно делится своими чувствами. Речь идет о стихотворении «Баллада о неумелом сердце» («Площадь Маяковского»). Для меня здесь не было противоречий, которые усмотрел Кленовский, больший «классик». А.И.

22-е июля, 1967 года
Сан Франциско

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Вы это видите, — друзья небесные Вас поблагодарили хорошо, Ваша любовь к Творцу и к ним, Его слугам, была ими *замечена* и — «смягчились сердца»... и «реки потекли вспять» (Сена, например!). Что кто сеет, тот то и жнет и мерою доброй. И все это пустяк малый, по сравнению с грядущим...

Я не удивляюсь, что Вас, великого консерватора, несколько смутила форма моей «Баллады о Неумелом Сердце». Но там, в очень кратких словах лирических, высказано очень многое, в сущности то, что «рационалистическим» способом не высказать. Да и сама тема такая. Вообще, ничем, я думаю, не надо смущаться ни в жизни, ни в поэзии. А тема Маяковского и жизнь его, это песня и тема хлада. Хлада над Россией. И идеалистическая возбужденность, революция русская тех лет — (лет «культурной революции» теперь бы это назвали), всё это хладного огня трепетание (образ адский, мираж блага). И завершение этому неизбежное — самоубийство... Я об этом очень нежно, неосудительно в отношении человека и состарадательно говорю (Господь — Судья всех), но твердо и подчеркнуто; эта тема, в самой форме стиха, *идет чрез всю Балладу*. Это не противоречит другой стороне моей лирики, моего созерцания... А что касается любви, то тут не так просто, как Вы думаете. Здесь дело совсем не в обычной чувственной любви, а в нечто более глубоком. Любовь есть нечто, могущее быть преображенным или — затемненным, падшим. *Любовь наша нуждается в спасении, она есть само существо человеческое.* Любовь спасенная — спасает, любовь соллипсическая — губит. Сердце Маяковского было истинное, человеческое, но опьянившееся миражами, их хладом и «неумелое», не увидевшее истины, не справившееся с собою; и это его убило. Не ложная чувственная любовь убила Маяковского, а истинная. Бог «Огнь Поядающий есть».

Сегодня получил из Москвы от поэта Евгения Винокурова две его книжки стихов с трогательными надписями...

Тоже «гуманист» (сколь это там можно). Мысли человечные. Побольше бы таких.

5-го августа вылетаю в Грецию, буде воля Божия. А в сентябре по Западной Европе немного поколесить придется.

А. И.

ПОЭТУ, РЕШИВШЕМУ ПОЧИВАТЬ НА ЛАВРАХ

Поэт глядит бедно и сонно
На лес, на травку по пути:
«Какую честь от Аполлона
Вы мне хотите принести?

Я перед вами на колени
Теперь не встану... Дудки, нет!
Ведь я уж признанный поэт
И — вот Собранье сочинений,

Альбом рецензий и похвал
Покоится на этой полке...
Что слышу — дождик перестал
И солнце озарило елки?

Теперь мне не до ёлок и дождей,
И даже не до звезд... Пусть люди-братья
Мои стихи читают! Ей же ей,
В венке из лавра заберусь в кравать я...»

Но тут явился мальчик-херувим
И ум поэта уколол иголкой:
«О, отчего, поэт, ты не томим
Духовной жаждой и дождем, и ёлкой?!

Не зарывай в постель свои дары
И не *пристаривайся* через меру!
Поэзия дана не до поры —
Для вечности она дана, для веры.

Был стар Гомер и слеп, но шевелил
Он лирой. И оставил поколеньям
Свой труд и жар, единое виденье
Земных дорог и вечно юных сил.

1967 С.

10 августа, 1967 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получили Ваше письмо от 4 авг. и были оба радостно взволнованы тем, что в хлопотливые предъотъездные дни Вы вспомнили о нас, помогли нам и почтили еще к тому же «грозным» (как Вы выразились) стихотворным посланием!

В Вашем, обращенном ко мне стихотворении весьма оценил Вашу заботу обо мне, как о поэте, но на некоторые образы и мысли должен возразить, ибо в них Вы исходите порой из неверных предпосылок!* Если я полагаю, что мне не придется издавать новых сборников моих стихов, то сие вовсе не потому, что мне стало «не до звезд», что с «людей-братьев» хватит того, что я написал («пусть, мол, читают»), что на колени перед «лесом и травкой» я уже больше не встану и т. д. И никак не потому, что я считаю, что я, будто, всего добился, всеми лаврами увенчан и утруждать себя поэтому больше ничем не намерен. Поверьте, дорогой Владыка, что душа моя, ее чаяния, радости и заботы (в «мировом», а не личном, конечно, масштабе) не изменились ничуть, она попрежнему живет и дышет ими. Но, за последний примерно год мой бедный брат осел, мое бренное тело, всё менее и менее слушается моей души и все неохотнее исполняет ее требования. А без осла, без тела, без его согласия служить нашей душе — эта последняя не может осуществить лучших своих намерений. Ну вот, скажем, 10 лет тому назад я слагал стихотворения в 10-12 строф на ходу, не записывая их, храня всё в памяти; а теперь, если я сразу же не запишу *одну* пришедшую на ум *строчку* — я ее через полчаса теряю навсегда, а вместе с нею и нить нового стихотворения. Сильнейшее чувство утомления (возможно, спутник моей сахарной болезни) сплошь и рядом не дает развернуться моим мыслям. Не я бегу творческих усилий, но они не поддаются мне. Очевидно, есть какой то жизненный срок, когда писатель физически не может справиться

* Кленовский, кажется, всерьез принял это шуточное стихотворение и «оправдывается». С.

с теми литературными задачами, которые он перед собой ставит, хотя они, эти задачи, не перестают его волновать. Поймите меня правильно: не в венке из лавров, в окружении уже написанного и альбома с хвалебными рецензиями (никогда, кстати, их не вырезывал и не вклеивал!), не в самоудовлетворенности «содеянным», не в уходе, так сказать, на литературный покой с мундиром и пенсией — тут дело; а просто и всего лишь в том, что я стар (в сентябре 75 лет исполнится), болею шестью болезнями, мучаюсь ежедневными болями, невероятно быстро устаю и, в силу всего этого, не только не могу вскочить на Пегаса, но даже трудно подойти к нему и потрепать по шее. Я не закаялся писать (кое что вскоре дам в Новый Журнал), но повидимому, смогу писать лишь *очень немного*. К тому же, я буду безжалостно уничтожать все то, что найду неудачным и ниже моего прежнего уровня, так как недостаточную критичность к написанному, неумение замолчать, когда «голос изменяет мне», — считаю самым печальным старческим несчастьем.

Не скажу, чтобы я был недоволен тем, что я до сих пор написал и напечатал, но не в разрезе качества написанного, а в разрезе его результатов, в разрезе того, как оно было воспринято читателями. Из многочисленных их писем вижу, что мои стихи, как они по сути ни были еще несовершенны, — принесли многим людям радость и даже помощь. Я всегда писал с тайной заветной мыслью помочь людям; и если этого хоть отчасти достиг — в этом, а не в альбомах с рецензиями мои «лавры».

Итак: Вы (вероятно впервые?) на Крите, острове большой древней культуры, в сущности недавно лишь путем раскопок обнаруженной. Удалось ли Вам с нею познакомиться?

Поручая нас обоих молитвам Вашим, душевно Ваш

Д. Кленовский

7 октября, 1967 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил сегодня Ваше письмо из Мюнхена. Признаться — заждался весточки от Вас, не имел таковой 2 месяца, за все время Вашего пребывания в Европе, и начинал уже тревожиться, все ли благополучно. Я написал Вам в августе, точно согласуясь с указанными Вами сроками, на Крит, но из Вашего письма не вижу, получили ли Вы мое; склонен скорее думать, что нет.

Были оба поражены и обрадованы Вашим бурным поэтическим расцветом, выразившемся в переходе от классических Ваших восьмистиший к целой поэме (надеюсь «песен в двадцать пять»? Теперь, правда, принято именовать «поэмами» стихи в 20 строф!). Надеемся, что поэма Ваша будет опубликована в «Новом Журнале», и мы сможем с нею познакомиться?*

Представьте себе, что, вопреки моим предположениям и «самопрогнозам», и я за эти последние месяцы написал с десяток стихотворений, притом необычно для меня длинных, в совокупности строф на 60. Вот, если посетите нас — прочту (не смею, впрочем, надеяться, что это достаточная для Вас приманка!). Пять стихотворений я послал уже Гулю и был не мало удивлен получить от него ответ, в котором нашлись такие слова как «большое спасибо!» и «стихи — *прекрасные!*» (подчеркнуто Гулем). Пойдут они в декабрьском № — не встречусь ли там с Вашей поэмой?

По дороге с литературоведческого конгресса в Белграде, посетил меня Глеб Струве. Очень приятно было с ним побеседовать.

Итак, дорогой Владыка, ждем с трепетом душевным Вашего телефонного звонка... Не принесет ли он нам, все-таки, радость последней (так мне думается...) встречи с Вами?

---

* Речь идет о поэме «УПРАЗДНЕНИЕ МЕСЯЦА». Я написал ее этой осенью в Европе к 50-летию «Октября» и потом читал в Париже и Нью-Йорке. Она была издана «Новым Журналом» и «Новым Русским Словом» в Нью-Йорке, и вышла отдельной книгой в Н.Й. в 1968 г. А.И.

22 октября, 1967 г.
(послано 26.X.)

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Я получил рукопись по почте. С ней пришло и Ваше письмо касательно сроков ее возвращения, но последние были аннулированы Вашим письмом из Ниццы, в котором Вы обещали дать новые на этот счет распоряжения. В ожидании их, пишу уже о моих впечатлениях.

К большому моему огорчению, присланный Вами материал оказался фотоснимком с *рукописного, а не печатного текста,* что *невероятно затруднило* не только чтение, но и проникновение в *суть написанного.* Почерк Ваш вообще весьма неудобоварим, и я письма Ваши всегда разбираю с трудом, причем отдельные слова так и остаются непонятными. В письмах это еще полбеды, но для уразумения текста стихов это совершенно губительное препятствие! Ну как почувствовать и мысль и аромат прочитанного, когда барахтаешься в тексте, сосредотачивая все внимание на том, как бы его вообще разобрать! Некоторые страницы повергли меня, в этом отношении, в отчаяние... В результате такой связанности — должен сказать Вам прямо — я не смог вкусить так, как это нужно для определенного суждения, от плода Вашего текста в его цельности! В памяти моей остались, однако, превосходные отдельные части текста, превосходные в отношении тонкости и красоты мысли, художественности формы и образов и т. д. Некоторым слабым местом поэмы (на мой вынужденно-поверхностный взгляд) является разбросанность темы, отсутствие ведущего и проходящего через все ее части единого стержня. Тема то исчезает, то снова появляется, уходит то в одном, то в другом направлении. Может быть, это даже и не недостаток, а достоинство, оживляющее текст! Повторяю: высказать окончательное суждение на этот счет не могу из-за затруднений при чтении текста! Никакой редактор не решился бы судить о поэме по такой рукописи; не могу, с ответственностью за свои слова, *судить о ней и я*! Но, поскольку я прослушал ее уже в Вашем чтении, могу все же сказать, что поэма превосходна и должна быть опубли-

кована. Беру при этом обратно мой первоначальный совет печатать ее не так, как Вы хотели, то есть, по октаве на страницу, но именно и как раз так. Каждая октава у Вас настолько полновесна, затрагивает такую цельную тему, что представляет собой *самостоятельную* ценность, а потому должна быть «подана» на отдельной странице. Добавлю, что на мой взгляд, поэма не пострадала бы от небольших сокращений. Я пометил словами «я бы не давал», некоторые (немногие) октавы, которые мне лично показались неубедительными и, вообще, не понравились — это, конечно, мое сугубо *личное* мнение.*

В отношении «техническом» Ваша поэма уязвима. Вы взяли, как «меру веса», октаву, но то и дело, даже постоянно, ее не придерживаетесь. Октава требует определенного чередования рифм, а именно: 1,2,1,2,3,3, и «односортного» всюду (хоть и любого) ямба. У Вас рифмы чередуются совершенно произвольно, к тому же, после заключительных двух женских рифм, Вы начинаете женской же — следующую октаву и наоборот, что неправильно. Вообще, классической, точной октавы (посмотрите, как это соблюдено в «Домике в Коломне») у Вас нет. Конечно, фантазировать можно во всем, но ухо оно режет. Кроме того, посередине октавы Вы во многих случаях, в одной какой нибудь строке, меняете ямб, что тоже режет слух. Я в фотокопии все такие места отметил, подчеркнув неправильные по размеру строки. Сперва писал, чего именно не хватает, а потом перешел на лаконическое «много» и «мало», в зависимости от того, есть ли избыток или недостаток стоп. Обратите сугубое внимание на то, что в первой же Вашей октаве есть погрешность, которую непременно надо устранить: «поучений» никак, даже приблизительно, не рифмует с «честный» и «известных» и сразу же заставляет читателя насторожиться в отношении правильности Ваших октав. Жаль, что Вы, вообще, не выдержали их в классической их форме. Она еще укрепила бы Ваше произведение. Переработать последнее, в смысле правильности октав,

---

* Этому ценному совету я последовал. *Сокращать*, это одно из высших поэтических наслаждений. С.

Вы не сможете — это была бы просто мучительная и заранее обреченная на неудачу работа. Надо примириться с тем, как оно получилось. Читатель, незнакомый с «тайнами» октав — Ваших вольностей* просто не заметит. В крайнем случае, какой-нибудь критик вскользь уколит Вас в рецензии, а и то сомнительно. Так что, да не смущается сердце Ваше! Содержанием своим поэма дойдет до читателя благотворно, а это главное.

Первые шесть строк Ваших октав, в отношении произвольного чередования в них двух рифм, напомнили мне своеобразные шестистрочные строфы, примененные в свое время Гумилевым в его «Открытии Америки» и в отдельных стихотворениях. Они, эти строфы, были тоже вне каких либо канонических правил. Будем считать, что и Вы создали новый тип строфы, некое скрещение «Америки» и «Коломны»! Мне думается, что октавы следует пронумеровать от первой до последней.**

2-ое ноября, 1967 года.

Милый Дмитрий Иосифович,

Благодарю Вас за искреннее желание сказать мне что то о моей Поэме. Но Вы, я вижу, слишком деликатный критик. А у деликатных критиков глаза легко заболевают от чтения некоторых поэм (и разбирать сии поэмы делается трудно). Но я соглашаюсь и с тем, что почерк бывает нелегкий у автора.

Дело же обстоит так: *я не мало сделал изменений* в Поэме. Во-первых, причесал строфы, — все выглядит, в своих октавах, «пятистопно» (к удовольствию классиков

---

* Это верное слово. Я не мог замыкать октавы в корсет. И мне кажется, что русская октава более свободна. Я это выразил в окончательной редакции Поэмы, ее второго издания (в «Русск. Мысли» и отдельной книге), как «*Поэмы о русской любви*» (Париж. 1977), к 60-летию «Октября».

** В первом издании это так и сделано. А.И.

траунштейнских). Во-вторых, кое что *добавил* (и, думаю, не без пользы, для цельности всего). А, главное *довольно много выкинул* строф. Выкинул всё несколько огрублявшее поэму (хотя, может быть, и остроумное, политически и «анти-октябрьски»), — все «путешествие» свое по странам и к Папе, — выкинул.... Сейчас в Поэме около 1400 строк, из коих приблизительно 1000 строк «регулярных» октав, а остальное — *ветер* «вступлений» и «отступлений» лирических...

*Прошу Вас уничтожить рукопись Поэмы.**

Обнимаю Вас сердечно и желаю многих сил Клену и Осинке.

P.S. Чтение Поэмы в Париже прошло очень хорошо... В эту пятницу — 3-го ноября — должен читать тут в Нью Йорке... (текст обновленный). Тут, в Нью Йорке останусь до 15 ноября, приблизительно.

15 ноября, 1967 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Я — в полнейшем недоумении! 17 октября я получил от Вас через г-жу Селаври рукопись (фотокопию) Вашей Поэмы и письмо, в котором Вы просили, не позднее как дней через десять, вернуть рукопись, с моими на ее счет соображениями, в Нью Йорк по указанному адерсу. 19 октября я получил от Вас письмо из Ниццы, в котором Вы, *меняя свое первоначальное указание*, просили рукопись *не отсылать* в США *до Вашего на этот счет уведомления*. С тех пор прошло около месяца, но уведомления этого от Вас не поступило, и рукопись лежит у меня, никуда не отправленная. Через 2-3 дня, по получении 19 октября Вашего письма, я послал на Ваше имя (c/o Mrs Mary Tolstoy) в Н.Й. письмо, в котором я высказывал свои общие сообра-

* Я не хочу, чтобы этот текст где-либо сохранялся. Вы это поймете.

жения насчет поэмы. Поскольку, как мне писали, Вы читали 3 ноября в Н.Й. свою поэму — письмо мое Вы, вероятно, получили.

Какие будут дальнейшие Ваши распоряжения насчет рукописи? М.б. она Вам уже не нужна? Может быть, Вы за эти полтора месяца настолько переделали поэму, что первоначальная ее редакция утратила для Вас значение? К тому же не исключено, что поэма уже даже в печати — Вы ведь хотели как будто с этим поспешить?..

Жду указаний Ваших! Жена шлет Вам свой сердечнейший привет, а мы оба поручаем себя молитвам Вашим, радостно вспоминая недавнюю нашу с Вами встречу!

Мое большое горе — смерть Ю. В. Офросимова, попрощавшегося со мно такой прекрасной (заказанной ему Гулем без моего ведома) статьей в № 88 Нового Журнала.

Поэтическая чета Кленовских-Осинкиных сердечно поздравляет Вас с Праздником Рождества Христова и шлет свои наилучшие новогодние пожелания, как Вам лично, так и новому Вашему творению!

Будьте спокойны: первоначальный его скелет предан в моем присутствии пламени. Очень интересуюсь, какой феникс возродился из сего пепла и какой облик обрел он в своем новом перевоплощении (а Вы еще в него не верите!). Заботит меня несколько Ваше решение опубликовать часть поэмы в Н.Р.С., то есть, в газете, где всегда возможны (в Н.Р.С. они даже в порядке дня!) всяческие, особенно губительные для поэзии опечатки. Вообще, это не «трибуна» для серьезного и большого поэтического произведения. Другое дело, конечно, Новый Журнал. Жаль, впрочем, что это опубликование в Н.Ж. задержит выход в свет книги. Думаю, что Вы напечатаете ее впрок и подождете только для выпуска ее «на рынок» выхода соответствующего № журнала. Я Вам уже писал в письме в Нью Йорк (не знаю, получили ли Вы его), что я беру назад сделанные мною при встрече соображения, что верстать октавы поэмы надо подряд, а не по одной на страницу, как хотели Вы. Вы, конечно, пра-

вы, именно по одной надо их верстать, поскольку очень многие из них живут собственной жизнью и ценны сами по себе, вне их места в поэме.

Представьте себе, что и мне этой зимой что то пишется. Написал около двух десятков стихотворений, которые постепенно пойдут в «Мостах» (они возрождаются, хоть и с трудом, из пепла), и в Новом Журнале, первая партия должна появиться в 89 № сего последнего.

Зима, морозно, много снега. Не люблю я это время года! Оно не для стариков со своими скользкими тротуарами — при моем росте они особенно опасны!

30 дек. 1967 г.

Сочельник Рождества Христова.

6-го января, 1968 г.

Дорогие поэты! Благодарю Вас за Ваше теплое праздничное приветствие.

Для меня было рождественским подарком в нем — сообщение о рождественском подарке *Вам,* привезенном Фоглем. Молодец, хвалю его и обнимаю его, за ультра-монашеское его «послушание». Это поэт «не слов, а дела» (и — впереди нас, «словесников», войдет в Царство Небесное). Прошу Вас, переведите эту всю предыдущую часть письма на немецкий язык и — пошлите брату Максимилиану в Маттигхофен, с моим здесь прилагаемым и добавочным еще самым теплым приветом и пожеланиями ему (как и его сестре Ильзе) благословенных дней, от Господа родившегося в Вифлееме... Добавьте еще, что, если буду жив и здрав, то в 1968 году, летом, должен буду участвовать в Генеральной Ассамблее в Уппсале, в Швеции, и уже кое кто меня приглашает залететь в Вену... Хотел бы повидать где либо в этом году и милого «брудера Максимилиануса»...

А Вам, поэтам, надо подарить какую либо сказочку, подстать зиме траунштейнской, ветрам, трудностям, немощам, а также Поэзии. Вот она, обратитесь в детей и — получите ее!

СКАЗОЧКА О МЭТРАХ, КИЛОМЭТРАХ И САНТИМЭТРАХ ПОЭЗИИ

(из Траунштейнского средневековья дошедшая)

Жили-были в мире мэтры —
Киломэтр и Сантимэтр.
А вокруг свистели ветры,
Был недобрым каждый ветр.

Мэтра высшего — клонило,
Небольшого мэтра — било.
Но талант, как элефант,
Высшей прочности гарант.

Всяк талант — талант упрямый,
Жизнь проносит через ямы.
Киломэтр дает упор
Сантимэтру до сих пор.

Сантимэтр не потерялся,
Он большим земле казался, —
Так что, право, à la lettre,
Стал он Полу-киломэтр.

Киломэтры Сантимэтров
Воздвигают, как поэтов,
Открывая их в длину,
В ширину и в вышину.

С новогодним шлю приветом
Сказку маленькую эту,
Дорогим большим поэтам, —
Киломэтрам, Сантимэтрам...

Благодарю за исполнение моей просьбы: очищение огнем — Поэмы. Какова она, очищенная в огне, судить не мне.

Я согласен, что даже литературный отдел воскресного № газеты — не лучшее место для поэзии. Но, на моем чте-

нии в Нью Йорке, М. Еф. Вейнбаум попросил меня дать в «Н.Р.С.»; а потом, когда был у меня в Н.Й., даже конкретно предложил «давать по главе — в каждом воскресном №. Отобрав три главы (9, 10 и 11) для Р. Гуля, я согласился на предложение Вейнбаума (я не хотел стеснять Гуля предложением бо̀льшего, чем три главы, материала для мартовского № «Н.Ж.», так как не хотел вызывать «продолжение» и тем оттягивать выход книги, которую хотелось бы устроить к апрелю, то есть, к весне «второго пятидесятилетия» Октября...). Я думаю, все же, что некоторые плюсы опубликования Поэмы и в «Н.Р.С.» будут иметься на лицо. Она ведь комбинирует с лирикой и щепотку соли и перцу на хвостище Октябрю. И чрез «Н.Р.С.» больше шансов имеет, преодолев дырки Железного Занавеса, проникнуть туда на сцену и за кулисы Октября. Все же, кое чему из 20.000 экз. «Н.Р.С.» проникнуть «туда» в вырезках удобнее, чем какой либо книге из 2 000 экз. »Нового Журнала» (он «туда», главным образом, лишь в большие библиотеки попадает)... А то, что в Поэму «домохозяйки» где то будут завертывать бутылки или башмаки, это участь генеральная нашего брата в мире... Разве только «подарочные» издания Собрания Сочинений Кленовского избегнут в будущем этой участи.

Во всяком случае, всякий, кто захочет, — сможет потом остановить «более долгий взгляд» на Поэме, собранной в книгу. А то, что Вы пишете мне по поводу стихов и газеты, написал мне и Адамович. Это очень всё верно. Но, иногда приходится поэзии ехать и «по третьему классу» (и может, это одно из ее испытаний, как металла — «на разрыв»...)

15 января, 1968 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка,

Получил Ваш дорогой рождественский привет. Спасибо за два приложения к нему: материальное и духовное! Стихи Ваши доставили нам много отрадных минут, порадовав нас двояко: во-первых, Вашим таким теплым и душевным

отношением к нам обоим, а во-вторых — бодрым и радостным состоянием Вашего духа! Стихотворение Ваше и по теме и по исполнению просто замечательное, и мы с наслаждением перечтем его еще не раз!

Сестра Пастернака, живущая в Англии, порадовала меня сообщением, что 3 экземпляра моих «Стихов», посланные ею друзьям в Москву по почте, благополучно дошли по назначению. Чудеса! И еще несколько экземпляров, перевезенных возвращавшимися домой советскими артистами, «туда» пробралось.

С нетерпением жду возможности прочесть Вашу поэму в ее переделанной Вами, а потому новой для меня, редакции.

Порадовало нас Ваше сообщение о поездке этим летом в Европу и особенно тем, что в Вену заглянете. Трауништейн лежит ведь на прямой линии Вена — Нью Йорк, и мы надеемся, что Вы к нам заглянете!

Д. К.

4 апреля, 1968 г.

Принстон.

Милый Дмитрий Иосифович! — привет шлю Вам и доброй Осинкиной шлю — из некоего центра учёности, Принстона, штата Нью-Джерзи, куда, после Нью Йорка и своих дел там, заехал на несколько дней. А 5-го сего месяца, буде воля Божия, предполагаю на маленьком аэропланчике (отсюда курсирующем) лететь на главный аэродром Нью Йорка; и оттуда, по устаревшему выражению, «взмыть под облака» и — вернуться в Сан Франциско.

Благодарю за Ваши праздничные пожелания и Вам желаю от Господа Сил — сил духовных (и биологических, всяких)... Видел в № 90 «Нового Журнала» (Гуль в Н.Й. принес мне этот №, который сейчас брошюруется и выйдет на днях) Ваши прекрасные стихи. Увы, в стихах... проступает это-то «противуположное небесному». Но сама те-

ма «небесного», видно, его мучит. Надо учредить специальную молитву о поэтах (не забывая и — прозаиков), чтоб светло — царствовали над своим вообржением творческим и умели «различать духов». С апостольского времени, это особый харизматический дар, которым далеко не все пользуются. Но, конечно, только дух веры светлой и надежды истинной (не говорю уже о Любви — Агапэ) может руководить поэзией.

В этом же № «Н.Ж.» отрывок из 3 главы моей поэмы дан как бы в виде «прозы, окруженной поэзией» — Вашей и Л. Алексеевой (то есть, Вашей плеядой поэтической). Далее, в № есть и другие стихи, и их не мало, — что поделать, — поэзией очевидно журналу легче «козырять» (как Прутков советует: «козыряй!»), чем художественной прозой зарубежной. Статьи же честные о револююии и о литературе, это другой еще «козырь» зарубежный и гулевский... Вам бы надо было бы, часом, засесть за что либо и прозаическое. Проза к поэзии, как гарнир к жаркому.

О том, что 11глав поэмы моей появились и в 5-ти №№ воскресного литературного «Н.Р. Слова», я не жалею, хотя вполне понимаю Ваши мысли о газетных стихах, вернее стихах в газете, и разделяю Ваше мнение. Но, в данном случае, это, может быть, поэме не повредит, а «просочиться в Россию ей облегчит...

Надеюсь, у Вас уже весна, и поэты оттачивают карандаши (и перья гусей баварских).

Обнимаю Вас

Ваш А. И.

15 апреля, 1968 г.

Глубокочтимый и дорогой Владыка,

Получил Ваше письмо от 4 апреля, которое порадовало нас хорошим настроением.

Правильно это Вы насчет «молитвы о поэтах»! Вот так и видишь, как поэт хороший и светлый сворачивает на ка-

кую то темную и узкую тропу, а сказать ему об этом словно и нельзя, решит, что это от зависти или косности. Только и остается что молиться!

А что же поэма Ваша, книгой еще не вышла? Печатается, вероятно?

С наслаждением читаю «Грасский дневник» Галины Николаевны Кузнецовой — там о Вас несколько раз хорошо сказано. Дневник образец того, как, при таланте, художественной честности и тактичности, можно писать о каждодневном так, что оно становится значительным. Особенно радостно ощущаешь это после «воспоминаний Одоевцевой («На берегу Невы»), где совершенно не веришь стенографической, на многие десятки страниц, передаче высказываний полувековой давности. А цитаты из поэтов почти все перевраны! Если Одоевцева их не запомнила — как она могла запомнить разговоры!? А пишут из Н.Й. что и книга и вечер О. там имели большой успех, зал не вместил всех желающих; и многие ожидали на улице, чтобы, по окончании вечера, получить автограф. Странно: книга ведь на сугубого любителя и знатока пеэзии — откуда, вдруг, такой интерес широкой публики? Оно, конечно, отрадно, но непонятно!

Недавно узнал, что выступавший в Мюнхене Булат Окуджава расспрашивал обо мне и пытался встретиться со мной, но из этого, к сожалению,ничего не получилось, так как обращался он к людям, не знавшим моего адреса. Но и без встречи, известие это меня порадовало, так как свидетельствует, что мои, просачивающиеся в СССР книги, там читаются, притом, даже поэтами и повидимому заинтересовывают, так как иначе Окуджава не искал бы встречи со мной...

P.S. Очень изменился ко мне Гуль. Отвечая на каждый мой присыл стихов, называет их «прекрасными» и помещает на первом месте. Удивительно!

Д. К.

ПОЭТУ, КОТОРОМУ «ЗА 70»

«...к моему удивлению,, — пишется».

(из письма поэта)

Май тебе пропишет ижицу,
Ой старик, поэт-старик!
Удивляешься, что «пишется»...
Как ты к сердцу не привык?

Говори-ж с залетной птичкою
О Флоренциях своих...
Май тебя еще напичкает,
Май тебе пропишет стих!

1968 г.

19 апреля, 1968 г.
Сан Франциско.

Пасхально обнимаю поэтов —

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!

Желаю радости в крепости и крепости в радости...

Это хорошо характеризует Булата Окуджаву, — что искал встретиться с Вами, дорогой Дмитрий Иосифович. Если бы к его кавказскому имени Булат еще добавить сербское имя Злата, то получилась бы очень синтетическая, для современного мира, пара супругов. Опасаюсь, что от них миру сему не вырваться до конца своего. Но, в поэтическом видении мира Окуджавы нет ни «булата», ни «злата»; и это освежительно... Я убежден, что он верует в Господа Бога (его мир — светлый, человечный...). Побольше бы таких поэтов в СССР, которые «понимали бы Кленовского»... Я согласен с Вашей оценкой книги Г. Кузнецовой. Это книга *большой писательской культуры* и духа зрелого,

человечного. Что касается разговоров И. Одоевцевой, то это другая тональность. Это своеобразное творчество поэтико-прозаическое: «Si non e vero e bel trovato» (можно было бы сказать о некоторых ее страницах). А мастерство есть и в ее прозе. Что касается до внимания к ней слушателей в США, как Вам сообщают об этом, то ведь у ней утешений не так уж много в жизни, чтобы надо было жалеть об этом доставленном ей маленьком удовольствии. К тому же ей ведь несомненно 70 «с гаком», и — честь ей — можно отнести так же к поэзии вообще: «Берегите поэтов», правильно сказал Окуджава. Если их немного и побалуют, вряд ли это сильно уравновесит все то легкомысленное, что про них пишут (когда о них не молчат).

13 мая, 1968 г.

С нетерпением поджидаем Вашу поэму в ее цельном и окончательном отделанном виде. Что пошла она частично и в газете — это хорошо, она тем привлекла к себе шире внимание.

Мы очень тревожимся за наших друзей в США, в связи с расовыми там беспорядками. От иных поступают очень тревожные письма, видно сильно изнервничались. Как на этот счет в Ваших краях? Как будто в Западных штатах в этом отношении легче? Кое кто из моих знакомых даже ружьем обзавелся.

Стихи Ч. в № 90 Н.Ж. огорчили меня очень... Поистине, нужна молитва о поэтах! Кому как ни Вам ее составить и читать! А ведь началось всё с надуманности и жеманства — и вот как малый грех постепенно привел к большому! А когда то поэт хорошо писал о стране «где даже одуванчик сохранится», о пуле-жолуде и — «острый угол подушки, как больное крыло»...*

* Сетование на поэта может быть высшей любовью к нему и его поэзии. Особенно, если это подлинный поэт, как в данном случае.

2 июня, 1968 г.

Прошу Вас об одной услуге, а именно: мне для одного стихотворения необходимо, как эпиграф, небольшой текст из Ветхого Завета, притом на славянском языке. Я пытался достать его через европейских знакомых, но у всех, конечно, имеется только Новый Завет. Так что приходится потревожить Вас! Речь идет о горлице Ноя, принесшей масличную ветвь, и нужен мне текст из 8-й главы первой книги Моисея, от 8 до 11 стиха включительно. Будьте другом: поручите их кому-нибудь переписать и пришлите мне! Стихотворение на эту тему у меня уже есть, дам в Новый Журнал.

Издана ли уже отдельной книгой Ваша поэма? Читая ее в отрывках в Н.Р.С. и Н.Ж., все больше проникаюсь общим ее содержанием и духовной глубиной и красотою отдельных октав. Замечательная вещь!

Гостей у нас этим летом не предвидется. Из-за событий во Франции многие боятся ехать в Европу. Нас эти события тоже чрезвычайно тревожат. Ведь если во Франции восторжествует коммунизм — Германия очутится, уже чисто географически, между молотом и наковальней, и ей тогда тоже не сдобровать, тем более, что и у нас становится все неспокойнее.

Возможен ли Ваш приезд в Европу? Как хотелось бы еще повидаться с Вами!

Д. К.

14 июня, 1968 года

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Книга Странника будет, надеюсь, уже в июле подарком для отдыхающих. Некоторое количество ее прибудет на германский склад, к доктору Алле Сергеевне Селаври в Штуттгарте (оттуда, по мере надобности, будет направляться в другие места). Книга вышла уже и *вид ее хороший* (содержание — не мне судить!). Несмотря на многие корректур-

ные просмотры (и типографией и мной), представьте, в книгу затесался «бесенок типографический» («Druckteufel») и обнаружились три неполадки. И явилась оттого нужда во вложении в книгу листочка позади, с указанием привильного чтения двух слов и одной строки.

Что касается волнений студенческих, то человечество просто истосковалось по потасовкам военным и коллективному насилию. Ведь сильного кровоизлияния не было уже столько лет (сколько прошло между войнами первой и началом второй). Бедное человечество. Лихорадит его опять, и преисподняя рвется опять дьявольски наводнить землю, так как *земля остается при своих страстях, не молится как надо Богу, не слушается заповедей Господних,* а пребывает в темных амбициях и нечестивых вдохновениях.*

Но есть процессы и положительные на бедной земле (Чехословакия, если говорить о социальных сдвигах, одна чего стоит!). Не будем смотреть на мир только сквозь черные очки. Божье ярче, чем дьявольское. И не будем бояться, дорогие, — ниже земли все равно не упадем. И уж если придется в землю падать, то по всем углам мира пойдет этот коллективизм. Только бы душа окрылилась и вздохнула светло в этот момент. В этом все. И пошла бы ко Господу с масличной веткой в сердце. Ведь голубь Ноя, после потопа, — образ души. Шлю цитату библейскую, по-русски. У меня есть одно стихотворение на эту тему.

А. И.

P.S. От 3-го до 19-го июля, мой адрес должен быть: c/o Fourth Assembly WCC. Uppsala. Sweden

Из пьес Клен-го, что в Н.Ж. № 91, отдаю предпочтение второй половине. Реализм первой пьесы скорее гофмановского стиля.

---

* А кто Господних слуг, ангелов чтит? Сами знаете, мало кто из поэтов, которые сильны больше по части словесной эквилибристики.

21 июня, 1968 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка,

Спасибо за библейскую цитату! Но, сколь красивее славянский текст (мне удалось и его раздобыть)! Объясните мне только, почему по славянски *«голубица»*, а по-русски «голубь» — почему такое в двух текстах различие? «Голубица» звучит как то уютнее! Или переводчики решили, что женщина ненадежный исполнитель поручений?

Я не знаю, в каком порядке разместил Гуль мои «пьесы» в № 91, и самого №-ра еще не имею; но недоумеваю, какой из них можно приписать «гофмановский стиль» (как Вы выразились)? Может быть, стиль не фантаста Эрнста-Теодора-Амедея, а его... русского однофамильца Виктора Гофмана, с его, столь пленявшими в свое время барышень стихами («...и близость чьих то длинных, длинных, красиво загнутых ресниц...»).

Сердечнейший от нас обоих привет!

14 октября, 1963 г.

Из Н.Р.С., которое получаю с двухмесячным опозданием, узнал, что Вы уже в августе покинули Европу. Не соблазнились, значит, философским конгрессом в Вене.

Вскоре, после нашей встречи, получил я десять экземпляров Вашей книги, пожертвованных мне Вами для моих друзей (и друзей Вашей поэзии). Сердечное Вам за них спасибо. Пошли они тогда же в разные части света, в том числе в Южную Америку и Австралию, и почти отовсюду поступили сообщения, что они получены, и просьбы передать Вам самую горячую за них благодарность. Еще раз убедился, что у подлинных поэтов гораздо больше друзей, чем они полагают.

Мы с женой все это время живем в большой душевной тревоге. Сперва очень тяжело пережили мы (и продолжаем

переживать) советскую расправу с несчастной Чехословакией. А за последнее время прибавилась к этому тревога и за самих себя. Ведь советчики не перестают твердить о том, что они имеют право (по какому-то глупейшему пункту договора между победителями последней войны — сколько таких глупостей было натворено западными союзниками!), что они, повторяю, имеют право вторгнуться в Западную Германию, чтобы расправиться с пресловутыми немцами «ревеншистами» и «империалистами». Для нас лично окупация Западной Германии советчиками явилась бы гибелью. Ведь мы с женой, как так называемые новые эмигранты, по советским законам являемся изменниками и предателями родины, за что нам грозит кара вплоть до смертной казни.

Душевно Ваши

Д. Кленовский

22 октября, 1968 г.

Сан Франциско

Дорогой Дмитрий Иосифович,

«Пишу я эти строки в октябре,
На берегу Большого Океана»...

(Подражание Страннику).

Ваши приветы дошли до меня. Прошу их, оттолкнувшись от берега Американского — Тихоокеанского, опять полететь к Вам и приветствовать Кленовского с Осинкиной и птичек (Vogl) всех на их древах. Да, я решил не оставаться в Европе и не ехать на Конгресс Философский в Вену. Скопились деловые обстоятельства в Сан Франциско... 100-летие Прихода моего Кафедрального, Большой Архиерейский Собор в С.Ф. etc. etc. (не говоря о новых Беседах к России). В Брюсселе повидал сестру мою по плоти, Зинаиду (которая теперь вступила в Париже, в главное ре-

дакторство в «Русской Мысли»), и оттуда — полетел чрез океан... Даже во Франции не был этот раз.

Это приятно, что Вы чрез книжечку Странника кое кого утешили своим вниманием. Да, надо утешать людей, чем только можно. (И в добре, есть, должно быть свое — и «мытье», и «катанье»! Но я бы не хотел, чтобы эти посылки нарушили Ваш бюджет: для выправки его шлю зелененький листок древа, зеленеющего и зимой...

Отзывы утешительны, по разным линиям. Но, есть и другое: один поэт решился написать мне, что считает поэму «неудавшейся».

Посылою Вам фотокопию его письма, взвесьте его аргументы, оцените «со стороны». Буду Вам признателен.* «Du choc des opinions jaillit la vérité».

«И нам, конечно, тоже здесь к лицу
Себя прибрать, во всем смиренно каясь».

Если какая либо завируха в Европе созреет до ягодок (чего не думаю в настоящее время), ориентируйтесь на Калифорнию. Всем тут место будет.** Но тайна ухода из этого мира всё та же и в Калифорнии.

ИЗ ПИСЬМА СТРАННИКА ПОЭТУ М.

15/10/68

«...Моя поэма, если хотите, построена в ключе сонатном — двух тем, двух русл, но вместе идущих и сливающихся в нечто единое и необходимое в жизни и в поэзии, не только стилистически нужное, но и, по существу,, составляющее поэзию. Сочетание строя, порядка логоса, гармонии с ветром творческим иных измерений бытия. Ценно единство в соединении времени и вечности. А главное, что нужно, это сублимация поэзии, ее человеческого смысла, как явления не литературы только и, тем более, не профессиональности (в которую ее иногда обращают поэты), но самой сущности жизни.

---

* Опасаюсь прельщений авторских.

** Какие бы нужно бумаги, мы выслали бы в Американское Посольство — для эвакуации.

Поэтов нельзя уподоблять «союзу музыкантов, играющих на кларинете» (или габоне). Для языка, как его дыхание и развитие, я могу оправдать и формы специфической а-логической инструментировки. И в звуковом «шлаке» поэзии (подлинной) можно найти нечто ценное.

В конце Вашего письма, Вы смиренно допускаете возможность необоснованности в Вашей оценке. Это благородно с Вашей стороны и показывает правдивость Вашего чувства. Трудно мне самому сказать о степени объективности того, что Вы написали. Не мне судить. Пока что, я вижу то, *совсем разное,* что — одинаково верно — люди в ней воспринимают. Я думаю, что в поэме есть несколько этажей и много *окон.* И дверей тоже достаточно, чтоб входить в нее и выходить...

Что касается формы ямбических октав, то, например, эта — нарочито немного *прозаическая,* автобиографическая и «эмпирическая» вязь, некоторым более понравилась, чем то вводное в поэму, что Вам, и еще иным более по душе.

Мне лично, как то нравится сочетание того и другого, — диалектики разного стиля и разных измерений бытия. (Кое что я даже изъял из первоначально «вводного» текста поэмы, что я еще читал в Париже и Европе. Например, «Песнь об электроне», «Лугано»...).

Желаю Вам всего доброго и, главное, вдохновений и созерцаний своих домашних звезд, своей домашней бездны океанской...

8-е ноября, 1968 года

Милый Дмитрий Иосифович,

Откровенность критическая, где есть сердце, мне ценна более, чем похвала стандартности и вежливости. Конечно, «поощрение нужно художнику, как канифоль смычку виртуоза»; но критика что то к тебе и к твоим стихам добавляет, если она умна и справедлива и умеет находить *твою позицию* и рассматривать ценность стихов твоим поэтическим критерием. Это вы, конечно, и понимаете и оттого

не упрекаете меня за «вольный» характер моих октав. Да они таковы, и здесь отчасти даже мое оправдание от обвинений в *консерватизме* поэтическом, который выражается для некоторых в счете римскими цифрами октав.

Но, мне кажется, «Упразднение Месяца», не будучи модернистическим произведением, как «Треугольная Груша» А. Вознесенского, есть, однако, произведение не 19-го века, а 20-го и даже второй его половины. Мне определенно желалось, в замысле поэмы «Упразднение Месяца», перевести современность с дорог утомительной и духовно бесплодной словесной эквилибристики и стилистического сальто-мортале на дорогу духовного углубления и освобождения поэзии от «глуповатости», за которую нередко тоже хватаются поэты, как за метод выражения поэзии, как игры. Мне кажется, поэзия не должна «эпатировать буржуа», ни «хождением на голове», ни другими кунст-штюками. Ни из какой словесной экстравагантности (самой по себе) не извлечешь ни миллиграмма «радия» духа, излучающего гармонию сердца и мудрость ума человеческого (что столь нужно). Человек стал многоговорлив, но перестает быть *словесным*. И на поэзии это отражается широко и по разному... Тут должна помочь *поэзия Логоса*. Она — моя, хотя и в слабом растворе. *Восстановить тайну слова, как отсвета Слова и чего то глубоко отличного от блеяния, мычания, кудахтания, лая, рычания и т. д., во что и пред Октябрем уже стала сваливаться русская поэзия.*

Формально, я избрал средний стиль в моей поэтике. Может быть, он меня сам избрал, не знаю. Играть «лесенками» строк совсем нет охоты, хотя я допускаю, что и это в подлинной поэзии возможно. Но, большинство словесно-строчных «лесенок», если их расположить обычной строкой, окажутся пустышками. Дело не в этом. Но ясно я чувствую, что так называемые *«старые формы поэзии» себя не изжили.* Так и в мире шахмат (боле, конечно, суетном, чем поэзия) не оскудевает новизна комбинаций и действия личности человека. А в поэзии и подавно. *Возможность сочетания слов и строк почти безгранична, в любой поэтической форме. Я думаю, что сейчас созрел русский язык для одухотворения классических форм его, как поэзии, так*

и прозы. Дело не за формой, а за человеком, за самим поэтом. Он должен дать русскому народу подлинный дух истины и гармонии. Логос должен светить чрез русское слово (и — всякое слово) всё более... Это зависит только от поэтов, так как Сам Логос открывает Себя в мире, где только находит Себе отражение для «света второго» в творении.

Конечно, вольность октав я не буду менять, — она «входит в программу» мою поэтическую. Но, над отдельными строками я работал до последней корректуры. Правда, поэзии словесной я не мог отдавать всего моего времени и — Вы правы — не хотел задерживать издания сего «юбилейного».

Теперь о последних двух стихотворениях. Одно замечание Ваше критическое, мне думается, основано на недоразумении, то есть, *иночтении*. Не *рука* «приходит *из* рая» (строчка 3-я 2-ой строфы), а вечность: «Искрывается вечность* и снова приходит из рая» (здесь можно поставить точку с запятой или даже точку, чтоб не думали, что тут дело в *руке,* которая «приходит из рая»; такой образ был бы грубоват, на мой вкус. Рука же «сама по себе» пишет буквы над миром. И, конечно, имеет отношение к вечности).

В 1-й строке 2-й строфы Вы мне не даете выйти «из строгого канона грамматики». Все поэты выскакивают, как летающие рыбы из океана, на несколько метров вверх от грамматики, а Вы мне не разрешаете даже на полвершка подпрыгнуть и выпрыгнуть из условных ее форм. Смиряюсь пред кило—мэтром. Придется тут как-нибудь так устроить строчку (шью пока на «белую нитку»): «Мы не знаем богатства земного. И даже** не знаем...» Первые строки 3-ей строфы так я устроил, пока:

«Нет, о нас не забыли, о нашей любви не забыли,
Но все то же над миром сияние чистых вершин»...

Строка новая, как видите, и мысль общая понятна, хотя остается «метафизичной». «Мене текел»... пишется

* *скрывается — в Рай,* откуда она потом снова приходит, как волна, выходящая на берег времени.

** «даже» вместо «долго»... Я думал, что Вы будете более либеральны. Но — нет! Уважаю седины.

над миром, не над нами, не над нашей любовью, а над временным бытием земли. Что касается другого стихотворения и значения слова «безответный», безответного», — то я ему тут придаю определенное значение лика кротости, смиренности, «беззащитности» духовной, органической неспособности к самооправданию, к спорам (в свою пользу), и т. д. Безответны *так* будут праведники на Суде, которые не будут знать, в чем их правда. Они себя в мире почитали *безответными* пред Богом, в покаянности и смиренности духа своего...* Понятие и значение этого слова не умещается в Словаре, но оно реально для русского языка. Последнее Ваше вопрошание. В Русской Библии Синодального издания, в 5-й главе Книги Даниила, в стихе 25-м, так сказано: «И вот, что начертано: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН. Вот — значение слов: МЕНЕ — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ — ты взвешен на весах и найден очень легким; ПЕРЕС «разделено царство и дано Мидянам и Персам». Стихи 26, 27, 28 объясняют значение этих слов и включают слово ПЕРЕС (которое произносилось в нашем детстве «Фарес», Вы правы)... Может быть, в немецкой Библии сказано по иному?

P.S. Конечно, надо стать Лермонтовым поэту, чтобы ему не вменяли: «...*Из пламя и света.*

Рожденное слово» (Даже смакуют литературоведы — это «пламя»!).

18 ноября, 1968 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

С большим интересом прочел Ваше письмо и нашел в нем много ценных высказываний о самом существе поэзии — согласен с ними всецело! «Не из какой словесной экстравагантности (пишете Вы) *не извлечешь ни миллиграмма радия духовного,* излучающего гармонию сердца и мудрость

* расшифровка «блаженства нищих духом».

ума челоевческого». И далее: «Я думаю, что русский язык созрел для *одухотворения классических форм его* в поэзии и в прозе». Вот таких замечательных строк рассыпано в Вашем письме много, и хотелось бы пожелать, чтобы эти мысли не остались только в личном письме, а были бы вынесены на литературную «трибуну», в поучение поэтам и критикам поэтов.* Ваши мысли не только значительны, но и очень своевременны, поскольку сейчас даже поэты отменные, вроде того-же М., все более соблазняются «блеянием, мычанием и кудахтаньем». Вспомним Ходасевича:

Жив Бог! Умен, а не заумен,
Хожу среди своих стихов,
Как непоблажливый игумен
Среди смиренных чернецов!

И далее:

Я — чающий и говорящий.
Заумно может быть поет
Лишь ангел, Богу предстоящий,
Да Бога не узревший скот
Мычит заумно и ревет.

Кстати: если у Вас нет «Собрания стихов» Ходасевича (издание Берберовой, 1961 г.), — могу прислать, у меня есть второй экземпляр.

«*Одухотворение классических форм*» — было всегда моей поэтической целью! Другое дело, насколько мне это удалось! Но так или иначе, в № 92 Нового Журнала Чиннов в статье о поэзии упомянул, что «Кленовский многих духовно питает». Если это можно сказать обо мне, то *насколько вернее и справедливее относится такое утверждение к Вам*! И вот именно потому, что Вы «духовно питаете», я и придираюсь порой кой к чему в Ваших стихах! Ведь питание надо донести до человека верной, не вздрагивающей рукой и на гладкой, без зазубрин, ложке, дабы ничего не расплескать и вкушающего не поцарапать; ибо в

* Сие пожелание Кленовского и исполняется в данной публикации — биографической и литературоведческой.

этих случаях питание не будет принято и воспринято и пропадает даром. В связи именно с этим, Вам, дорогой Странник, даже на полвершка из грамматики выпрыгивать не следует!* К тому же, Ваш полет направлен в заоблачные пространства, к чему же над водичкой подпрыгивать!?.. Я замечаю, что иногда у Вас в стихах получается логическое смешение образов и понятий, что вызывает недоумение, сомнение, инопонимание и тем мешает восприятию читателем полета мысли Вашей. Мне кажется, что это у Вас от поспешности в творчестве, некоторого иногда недостатка строгости к словесному оформлению своих, обгоняющих форму мыслей.** Я заметил, что всякая оценка и «критика» возвращает Вас к написанному, заставляет проверить его и себя. Почему не сделать это раньше и самому? Вы на меня, дорогой, не сердитесь! Именно потому, что я чувствую и знаю *значимость* Вашей поэзии — я так о ней рассуждаю!

Самый теплый привет от Осинкиной и самые глубокие душевные мои к Вам чувства!

Д. Кленовский

26-е ноября, 1968 г.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Совершенно согласен с тем, что Вы пишете. Я думаю, *мы верно прощупываем лучшие пути поэзии и русской поэзии*. Мне очень ценна критика, вдумчивая, единочувствующая — в особенности. Но, даже критика и с «другого берега» поэтического ценна, если она поясняет свою позицию, свои оценки. Оттого мне было жаль, что М. не раскрыл своих позиций и не обосновал своего общего поло-

---

* Утешительно верен Кленовский своему перфекционизму. Это так ценно в поэте и человеке. А.И.

** Какая правда в мышлении. А.И.

жения, односложно-выраженного. Это хорошо так сказать, как сказал Пушкин, определяя поэта, его сущность:

«Ты — царь, живи один», —

но, при всем одиночестве своего царствования, царь (если он не деспот) связан с народом своим, и с другими царями и их народами. *Царь* — не абстрактная личность, но входящая в симфонию всей жизни. Его функции связаны со своим народом (даже *с соседними* народами) и *с подобнозвучащими царями,* другими , призванными на поэтическое царствование поэтами. Установив это, мы можем отдаться и созерцанию своего «царствования» творческого; оно является, конечно, условием самой *возможности* поэзии, как явления *неповторимо-личностного.* Именно в поэзии (и во всем искусстве) совершается преломление в мире этом луча личности человеческой, как образа и подобия Божьего, является воочию людям неповторимость человеческого бытия. Оттого грешно оригинальничанье. *Грешно искусственное творение своеобразия, своей личности чрез разные выкрутасы умственные и стилистические.* Стиль личности, однако, не связан с единичным стилем в искусстве; он шире; потому и поэты, перепевающие себя, подражающие самим себе (даже хорошим своим особенностям) скорее мешают своему личностному раскрытию.

Вы правы, что сопряженность моей поэзии с другими делами моей жизни свойственными моему положению, может мешать остроте видения недоделок в моей поэзии. Но есть не только элемент минуса в этом *моем частичном погружении в литературу,* ее проблемы, волны и потоки различной, специальной ее проблематики. Я даже этому рад, что мой корабль может искать сам себе нужную глубину, не слишком связанный с литературными гаванями земли сей. В этом смысле, я бо̀льший *странник,* чем Вы (и этим даже, иногда, смущаю Вас). Аполлоническое начало в Вас счастливо оберегается Вами. А у меня есть еще и «тяжелозвездные (созерцательные) туманы», рядом с этим милым Вам и мне «прозрачным воздухом земли».

Но не очень бойтесь этой моей «тяжелозвездности» ночной. Это не «дионисийное» начало, не противополож-

ное «аполлоническому», а, если уж подыскивать ему определение, это апофатическое, *ночное* видение мира, созерцание вещей. Оно не чуждо Логосу, оно близко Ему, оно даже связано с познанием Его в этом мире. Логос, это не только «Свет, просвещающий мир», но это и Тьма Божественная, великий святой Покров над всеми вещами и понятиями этого мира...

ТРАУНШТЕЙНСКАЯ ЭЛЕГИЯ О СТОЛЕ

Элегия возникла из сетования поэта на то, что у него «нет даже стола», для творчества (что не мешало поэту выпустить 10 хороших книг). Очевидно, суть была не в столе. Но, сетование сие было *творческим* и послужило рождению таких строк:

Кленовскому расширены владенья
И дворянином Пинда сделан он.
Ему дано треножное сиденье
И звуков нерожденных миллион.

Сиденье есть... а стол — еще в далеких,
Ему совсем неведомых краях,
Где зреют слов безмерные потоки,
Хранящие громокипящий прах.

Кто даст нам стол? Лишь рыбка золотая,
Которая свободу принесла...
У моря жил поэт, ее не зная,
Жена его смиренницей была.

Ни от кого они даров не ждали,
Но в час, когда над Царским грянул залп,
Открылись им лирические дали
И показались им отроги Альп.

Так начали они свое скитанье,
Стихи надеждой перед ними шли,
И было им дано в Траунштейне зданье,
В самом слияньи неба и земли.

Высокою доверчивой улыбкой
Встречала их чужая сторона.
Не клянчили они даров от рыбки,
Им комната в Саду была дана.

В цветущий сад им открывалась дверца,
И раем стал поэту сад земной.
Хранился он в больших просторах сердца
Смиренною и доброю женой.

И пел поэт. Стихи его все больше
К Востоку молчаливому текли,
Ревизьонизм производили в Польше
И революцию среди земли.

И на Руси рождались ожиданья —
Свободы, красоты искали там.
Все ширилось народное сознанье,
Свобода слова шла к земным устам.

Поэту песня счастье заменяла.
Все небо было близко от него.
И лишь стола ему недоставало,
Для счастия последнего его.

25.XI.1968 г.

13 дек. 1968 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил Ваше обстоятельное, интересное письмо с приложением «Траунштейнской Элегии».

Спасибо и за присланный в письме кусочек советской газеты со статьей Чуковского и стихами новооткрытого им поэта Воскресенского. Последние пришлись мне очень по душе. Едва ли однако, несмотря на рекомендацию Чуковского, будет издан сборник стихов Воскресенского, как

они этого ни заслуживают — в них ведь для этого не хватает советского глянца! Как жалко и бедно выглядит та газетка, где все это напечатано и которая носит гордое название: «Литературная Россия»! Отвратительная бумага, мелкий шрифт, экономная верстка, какая то нелепая виньетка, мутное крошечное фото...

Тот факт, что поэт М., в своей оценке Вашей поэмы не раскрыл своих позиций, вызван, думается мне, тем, что истихи Ваши ему столь же «не близки», как не близки они и другому поэту Ч. (см. статью в № 92 Нового Журнала). Когда, при таком отношении к *сути* Вашего творчества, судят о сем последнем, суждение это не может не быть хладным, в нем будет только «отдано должное» (ибо не «отдав» его, автор скомпрометировал бы сам себя). Вот и о моих стихах, несомненно по той же причине («отдав им должное»), Ч. написал, что они ему »не близки»...

*
* *

Очень огорчила меня неожиданная смерть поэта и композитора Дукельского. Он очень ценил мои стихи; чтобы лично познакомиться со мной, посетил с женой меня года 2 тому назад, посвятил мне последний сборник своих стихов (рассказав в нем к тому же обо мне в одном стихотворении), написал два романса на мои слова. Он был на 10 лет моложе меня. Умер он от рака легких, но никогда ни на что не жаловался. За какую-нибудь неделю до смерти написал мне очень живое и веселое письмо, только вскользь упомянув в нем, что после гриппа у него нашли какие-то неполадки в легких, и он едет в госпиталь на просвечивание. Немецкое радио посвятило ему 45-ти минутную передачу.

Многих друзей моих стихов потерял я за последние год-два: Офросимов, Месняев, Домогацкий, теперь Дукельский... Очень это горько...

Ну, а теперь и о хорошем, о новом обретенном друге.

Впервые за четверть века моего пребывания в эмиграции, получаю письмо с... советской маркой и московским штемпелем и читаю:

«Дорогой Дмитрий Иосифович!

Благодаря любезности Ю. П. Иваска, сообщившего мне Ваш адрес, я получил возможность написать Вам, моему любимому поэту, слова благодарности за Ваши чудесные стихи. Впервые познакомила меня с ними Анна Ахматова, очень тепло о них говорившая. Потом мне удалось раздобыть Ваш однотомник, и с тех пор Ваши стихи стали моей самой незаменимой драгоценностью. Я знаю почти все их наизусть и часто читаю моим друзьям». И дале, в том же духе.

Далее автор письма сообщает, что он недавно был в Царском Селе, поклонился там знаменитой «Деве с кувшином», «откуда пили ласточки и музы» (моя строка), и читал мою «Царскосельскую гимназию», «буквально в описанном месте». Вскоре в Комарово, у могилы Ахматовой, он «еще раз (в который уже!) поблагодарил ее за открытого мне ею поэта, ставшего моим любимым».

Через моих парижских друзей я узнал подробности об авторе письма. Это, как они пишут, молодой советский литературовед и поэт. Один, из встретившихся с ним в Москве «парижан», был им «очарован» и пишет, что «он и его окружение — лучшее, что есть в сегодняшней России».

Это письмо очень меня порадовало. Не своими похвалами и восторгами, а тем *фактом,* что в *сегодняшней России* нашелся *молодой,* причастный к литературе человек, которому стали так дороги стихи поэта-эмигранта. Для всякого, из числа сих последних, чрезвычайно важно заручиться в России таким другом своих стихов; ибо только чрез него эти последние смогут проникнуть туда и там сохраниться. Здесь иногда говорят, что моя тематика «для стариков»; и действительно, друзей моих стихов среди эмигрантской молодежи я не вижу. А вот «там», наоборот, к ним тянется молодежь. Я, в свое время, наверное писал

Вам, как полюбил мои стихи и увез с собой мои сборники целый ряд молодых артистов, гастролировавших на Западе советских балетных трупп. Недавно некоторые из них передали мне через третьих лиц приветы и благодарность.

Приятно было мне получить, уже в третий раз, подтверждение того, что мои стихи нравились Анне Ахматовой.

2 марта, 1969 г.

Моему московскому знакомцу я ответил на его письмо и теперь получил ответ на мое. Он пишет всё в тех же восторженных выражениях, сообщает, что часто читает другим мои стихи и что все слушатели говорят: «вот это настоящая поэзия»и меня «заочно полюбили». Самое неожиданное это то, что на каком-то, как он выразился, «студенческом концерте» был исполнен, кроме моих стихов, еще и романс на мои слова («В талом небе такие мокрые, акварельные облака»)!!! Вот этого я уж никак не ожидал!! Не будет ли «там» вскоре написана оратория «Упразднение Октября»!!?

Д. К.

5 марта 1969

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Вы зря огорчились, что я не сам выписал экземпляры книги Вашей для распространения. Дело в том, что у доктора С. есть склад моих книг и счет по нему, и мне удобней чтоб она Вам перевела по нему нужную сумму. Я писал ей не вместо того, чтобы написать Вам, а добавил к письму своему нечто для Вас, ради ускорения дела. Учтите загруженность мою, не только писанием писем и стихов! Знаете как ап. Павел мудро говорит нам: «любовь не мыслит зла» (всему доверяет, всего надеется, все переносит и т. д.). Вот бы тему взять для поэмы: 13, глава I Послания

к Коринфинам! Меня очень порадовали Ваши слова о том что стихи Ваши просочились, проходят в Россию. Это должно быть и я этому не удивляюсь. Все подлинное зарубежное туда дойдет, минуя все рогатки. В этом сомневаться нельзя. Даже «Упразднение Месяца», которое гораздо опаснее чистой Вашей лирики, туда проходит и я имею уже утешающие меня известия.* А Ваша лирика тем более должна быть вхожа туда. Хвалю тех, кто и на музыку Вас перелагает. Как раз ко времени наиболее трудных испытаний, для Вашего здоровья, до Вас доходят утешающие вести. Таков баланс жизни! В ней есть чудесное равновесие вещей. Но его не все видят, или не все правильно истолковывают.

А. И.

А сестре в Париж посылайте не только книги, но и начальные атомы их (самые стихи!).

Обнимаю Вас и призываю на Вас обоих милость Божию.

Ваш А. Иоанн

20 марта, 1969 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Тот факт, что мои книги просачиваются в сегодняшнюю Россию и даже находят там отклик — конечно же, чрезвычайно радует меня и создает, вероятно, «то чудесное равновесие вещей», о котором Вы пишете. Душевно

---

* Правда не против Странника, но против его сиамского близнеца ополчился в янв. № своем официальный журнал ЦК КПСС — «Коммунист». Не знаю, кому больше чести, журналу или «близнецу Странника».

это меня, конечно, очень поддерживает, но физически мне не легче. Окончательный диагноз: дегенерация (возрастная) сердца, вылечить нельзя, можно только стараться его поддерживать, дабы по возможности не допустить худшего.

Мне сейчас совсем не пишется, так что в Рус. Мысль мне просто нечего послать. А печататься в этой газете перестало быть «неудобным», после того, как Ваша сестра взялась за руководство ею. Не все печатаемые там стихи удачны, но общий их уровень, несомненно, повысился, и слишком «неприличного» соседства опасаться более нечего. Слышу от знакомых, что Зинаиду Алексеевну в редакции ценят и уважают.

Душевно преданный Вам Д. Кленовский

1 апреля, 1969 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка,

В № Рус. Мысли от 20-го марта, прочел Ваше прекрасное стихотворение об ангелах и глубоко тронут тем, что оно посвящено мне! Спасибо!

Газета под водительством Вашей сестры стала гораздо лучше, чем была. И сотрудники очень хорошо о новом редакторе отзываются.

Число друзей моих стихов, среди церковных пастырей — возрастает, что меня особенно радует. К Вам и к о. Алексею Павло̀вичу прибавился еще здешний епископ Павел, живущий в Мюнхене, но в епархию его входят еще Штуттгарт и Зальцбург. Сообщили мне об этом почти одновременно А. С. Селаври и одна мюнхенская знакомая. Обе пишут, что Владыка чрезвычайно любит мои стихи и непременно хотел бы иметь все мои сборники. Я послал ему сборник избранных стихов («Стихи») и «Разрозненную тайну»; а новый мой сборник он получил еще раньше от Селаври. Знаете ли Вы Владыку? Он, пишут мне, еще очень молод.

Хотя я начал рассылать мою новую книгу еще 22-го февраля, она еще ни до кого в США не дошла. В Европе, конечно, дело другое, и я получил уже много прекрасных откликов; притом, не из вежливости или жалости к угасающему поэту, а вполне искренние — это ведь сразу можно различить. Особенно хорошо откликнулись на книгу Борис Зайцев, Галина Кузнецова, Мария Ундер, сестра Пастернака Лидия, живущая в Англии, Прегель.

Я послал книгу моему новому московскому знакомцу, притом в двух экземплярах: один простой и один воздушной почтой. Но, дойдут ли? Ответа нет, хотя книги посланы свыше месяца тому назад. Впрочем, воздушная почта как туда, так и оттуда доходит лишь на 13 или 14-й день. Вероятно все прочитывается и заносится в досье! Как бы мой знакомец не пострадал за свои вкусы и симпатии! Удивляюсь его мужеству! Или за этим все же кроется какая-то ловушка? Но, кому я там, старый и больной, нужен?...

Д. К.

3 июня, 1969 г.

С начала марта не имею от Вас вестей... Надеюсь, что все благополучно?

О моей книге очень хорошо отозвался на этот раз Терапиано в Рус. Мысли. Без всяких придирок и оговорок. Так хорошо он обо мне еще никогда не писал. Были отзывы и в разных других изданиях, весьма хвалебные, порою восторженные, но по качеству очень посредственные. Критиками эмиграция не богата! Получил много хороших откликов от друзей, знакомых, собратьев по перу, а порой и от незнакомых, случайно набредших на мою книгу — эти отклики особенно приятны. Очень хорошо отозвались на книгу Адамович, Седых, Моршен, Лидия Пастернак (Англия), Ильинский, Прегель, Одоевцева и др. Многие считают эту книгу моей лучшей, с чем я сам, однако, не согласен. Она помоему менее для меня характерна, поскольку в ней скупее

затронута «моя» эзотерическая тема; но, может быть, именно это сделало ее для некоторых более приемлемой и приятной.

Д. Кленовский

21-е июня, 1969 г.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Мне казалось, я Вам сообщил о том, что «Певучая Ноша» до меня дошла. Уж раз Вы ее до Запада и Востока донесли, то и до меня ей дойти не трудно. Дошла она и утешила, как знакомыми стихами, так и кое-чем новым (нечто Вы мне и сами читали). Конечно, все стихи хороши, «как на подбор» («подбор» то и был!); но есть более, а есть менее «рационалистические» в Вашей плеяде. На стр. 21 — очень милое стихотворение, но из Вашего разряда «рассудочных». На стр. 32 строфы 1, 3 и 4 — тяжела форма (проверьте ка «на язык» последнюю строку и вторую строку строфы 3-й). Хорошее стихотворение на стр. 18, но опять немного рассудочно «прозаичное», «рассудительное» (но последняя строфа очень хороша).

Это все-таки порядочно, что в тех условиях русских довоенных, Вы имели «десятка два испытанных друзей». В стихотворении на ст. 10-11 тоже есть, может быть, некоторый «рационализм». Третья строфа стихотворения на стр. 12 и 13 тоже тяжела, как и строка последняя 6-й строфы. Выражение 1-й строки страницы 13-й, кажется стилистически-тривиальным («судьба меня щадила»). Вот, отдал долг критической придирчивости. Теперь скажу о том, чему выдать можно 12, по 12-ти бальной системе (такая была в Лицее). Помечаю и шедевры книги: стр. 9, 15, 17, 22, 29, 33, 36, 60-61, 62.

Рад знать, что поэзия Ваша идет «туда» и *свое дело делает*. Не сомневаюсь, что она дойдет до Руси, сейчас только украдкой, а немного позже и широко, как всё истинное, что есть и было в эмиграции. Что написано хорошими поэтами пером, того не вырубишь топором. Пусть душа

будет Ваша доверчива к Промыслу и ангелам. Вы «песней своей» зовете к Гармонии и Мудрости Его. Ангелы и позаботятся, чтоб «песенка» эта Ваша не заглохла.

Не имею пока планов лететь в Европу.

Привет милой Осинке и пожелание твердой рукой поддерживать Клена, как он ее поддерживал.

А. И.

4 июля, 1969 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Дм. Иосифович получил Ваше письмо, но ответить на него сам не может, так как лежит. С ним произошло несчастье: он упал и так сильно ранил ногу (голень), что пришлось везти его Скорой помощью в больницу. Там ему рану зашили и сейчас он дома, но ему придется еще порядочное время лежать. Лишь бы только не было осложнений, которые, по словам врача, возможны из за сахара в крови и плохого кровообращения в ногах.

Я, конечно, очень волнуюсь, а Дм. И. нервничает, тем более, что должны вскоре приехать гости из Америки.

Дм. И. шлет привет и благодарит.

Помолитесь за моего дорогого поэта!

Душевно преданная Вам

М. Крачковская

11-е июля, 1969 г.
Сан Франциско

Дорогой Дмитрий Иосифович, — вот новое испытание духу Вашему и вере! Слабеньким еще оказалось крылышко Ваше (для летания, и перышек мало), не поддержало оно естества; а что ноги сдают, — удивляться нельзя, это в порядке вещей. «Дух бодр, плоть же немощна». Дух куда

то, очевидно, заторопился, как то ускорил свою поступь, а ноги то и не поспели за ним, крылышки, очевидно, еще маловаты, в смысле «несущей плоскости» своей, и (по закону аэродинамики) Вы и распростерлись на земле (на сухой, надеюсь!). Теперь надо в *келью кроватную* войти, для отдыха и *некоторого «сострадания» всему человечеству,* всем его поломанным ногам, рукам и телам.

Обнимаю Вас, дорогой, как бы в келье Вашей находясь, и благословляю *во Имя Господа Благословенного.* Сердце Ваше да будет открыто Ему в преданности, доверии и кротости. Свободно пусть будет от всех человеческих недоумений! Аминь.

17 июля, 1969 г.

И жену и меня очень тронул Ваш быстрый и сердечный отклик на ее сообщение о моем ранении. По счастью и даже к удивлению хирурга, всё обошлось и быстрее и благополучнее, чем он ожидал. Осложнений не было. Конечно, и настрадался я из-за болей, несколько ночей из-за них не спал, и затем крайне утомляло меня долгое неподвижное лежание на спине; но всё же, за 3 недели всё обошлось, и сейчас я уже на ногах и свободно двигаюсь. Мне повезло, что в день моего ранения (в субботу) дежурным врачем по городу (у нас такой порядок) был, из 30-ти местных врачей, как раз хирург, и притом отличный. Он отвез меня в машине скорой помощи к себе и самолично (провозившись со мной свыше часа) зашил мне рану, в своей операционной комнате. Дежурь другой врач — тот отправил бы меня в больницу, где из-за обилия более сложных операций в связи с автомобильными катастрофами, я попал бы в руки какому-нибудь мелкому новичку, и все могло бы обернуться иначе. В этом я, как и всегда, вижу руку Провидения.

Вмешательство моего ангела-хранителя я заметил (Вы будете удивлены!) в самом факте моего ранения! Дело в том, что после выхода моей «Певучей Ноши», я внутренне

отказался (и очень серьезно!) от писания стихов, даже и удерживал себя от этого. Между тем, лежа с ранением, меня вдруг непреодолимо к стихам потянуло, и я написал целых пять. Похоже на то, что ангел мой был моим решением недоволен и подставил мне, при поездке в автобусе, крылышко, дабы я о него споткнулся (и вернулся бы к стихам!), подложив все-таки другое так, чтобы я только ранил ногу, не сломав от такого сильного удара кости, что, по мнению хирурга, было почти неизбежно.

Мне хочется, дорогой Владыка, поговорить с Вами об ангелах-хранителях *вообще*. Я такое множество раз испытал в моей жизни какое то, даже *чье то*, в значимости и мудрости своей, благое вмешательство в мою судьбу; притом, проявлявшееся иногда как трудное испытание и опасность, но всегда, в конечном счете, оборачивавшееся мне не во вред, а в милость и даже спасение, что *не верить в ангела-хранителя я не могу*! Вся моя жизнь *кричит* мне о том, что он существует! Но невольно возникает и коварный вопрос: почему *обо мне* так заботился и заботится мой ангел, когда я ровно ничем этого не заслужил; а люди, куда более меня заслужившие такое попечение — своими ангелами спасены не были? Ведь я ноготка Пушкина и Лермонтова (возьмем эти имена для примера) не стою, так почему же они своими ангелами от ранней смерти спасены не были? Я не говорю о множестве других, достойнейших людей, судьба которых была мучительной и жестокой. Во одном из моих стихотворений («Мне страшно: мы предоставлены почти что себе самим». «Прикосновение»), я коснулся этого, всегда волновавшего меня вопроса. Я понимаю, что ангелы не всесильны, и есть чисто земные, физические условия, в которые им вмешаться, за известной чертой, невозможно. Но, откуда такая полная предоставленность людей самим себе, которую мы так часто видим? Или действительно есть разные ангелы: добросовестные и недобросовестные? Поделитесь со мной, дорогой Владыка, Вашими соображениями на этот счет, буду Вам очень за это признателен! Антропософия имеет на это свое объяснение, но меня оно не удовлетворяет (карма).

Что касается Вашего суждения о стихах моей «Певучей Ноши», то я принимаю их, за исключением двух. Прежде всего я считаю, что Вы слишком часто и не всегда справедливо обвиняете мои стихи в «рассудочности»! Мне не вполне ясно, чем это вызвано: тем ли, что тема слишком terre à terre, или в оформлении ее мало «парения» и фантазии? Дело в том, что,даже и паря, я сохраняю землю на подошве моих ботинок и отдаться всецело восторгу парения не умею. Удивляет меня, что Вы причислили к числу «рассудочных» стихи на стр. 21-й (многими особенно и глубоко оцененные, у Вас: «очень милое стихотворение»), а особенно стихи на стр. 10, в которых именно «рассудочности» нет совершенно, скорее наоборот (оно тоже многим, в том числе Струве, Померанцеву, Ильинскому понравилось *очень*). Что же касается обвинения в «*тривиальности*» строки из стихов на стр. 12-13 («отчего судьба меня щадила»), то я решительно его отвергаю! «Тривиальный», по толковому словарю русского языка — синоним слова «*пошлый*», избитый, но в моей строке я этих смертных грехов никак не вижу! Конечно, это не «находка», это очень простое и прямое определение того, что имело место; но какого нибудь «истертого пятачка» поэзии в этой фразе нет, это всего лишь простая, без всяких ухищрений и вычурности фраза, нужная для понимания темы стихотворения; и вот такая простота мысли и образа даже как раз на месте в повествовании о чем-либо. Многие именно ценят в моих стихах их простоту. Что касается «тяжести» некоторых строк, то в русской поэзии она неизбежна и, всмотревшись, мы найдем сотни и тысячи тяжелых строк у лучших поэтов, а то и в прозе. Вспомните первую страницу «Воскресения», где множество раз повторяется, более чем неблагозвучное «как ни»! Порой, без некоей «тяжести», не высказать своей мысли в одной строке.

Вы словно удивляетесь, что в русских условиях я «имел десятка два испытанных друзей». Неужели Вы не заметили, что речь идет не о людях, а о книгах стихов? А 20 поэтов насчитать не трудно: Пушкин, Лермонтов, Ал. Толстой, Фет, Полонский, Бунин, Анненский, Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Кузмин, Ходасевич, французы Henri de Regnier,

Sully Prudhomme, Coppée, Rostand, Albert Samain, Mallarme, Charles Guèrin; а из тех, что полюбились за 2-3 страницы: Ефименко (погибшая на Украине от руки бандитов), «Лейтенант С» (погиб в Цусиму), Лозина-Лозинский, Менгелян Нарбут и др. (эти имена Вам наверное совершенно незнакомы). Как видите, можно было назвать не 20, а 30 заочных друзей-поэтов!

Спасибо за фотокопию Ваших, как всегда отличных, стихов из «Нов. Ж. Журнал этот я, впрочем, получаю регулярно, как «постоянный сотрудник», даже если там нет моих стихов.

Бедная Осинкина, конечно, очень за меня переволновалась и не жалела своих слабых сил, ухаживая за мной — ведь моя неподвижность была главным условием выздоровления.

Получил от Чиннова его «Метафоры» (зачем такое название!) и удивился, что в сборнике нет стихов моложе 1965 г.! Вероятно Ч., всячески стремящийся к новаторству, намерен своим произведениям в этой области, посвятить дальнейшую книгу, дабы не смешивать в одной «просто» новаторство с extra-новаторством, в сторону которого он все более загребает. Между прочим, заметил я, что и Вы, Владыка, соскальзываете на путь новаторства в смысле такого осложнения темы, что в последней трудно разобраться. Так, я просто не понял (вероятно, к стыду своему, а не в упрек Вам!) оба Ваших стихотворения в «Русской Мысли» от 9 июля (о Понедельнике и Удочке).

Шлем Вам наш самый сердечный привет!

Д. Кленовский

14 октября, 1969 г.

Давно Вам не писал... В последний раз 17 июля (в ответ на Ваше письмо, полученное 16-го). Но и от Вас, столь же давно значит, весточек не имею. В том, последнем моем письме, вопрошал я Вас об ангелах-хранителях и очень жа-

лею, что разъяснений Ваших на этот счет не получил (коротко: почему среди них есть заботливые и есть равнодушные, а то и небрежные? Почему лучшие люди нередко лишены их заботы, а худшие — в том числе и я — так явно ее ощущают?). Повторяю этот вопрос на случай, если Вы найдете желание и время мне на него ответить, за что был бы весьма признателен.

Ваше молчание меня бы тревожило, если бы я не встречал Вашего имени в газетах и не знал бы от литературных друзей, что Вы с ними встречались и читали им свои стихи (у Седых, например).

Я продолжаю писать, но от опубликования новых стихов пока воздерживаюсь. Они ведь прошли подряд в пяти номерах Нового Журнала! Пусть читатель от меня отдохнет!

Ранение моей ноги прошло и напоминает о себе только следами от швов. Ну а все прочие недуги донимают и меня и Осинкину как то всё более и настойчивее, и нет от них не только избавления, но даже хотя бы малого облегчения. Всё сильнее кружится голова, и ноги совсем плохо носят... Не предвидится ли Ваш приезд в Европу? Как радостно было бы свидаться с Вами!

К счастью, у нас на редкость ясная и теплая осень, и мы можем по долгу сидеть на балконе и слегка бродить по соседним уличкам — на большее мы уже не способны, и оно мне даже строго запрещено. Недавно мне ведь 77 лет исполнилось!

СТИХОТВОРЦУ

Сын Иосифа, Димитрий
Краски мира на палитре
Царственно расположил.
Здесь и ангел-легкокрыл
И в траве сороконожка
Проползает без дорожки;
Здесь и спутница поэта,
Над Осинкой — бабье лето

С паутинкой и листвой,
Уходящей на покой.
Здесь грибок, — не из разсола,
А всамделишный, веселый,
В темной шляпке с головой,
Перепутанный травой.
Здесь и дым под небом Бренты, —
Кватроченто, Чинквеченто,
Италийская лазурь
И дыханье русских бурь.
Над рассветом — эдельвейсы,
Над землей — созвездий рейсы...
Ну, всего не перечесть,
Что у стихотворца есть.
Будь же здрав и бодр, поэт,
До восьмидесяти лет,
А потом до девяноста,
А потом еще и до-ста —
И с поэзией при том...
Разберемся, что — потом!

1969 г. С.

18 октября, 1969 г.
Нью Йорк.

Отвечаю Вам на июльско письмо, из Нью Йорка. Уже более пяти недель, как я на этом побережьи. Начал с жаркого штата Флориды (куда охотно переселил бы Вас с М.Д.!), где был гостем одного профессора и писателя (Н. И. Вакара); а потом на север поехал, где стоит чудная «индейская осень», а по нашему — бабье лето. Паутинки только тут не плавают над праздной бороздой (а леса так же разукрашены в огонь и золото, как в Тульской губернии, или Траунштейне). Рад знать был, что Ваше недомогание грозило быть худшим, но что как-то все устроилось лучше, чем вероятно хотел враг ангелов наших хранителей. А сейчас, может быть, уже Вы вновь шагаете шагами семимиль-

ными, не только в поэзии. Как я рад умножающейся Вашей вере в Друга небесного, который послан ко всем нам от Друга Наивысочайшего, Христа Господа и лишь от Его сияния принимает силу, мудрость и власть. Ибо Один только Он в мирах «Царь царствующих и Господь господствующих», Логос и Свет бытия вечного, нас создавший *не для исчезновения, а для* великой жизни... Ему же да будет вся честь и слава, а ангелам Его и силам — благодарность и нежность глубокая... Относительно критики моей литературной, хочу Вам сказать, что, когда я говорю или говорил о некоторой *рассудительности* в тех или иных стихах Ваших, это я говорю не отвлеченно, а *соотносительно Вашим же стихам.* Тут разница. Вас *никак* нельзя назвать «рассудочным поэтом»; но, если взять Вашу чистую, не-рассудочную «доминанту» за критерий поэтический, то некоторые (немногие) Ваши стихи кажутся мне «рассудочными». Это я и отметил. Учтите такой мой подход. Модернизмом я не занимаюсь. Но иногда, невольно для себя, я преодолеваю логическую и стилистическую форму той, нам всем привычной поэзии, которая от этого отнюдь не затемняется для меня. «Баллада о понедельнике», это стихотворение о поэзии и поэте, выходящих из логики этого мира. Таких поэтов, для которых даже рука пишущая слишком грубое орудие Истины, и даже пение соловьиное слишком громко (а достаточно одного только дыхания соловья), ныне в Сов. Союзе называют тунеядцами (и их не записывают в Союз Поэтов). Надо им хотя бы тут воздать уважение. Что касается «удочки» (стих. «Сын»), то оно попало в Р.М. по ошибке. Я его послал сестре конфиденциально, как мой ответ на письмо Евг. Евтушенко, полученное мной летом, где он мне сообщает, что является теперь отцом (усыновил годовалого младенца). Это стихотворение личное и *криптологическое,* и я его не думал давать в печать.

К концу года, надеюсь, выйдет моя небольшая четвертая книга лирики, которую я называю *Нескучный Сад.* Конечно, Вы и М. Д. будете одними из первых, кому эта книжка будет послана.

На днях возвращаюсь в Сан Франциско, а в конце этого месяца должен лететь в — Японию (по церковн. делам).

Но, надеюсь, там не замедлить. Привет, мир, благословение дорогим Трауштейнцам.

Обнимаю Вас. Ваш † А. Иоанн.

2 декабря, 1969 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил текст Вашего слова обо мне по радио. Тронут Вашим дорогим вниманием к моим стихам и попыткой передать кое-что из них «туда»! Отбор стихов — отличный.

Не утаю от Вас, дорогой Владыка, одного: и меня и жену чрезвычайно встревожило, что в своем слове обо мне Вы раскрыли мой псевдоним и дали даже, притом, мой адрес, то есть, сделали то, что я тщательно скрываю от советского уха. Вы наверное знаете, что все эмигранты из России, по советским законам, считаются «изменниками родины», и им грозит наказание вплоть до смертной казни. Советские агенты во всем мире, всяческими способами доискиваются, где еще живут эти «преступники», дабы расправиться с ними, когда и если представится к сему возможность. Об этом недавно подробно сообщалось в двух номерах «Русской Мысли». Газета отметила и новую в этом отношении советскую хитрость: все находящиеся вне России бывшие советские подданные объявлены советским правительством «советскими гражданами, временно проживающими за рубежом»; и от правительств западно-европейских стран потребовано, чтобы и они считали их таковыми, с занесением этого в их паспорт. Иностранного подданства этих лиц Советы не признают. «Русская Мысль» сообщает, что это требование советского правительства многими правительствами западно-европейских стран послушно исполняется, особенно в Западной Германии, новое социал-демократическое правительство которой сейчас во всю заигрывает с СССР.

Какое реальное значение это имеет, какую опасность представляет? Дело в том, что по договору между держа-

вами-победительницами в последней войне, каждая из них имеет право интервенции в Зап. Германии, если там, по ее мнению, возникает опасность возрождения нацизма. СССР уже неоднократно грозил Зап. Германии такой интервенцией (повод найти легко!), и только позиция в этом вопросе США и Англии его от этого шага удерживает. Однако, ручаться, что интервенции никогда не будет — нельзя, стоит только измениться международной ситуации и равновесию сил. Поговаривают и о том, что и США и Англия могут отказаться от дальнейшей защиты Зап. Германии от СССР, и тогда у последней будут развязаны руки. Если СССР вторгнется в Зап. Германию — все его бывшие граждане, в ней проживающие, станут его добычей, и их выловят по готовым спискам всех до одного, для последующей расправы. Вот потому-то все эмигранты, живущие в Европе и особенно в Германии, всячески скрывают всякие о себе данные. Так приходилось и приходится поступать и мне; и до сегодняшнего дня мой литературный псевдоним ни в печати, ни в радио раскрыт не был.* Теперь это произошло и обоих нас чрезвычайно встревожило. Для оценки моих стихов, в частности, ведь совершенно неважно, как меня по-настоящему зовут, кто был мой отец, где я живу и т. д. Что сделано, то сделано, тут уж ничего поправить нельзя, но очень, очень неприятно, что оно так произошло.

Я поэзии не забросил и все эти последние месяцы пишу, даже больше чем обычно. До сих пор в журналы нового не давал — ведь в прошлом году и этой весной мои стихи прошли подряд в № Нов. Журнала, и я решил дать отдохнуть от меня и читателям и редакции; но сейчас снова посылаю туда стихи, да и в будущий № «Мостов» тоже.

Вы задолжали мне, дорогой Владыка, ответ на один (м. б. несколько коварный?) вопрос, а именно: почему, если у каждого челоевка есть свой ангел-хранитель, одни ангелы поистине бережно охраняют тех, к кому они приставлены, а другие — этого не делают? Я лично всю мою жизнь чувствую это присутствие охраняющего и направляющего

---

* Весьма наивное утверждение. Из него можно понять — сколь много пережил Кленовский. А.И.

меня ангела и верю в него безусловно. Но, почему люди, заслужившие гораздо больше меня эту помощь, ее лишены? Где были ангелы-хранители Пушкина, Лермонтова, Гумилева, Мандельштама и т. д., когда над ними нависала смертельная опасность? Правда, гибель, м. б., нужна человеку и чем то предопределена (но тут уж я «впадаю» в карму...), но все же... Как объяснили бы это, Владыка, Вы?

Жена просит передать Вам свой сердечный привет, а оба мы просим Вашего благословения!

Душевно Ваш Д. Кленовский.

28 декабря, 1969 г.

Дорогой Дмитрий Иосифович, привет Вам праздничный и Маргарите Денисовне — от нашей Калифорнии... Только что вернулся в нее с Востока и Севера, и нашел Ваше письмо... Осознаю свою недогадливость, которой Вы меня справедливо устыдили, объяснив все свое ново-эмигрантское положение и его опасность, в случае нашествия с Востока Европы на Германию. Чувствую слабость моих аргументов, не подкрепленных Вашими сильными переживаниями долгих десятилетий; и дискутировать с Вами не в состоянии по этому вопросу (когда то попробовал, во время берлинской блокады, но огорчил Вас своими, слишком заокеанскими аргументами). Я бы, конечно, мог не упоминать о Вашей реальной фамилии; но, если упомянул, то, поверьте, в совершенно полной уверенности, что личности, Кленовского — поэта, так и Странника — поэта, более чем известны тем, которые интересуются эмиграцией. То, что я сказал о Вас, *для них — не могло быть тайной или секретом.* Вся подноготная *им* известна о всех нас, Зарубежниках, а об известных в эмиграции поэтах — тем более! А вот широкому кругу мирных и честных людей русских, мне казалось справедливым сообщить о хорошем поэте русском некоторые детали; тем более, что Вы ведь не политический деятель, а лирик... Вот, Вам подобная по лиризму

и биографии новоэмигрантской, Ольга Анстей, с дочкой даже, в Киев свой родной ездила (и видела знакомых прежних)... Трудно мне, конечно, представить, что 1) Германию могут оккупировать с Востока, не развязав 3-ей мировой войны (в которой все и всё улетучится, конечно) и 2) Вас, лирика, к 9-му десятку лет подходящего, больного, из убежища для стариков начали бы «выуживать» «оккупационные силы»... Тут воображение надо иметь очень настрадавшееся в жизни... И иметь его в виду мне надо было бы. Простите, что огорчил Вас.

4-я книга* лирики моей «Нескучный Сад» — на этих днях вышла, но я еще не получил экземпяры для друзей — к Р.Х.

Обнимаю Вас

† А. Иоанн

Д. И. Кленовскому

Тут надо быть, Кленовский, престарелым
И понимать, что в мире есть
Прекрасное изнеможенье тела,
Идущая от неба весть.

Часы священного неузнаванья
Ничтожных слов и мелочей,
Неодолимое согласованье
Небесных и земных лучей.

9 января, 1970 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Получил Ваш рождественский привет и подарок, за который оба сердечно Вас благодарим! Вы так смиренно откликнулись на мои упреки (Вы знаете в отношении чего), что какой-либо обиды на Вас я не затаил, да ее и с

---

* Сильно отстал от Вас количеством, не говоря о качестве.

самого начала не было. Я знаю, как Вы расположены ко мне и понимал, что неосторожность произошла случайно. Но предупредить Вас все же было необходимо. Между прочим: возраст, старость — не уберегают. Недавно читал в Русской Мысли, что в СССР арестован 84-летний эстонский профессор.

Радуюсь выходу нового сборника стихов Ваших. Связано ли ее название с подмосковным имением одного (не помню какого) великого князя? У моего отца была картина, на которой была изображена аллея сада в этом имении (называлась: «Аллея в Нескучном»), причем, в конце ее сияли купола видимого оттуда храма Христа Спасителя (снесенного впоследствии большевиками). Прямо иллюстрация к Вашему сборнику! Если еще навестите нас — покажу (у меня есть монография о моем отце со многими иллюстрациями.)

За присылку книги Светланы были бы Вам оба очень признательны. Мы читали только отрывки из нее, напечатанные в «Русской Мысли», и очень хотели бы прочесть всю.

Перед самым Рождеством приехал к нам Max Vogl, нагруженный, как всегда корзинами с цветами из своей оранжереи, плодами чужих стран и разными рождественскими самоизделиями. Какой он замечательный человек. По своей доброте, верности данному слову и душевной ясности и смирению! Ведь он совершенно слеп, но, разговаривая с ним, этого не замечаешь, такой он экспансивный, веселый, жизненный. А о своей слепоте говорит совсем спокойно, не жалуясь, даже не огорчаясь. Ведь мог отговориться ею и не приехать к нам; а он тратит 4 часа времени на поездку, и выглядит все так, словно он доставляет ею радость прежде всего себе самому. С любовью вспоминает всегда о Вас. Черкните ему несколько строк! Когда он приезжает — словно и Вы с ним у нас — ведь это Вы, дорогой, нас ему поручили. Но как он чудесно, который уже год, исполняет это поручение, приезжая не только на праздники, а раза три в году.

Чувствуем оба, как все быстрее стареем. Я хожу пошатываясь, не иначе как с палкой... Но голова еще ясная и дух (вот это то и плохо!) молод. Пишу. Стихи начнут появляться в журналах.

Вспоминайте о нас в молитвах!

Душевно Ваш Д. Кленовский

20 апреля, 1970 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Жена и я сердечно поздравляем Вас со Светлым Христовым Праздником. С радостью вспоминаем нашу с Вами встречу! Глубоко ценим, что, бывая в Европе, Вы всегда стараетесь выкроить время, чтобы нас навестить!

Большую радость доставил нам и Ваш новый сборник. Какую чудесную надпись сделали Вы мне на нем, столь легко и быстро (значит: из сердца пришла!) ее съимпровизировав!

Из стихов сборника особенно по сердцу мне те, что на страницах 5,6,8,10,14,19,27,30,32,37,39 — все по разным причинам. Но общая доминанта Вашей поэзии — ее неназойливая, облеченная в легчайшие одежды мудрость — сквозит, конечно, во всем.

Как понимать название «Нескучный сад». Я Вам как то писал, что было такое великокняжеское имение с прекрасным садом под Москвой. Но, может быть, есть такое определение (жизни? нашего бытия?) в Священном Писании?

Я всегда полагал, что слово «акриды» существует только во множественном числе. Так оно и в словаре. Но, может быть, мы оба ошибаемся?

Несколько смутил меня Ваш «Сторож земли» с его смертью, которая «*гуляет*» (?) *по* (?) всем... ножам, штыкам (они ведь сами ее приносят!), снам, слезам, крикам и т. д. Этот образ и оборот речи (*гулять по*) как то не укла-

дывается у меня в голове. В «Кратчайшей поэме» последняя строка слишком резко выпадает из общего ритма, просится невозможное ударение «розòвые». Это все, конечно, профессиональные придирки, которые доказывают, что я очень внимательно прочел Ваш сборник.

Пришлите, пожалуйста Аллилуеву («Только один год»).*

1 мая 1970

Воистину Христос Воскресе!

Благодарю Вас за Ваш пасхальный привет и желаю Вам обоим многих и светлых сил. Ведь бывают силы — такие, чтоб лучше их не было. Но светлая сила человека от Бога. Как слабость светлая — тоже. Я люблю и слабость светлую от Бога. Все хорошо что Свыше. Сего всего желаю Вам и обнимаю пасхально.

Спасибо за «индивидуальную рецензию». Все, что человек поэт чувствует, имеет смысл.

Вот опять я в Калифорнии. И кое что — не только прозаическое маракуется подчас. Шлю Вам новую рецензию Моршена на Странника. На сей раз она более милостива. Может Вам будет любопытно увидеть многочувствие других поэтов.

Ваш А. Иоанн

8 мая, 1970 г.

Дорогой и глубокочтимый (эти два слова рядом не привычка так обращаться к Вам, а неотделимое одно от другого чувство!), Владыка!

Вы не пояснили мне, что означает название Вашего сборника. Сумбатов, прочтя сборник, написал мне, что наз-

---

* Я сейчас же выслал ему эту замечательную, талантливую, добрую и скромно-благородную книгу. А.И.

вание привело его к тому саду в «Нескучном» под Москвой, о котором и я Вам писал.

Объекты моей и Моршена симпатии в Вашем сборнике оказались разными, за исключением «Марины» и «Беззащитности». По отношению к пересадке сердца, мы с ним даже разошлись. «*Гостя*» я не причислил бы, как он, к лучшим в сборнике. Почему «Гость» активное, наступательное (стучит!) начало в стихотворении, вооружен «щитом»? Обладателем такового должен был бы быть не Он, а «я». И почему «стук» моего сердца «*удар*» по этому щиту. Все это вызывает у меня недоумение*... Может быть Моршен лучше меня разобрался в этом стихотворении...

Получил из Москвы окольными путями милый пасхальный привет на крохотной книжечке от одной советской балетной артистки, познакомившейся с моими стихами во время гастролей в США и глубоко их полюбившей. Это очень меня порадовало и тронуло.

Представьте себе, что у нас еще неделю тому назад три дня бушевала снежная мятель и все занесло снегом! Лишь со вчерашнего дня потеплело, и всё начало поспешно зеленеть и расцветать.

20 июля, 1970 г.

Получил от Вас последний раз весточку 6-го мая, ответил 8-го мая — с тех пор на бумаге с Вами не встречались.

28 мая в Мюнхене, в помещении русской библиотеки, состоялся, устроенный мюнхенскими друзьями моей поэзии, вечер, на котором был сделан (г. Неймироком) доклад о моих стихах, а последние были прочитаны пятью артистами и любителями. Я не был в силах не только выступить, но и присутствовать на вечере (чувствую себя очень неладно). Хотя за нами обещали прислать машину. Вместо ме-

---

* «Гость» в этом стихотворении, очень кратком — Г.И.Х.. Стук сердца человеческого, это Его стук к нам, в наше сердце. Жизнь в сердце стучит не временная, а вечная. А.И.

ня «выступала» лента с наговоренными мною на нее стихами. Из писем и рассказов участников и посетителей вечера вижу, что он прошел с несомненным успехом. Было много народу, в том числе вся, как мне сообщили, «местная русская интеллектуальная элита» и архиепископ Берлинский и Германский Александр. Обилия публики на вечере стихов, да еще в отсутствие автора, как некоего атракциона, я не ожидал. Хотя на посетителей обрушилась целая лавина стихов (30 в моей ленте и 50 в чтении участников вечера, и того 80!!!), публика не разбежалась, а, наоборот, слушала очень внимательно и долго не расходилась, делясь впечатлениями. Вечер будет повторен для мюнхенских немцев-студентов. Мне вечер не принес, конечно, ни копейки, так как вход был бесплатный но успех порадовал очень нас обоих. Всё было на вечере уютно, мой портрет на столе был окружен принесенными цветами. В «Русской Мысли» был отчет о вечере, но в него вкралась глупейшая ошибка. В передаче содержания доклада Неймирока сказано: «Неймирок считает Д. Кленовского поэтом старой школы, в его творчестве много молитвенно-религиозных и философских мыслей *и поэтому отношение к нему со стороны писательских кругов недоброжелательное, и критика грубая и несправедливая*».

Оказывается, наборщик пропустил, после слов «писательских кругов», слова «Советского Союза». Меня об этом известили из Мюнхена и обещали, что будет дана поправка; она и есть в номере от 16 июля.

Между прочим, Неймирок, даже и с этим добавлением, высказался неверно. Печатный отзыв о моей поэзии в СССР был только один (отрицательный, конечно) и подписан ни кем иным, как Аркадием Васильевым, главным обвинителем на процессе Даниэля и Синявского. Неймирок об этом отзыве знал, но напрасно его *обобщил*. В сущности, можно было бы сказать как раз обратное, а именно, что моя поэзия находит отклик среди советских поэтов. Не говоря уже об Ахматовой, встречи со мной искал Окуджава; восторженные отзывы на мою поэзию (в личных письмах) получил я от того молодого советского поэта, о котором я

Вам в свое время писал, а в этом году от одного побывавшего в США советского литературоведа, а недавно мне сообщили из Франции, что один побывавший там советский поэт высокого мнения о моих стихах. Об этих фактах Неймирок, правда, не знал, но обобщать ему, конечно, тоже не слодовало.

3 августа, 1970 г.

С. Ф.

Из весточки Вашей от 20/VII вижу, что общественность русская воздает Вам должное и можно только одобрять ее за это. А душа Ваша может быть спокойна и не из-за этого признания человеческого (оно, как и все в этом мире, шатко. Помните, имя Бальмонта гремело на афишах по всей России, а умер он забытый всеми, буйствовавший последние годы в психиатрической больнице), а может быть *радостна душа Ваша* — пусть будет — от сознания данного Вам свыше дара пробуждать лирой своей не только «чувства добрые», но и *открывать щелочку* (окошечко, перископ) в мир иной, Божий, светлый, зовущий к себе людей (так мало откликающихся на его зов!). Тут истинные утешения истинных поэтов и мыслителей. Но, конечно, и человеческое удовлетворение нам не чуждо, людям.

Грустно, что Вы не можете, как хотелось бы рассчитывать на свои ноги. Вижу, крылья выручают Вас больше, чем ноги. Для поэта, впрочем, это нормально. А я вот, еще более тяжеловесный странник, чем поэт, топочу ногами моими по миру (и, может быть, еще раз до Европы дотопочу). Обнимаю Вас, дорогой. Привет милой Осинкиной, вдохновительнице, укрепительнице (а иногда, может быть, и укротительнице) поэзии.

Ваш сердечно Странник † А.И.

P.S. Евтушенко, увы, написал очень плохую длинную, многословную поэму о Казанском Университете.

9 августа, 1970 г.

Получил Ваше очень сердечное письмо, в котором Вы так хорошо сказали о щелочках и перископах в мир иной, с помощью поэтов, и об Осинкиной, как о не только «укрепительнице», но и ... «укротительнице» моей поэзии (последнее очень ей понравилось!). После такого письма особенно захотелось снова свидеться в Вами! Будем лелеять надежду, что поездка в Европу, о которой Вы пишете, приведет Вас в наши края, и Вы опять запряжете милейшего Макса в шарабан и рысцой-рысцой затрусите в сторону Траунштейна! Можно ли помечтать об этом? Смогу угостить Вас новыми стихами.

Что предпочтительнее: прижизненная (только!) или посмертная (без прижизненной!) слава??? Предпочтительнее... и то, и другое! Так оно (в России) у поэтов получилось — у Блока, Ахматовой, отчасти Есенина. Бальмонт, Брюсов, Северянин вкусили досыта славы при жизни, а затем о них не только забыли, но их даже отвергли. Впрочем, сейчас началось вроде того, что их реабилитация — начали о них вспоминать, кое-что издают. Что предпочли бы сами поэты? Вот кто-то (не помню, кто) писал, что Пушкин наверняка пожертвовал бы своим литературным бессмертием за лишние два года привольной жизни в Кишиневе! Тот, кто имел успех при жизни, был счастлив, так как был уверен и в посмертной своей славе (если размышлял об этом); а кто успеха не имел — едва ли предчувствовал, что обретет его после смерти.

Я думаю, что признание поэта при жизни ценно не только приятностью успеха, но и сознанием того, что ты совершил что-то нужное для людей (смотри рассказ Бунина «Бернар»). От этого чувства: потребность сделать что-то для людей нужное — как-то не уйти, мною оно всегда владеет, хотя человеколюбцем я не являюсь. Это вероятно какая то инстинктивная потребность участия в становлении вселенной.

О поэме Евтушенко читал только отзыв с небольшими цитатами в Рус. Мысли. Самое огорчительное (за Евтушенко), конечно, не многословие и даже не выполнение партий-

ного заказа, а, в данном случае, совсем не обязательные и притом злые, со смаком (а значит, и это хуже всего: *искренние*) выпады против церкви и христианства.*

Получил от Вашей сестры сборник ее стихов, но с надписью, обращенной к... Гулю! Пришлось вернуть; и сегодня получил правильный экземпляр с очень милой надписью и сердечное письмо. Оказывается, подобная ошибка носила массовый характер, кто-то напутал.

21 ноября, 1970 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

С августа мы не встречались с Вами на бумаге, а тем больше (а мы мечтали...) лично. Я следил за Вашим передвижением по Европе, но повидимому, в наших краях Вы не были, а потому посетить не могли. Жаль!

Представьте себе, что я, впервые в жизни, пошел на большой и, м. б. даже чреватый несчастьями материальный риск: кинулся очертя голову в самостоятельное издание нового сборника моих стихов! Прежде у меня были друзья-меценаты, помогавшие мне издавать мои сборники, но они все поумирали. Издательств, издающих поэтов-эмигрантов в эмиграции, просто не существует; те, что имеются, издают и переиздают (иногда даже роскошно) только поэтов «оттуда» (не всегда того заслуживающих). Но на «своих», ни копейки не затратят. Поэтому, поэтам-эмигрантам остается только тоже *самиздат*! Вот и я прибегаю к нему, но с большой тревогой за успешность этого предприятия. У одного знакомого (немца!) я занял сумму, достаточную для первого взноса в типографию. Вернуть ее я должен в январе и рассчитываю, что сделаю это из тех долларов, что мне

---

* Этого я, как то, не встречал у него. И даже, помню, сказал ему: «что мне ценно в ваших стихах, Женя, — я не нашел в них кощунства. А вот у такого то (имя рек) нашел выпад против Церкви. «Это он, когда молодой был, глупость написал», серьезно ответил Евтушенко. А.И.

обычно посылают друзья в подарок на Рождество. Придется, конечно, еще и во всем неимоверно экономить. На второй взнос в январе, надеюсь взять снова денег в долг, чтобы расплатиться после Пасхи, когда опять возможны подарки. Видите, какая сложная и сомнительная комбинация! Но, уж очень хочется издать последние (на этот раз уже несомненно, так как чувствую себя резко хуже) стихи.

Д. К.

24.XI.1970

Тронуло меня Ваше сообщение о подвиге Вашего издания новой книги лирической. Вот пусть молодые поэты — нутка — потягаются с достигающим «медленно но верно» 10-го десятка. Вижу что и капелька словесная, пролитая Странником на поэта, попытавшего залезть в кровать с лавровым венком на голове (неудобно в нем спать, но подишь ты, пытался ухитриться, поэт, уснуть!) возимела некоторое действие и поэт ныне родить хочет новое дитя.

Да, я был в Европе два месяца, но до Мюнхена не доехал, как и до многих других мест.

Грустно слышать, что у Вас «отмирает» часть естества Вашего и ничего не помогает, в силу условий, обозначенных в паспорте. Это путь нас всех...

А вот поэзия не отмирает! И мальчик-херувим будоражит ее, свято улещивает, укалывает и целует нежно, пробуждая к действию. Благодарим его! Конечно и я ответствую благодарностью поэту за его мужество и малый лист кленовый полетит в этом письме. Пусть под елкой на Рождество Христово будет лежать у автора (и у всех любящих русскую поэзию) *очередная* книга Кленовского.

Обнимаю Вас. Привет самый сердечный Маргарите Денисовне. Мир и благословение.

Ваш А. Иоанн

5 декабря, 1970 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Благодаря милейшему Крикорьяну, имеем возможность познакомиться с советскими поэтами. Он подарил нам сборник Окуджавы, Ахмадулиной, Новеллы Матвеевой и др. Стихи последней прочел впервые, и они нам очень понравились. Я думал, что имя «Новелла» плод родительской изобретательности, а оказывается оно есть в святцах, и дочь писателя Чирикова зовут тоже Новеллой. Между прочим, эта Новелла Матвеева — двоюродная сестра Елагина (его фамилия, ведь, Матвеев).

Получил № 77 «Граней» (заполнен, конечно, сплошь вещами оттуда) и № 15 «Мостов»; а вот номера 100 Нового Журнала еще не имею.

Двое моих знакомых благополучно провезли мои сборники («Стихи») в СССР. Везли совершенно открыто, один из них вместе с Библией. В обоих случаях, пограничные специалисты по литературе сперва хотели книгу изъять, а затем стали ее читать... и похваливать содержимое. В конце концов, книги были пропущены, и они перешагнули границу в двух разных пунктах, вроде того, что с одобрения начальства! Библию разрешили ввезти, но непременно вывезти;* но, последнее исполнено не было,и никто это не проверил.

14 мая, 1971 г.

Скажу прямо: я на Вас в обиде за Ваше ко мне равнодушие. Последнее письмо от Вас я получил *пол-года* тому назад, в ноябре. Вам я после этого писал дважды, в декабре и январе, а в феврале послал свой новый сборник — на все это не было от Вас никакого отклика. Вы избаловали меня своим вниманием — тем огорчительнее Ваше молчание.

---

* *Обнаженно-демоническое* отношение к Святому Слову. Это не «отделение Церкви от Государства», а — отделение Бога от человека. А.И.

Вашего ласкового слова и молитвы очень нехватало мне все это время. Я знаю, что у Вас было много личных недоразумений и неприятностей, но все-таки...

21 мая, 1971 С. Фр.

Милый Дмитрий Иосифович,

Простите что замешкал ответить Вам *прозой* на Вашу книгу «Почерком Поэта». Но я ведь ответил Вам тоже *почерком поэта.* Неужели Вы не получили новой моей книги «Избрание Тишины». Она даже есть двойной ответ — и сутью своей и заглавием на Ваше недоумение... Я сделал даже больше того: надеюсь 13-го июня в воскресенье поутру русские люди по Г.А. услышат мою беседу посвященную последней этой Вашей книге. Так что слишком уж пенять на меня не нужно и вряд ли справедливо... Но я давно уже не ориентируюсь на справедливость человеческую и Вы не слишком много имейте требований к ней В любви долготерепеливой разрешается гармония мира.

Обнимаю Вас и желаю многих сил для перенесения немощей своих, коих не избежать в наши годы — «а множае труд и болезнь» сказал Псалмопевец о возрасте в пределах 80-ти. А вот милый Макс Фогль моложе меня и пришло время сему кòлосу быть пожату. Но жнецов-ангелов он знает не хуже нас и они жнут это чистое зерно.

Обоим Вам благословение Божие да сойдет с небес милостивых к нам грешным.

С любовью А. Иоанн

«немощный и претрудный» (да, и претрудный!) старец, не забывший Вас среди забот своих всех.

П.С. Вам бы надо было распорядиться и прислать мне для распространения неск. книг (10-15) в С. Фр. со счетом. Шлю задаток.

5 июня, 1971 г.

Едва успел послать Вам предыдущее письмо, как пришел Ваш новый сборник, очень меня порадовавший. Завораживает, как всегда. Ваше легкое поэтическое дыхание и глубокая *мудрость простых образов*. Для будущего собрания Ваших стихов или сборника избранных, укажу на опечатку в »Стансах дождю»: надо не «свободой», а «свободою». Единственное стихотворение в сборнике, против которого я хочу возразить, это «Рука человека». В изобразительном искусстве она была неоднократно и прекрасно «замечена»! Отмечу хотя бы картины Дюрера, Эль Греко, Фламандских мастеров, не говоря уже о замечательном сотворении человека Микель Анджело. В литературе тоже есть тому многие примеры, ну хотя-бы (простите за нескромность!) в стихах Кленовского: «Моя рука», «С тем, кто глаза закроет мне», «Встретились, как с многими встречались».

Чрезвычайно порадовало меня, конечно, что Вы удостоили своим вниманием для радиопередачи, мой новый сборник. Не заслуживает он такой чести! Правда, некоторые мои корреспонденты считают его лучшим из всех мною изданных, но я с этим несогласен, по моему все на одном примерно уровне. Было бы очень интересно ознакомиться с Вашим, посвященным этому сборнику словом. Не можете ли прислать мне копию? Был бы чрезвычайно признателен!

Я немного отдышался от всех моих бед, но все же чувствую себя и слабым и усталым, и, что называется, перемогаюсь.

Д. К.

10 июня, 1971

Спасибо за указание на «опечатку».

Беда в том, что с опечаткой строка мне больше нравится, чем без нее. Как быть? Без опечатки строка становится какой то тяжелой, словно змея ползет по праху. А с опечаткой — конем скачет вровень с другими строками. Такие парадоксы бывают в жизни — и в поэзии. Но в

жизни тебя хвалят за то что не оцеживаешь комаров (при «проглатывании верблюдов») а в поэзии — всякое лыко в строку идет... Досылаю Вам оплату вперед за 10 экз. Сборника Вашего: 25 долларов, чтоб скорее Вы избавились от «заимодавцев» — типографов.

Теперь относительно моей «Руки человека». Я не совсем понял Вас, что именно Вам не понравилось в раскрытии этой темы. Вы пишете так, будто (можно понять) после Дюрера, Микель Анджело и Вас уже как бы нельзя и тему руки человека затрагивать... Но я думаю, что всякую тему можно затрагивать, не оглядываясь на предшественников, если есть что сказать о Руке еще не сказанного. Дюрер по своему осветил руку человека, в своем стиле. Кленовский поэт хорошо затронул тоже эту тему, в аспекте нравственно-психологически-лирическом; но моя тема иная, метафизическая, мистическая... Я лично конечно не в состоянии судить сколь этот, новый аспект руки человека наметился, иль хотя бы даже мелькнул, в моем стихотворении. Но я все же не вижу в нем повторения чего то, что было в прошлом (у Дюрера или у Вас). Повторять *тему* человека, руки, дерева или травы, это еще не значит повторять авторов писавших об этих предметах. М. б. я чего то не понял. Поясните, Это тема интересная.

По желанию одного читателя моих религиозных книг и на его средства изданы стихи мои «до-страннического» периода, выходящие не как стихотворения поэзии, а как часть созерцаний религиозных (в конце сборников моих прозаических они печатались). Это поэзия не «искусства поэтического», а иного характера. И она конечно религиозно-прямее, религиозно обнаженнее стихов Странника. Этот Сборник назван мною «Созерцания», я подписал его «А. Иоанн» (чтоб выделить из поэзии Странника, начавшейся книгой в 1960 году).

Грустно что немощь «обдержит» Вас и волнует сердце Маргариты Денисовны. Мне тоже иногда приходится впадать в немощь и тогда как то идешь «на тихом ходу». Но м. б. и это не плохо. Обнимаю Вас и прошу Господа благословить супружескую келью Вашу.

С любовью А. Иоанн.

23/VI, 1971 г.

Вижу, что о Руке мы с Вами пока не договорились. Я совершенно определенно вижу, что *никто* еще (ни из поэтов, ни из живописцев) *не изобразил руки человека.* Вы видите Руку нравственно-эстетически, гуманистически; Дюрер, может быть, проникает дальше, в своем видении Руки... Но все это не то, не главное, не самое глубокое. Вот отчего я и говорю, что *никто,* никто еще в искусстве не изобразил Руку, и я, может быть, менее всего, так как я и не пытался изображать руку. Я только сказал, что рука человека *в этом* мире *неизобразима...* Руку распинают — и «в холодный гроб кладут потом». И Вы, полагая, что как то изобразили Руку человека, тоже ее положили «в холодный гроб» психо-физической реальности мира сего. Она еще у Вас «в гробу» лежит, Рука. У Дюрера она, может быть, еле-еле шевелится в гробу, а у Микель Анжело даже не думаю. чтобы шевелилась», а так пышно цветет в саду прекрасностей этого временного мира... *Мы о разном говорим,* но Ваша поэтическая речь более «удобна», более звучна и гладка. И я не отрицаю законности этого красивого, гладкого и звонкого. Я только убежден, что Руку Вы еще не увидели, а я ее чуть только подсматриваю верой, а не видением. Но изобразить в словах ее не могу. Это вроде как *апофатическое богословие — о Руке...*

Вы зря смущаетесь (и даже несколько возмущаетесь) вечером, устроенным И. Ч-у. Пусть поэтам устраивают вечера и чтения и разбор их творчества и в похвалу им говорят речи. Ведь поэзия этим все же чтится. А вкусы разные у людей... Пусть подумают люди, задумаются о Поэзии, потормошатся ею. Это не плохо, это хорошо. Это и честь языку... Ведь мы скудны поэтами, лириками, юродивыми лирическими (не всем быть благовоспитанными, как Вы). Я рад всякому уважению к Поэзии; а в истории всё подлинное, рано или поздно, отсеется, а все не такое ветром развеется, улетит. Оставьте это времени. И не желайте бесславия какому нибудь поэту, чья поэзия «ничего Вам не говорит» (или даже коробит Вас)... Вы, может быть, скажете, что мои взгляды слишком «пастырские» (к области Поэзии мало

относящиеся)... Я не думаю, чтобы у меня и какое то великодушие христианское (или «гуманистическое», литературное) здесь было. Нет, просто *хорошо, что еще устраивают «вечера поэтов»*, с чтением стихов и похвальными словами критиков. Пусть поэты к поэтам будут добры — слишком много в среде артистов и литераторов, и поэтов — бывает ревности, зависти, пристрастия, нетерпимости. Не последишь, в душе нашей легко зарождается, может быть, совсем тонкое и мало заметное, но ненужное чувство.

Буде воля Божия, в середине июля должен я отправиться в Европу на некоторое время с церковным поручением.

Рассмешили Вы меня предположением, что я сказал некую новость для «приятелей» наших, открыв им «инкогнито». Сделал же я это ради Вас, — чтобы слушатели мои там не сочли бы Вас «чужаком» (каким-нибудь голландцем или бельгийцем)... Для меня совершенно несомненно, что к «своим» там больше доверия, и будь я, например, Смитом или Шульцем, менее бы слушали меня и верили бы мне. А тут сами большевики раззвонили о том, кто я и усилили интерес к архиерею. Это все я знаю наверное и потому сказал о Вас то, что сказал. А раз Вы с опасным человеком общаетесь, терпите мужественно всю невыгоду этого.

Обнимаю Вас, привет и мир Осинкиной, балкону, цветам, небу Траунштейна — города русской поэзии.

Ваш † А. Иоанн.

30 июня, 1971 г.

У нас с Вами разгорелась некая литературная стычка — и это очень славно и занятно! Я, конечно же, рад каждому вечеру поэзии, но не тогда, когда на нем торжествует *анти*-поэзия, своего рода дьявольское ее толкование. В отношении вечера некоего поэта, это, может быть, слишком громко сказано, но я не имею в виду только его вечер. Отчасти это, впрочем, и к нему применимо. Вот, подхватывает его под руки кучка, на его счастье в литературных и

играющих первую скрипку в критике, друзей, людей пресыщенных поэзией и не верящих в нравственную ее суть, и вытаскивает его на эстраду, уверяя присутствующих, что именно эта поэзия самая замечательная и прекрасная, что она обновит поэтическую мысль, что ей принадлежит будущее. Аудитория хлопает ушами и воспринимает это как непреложную истину. В результате торжествует злое начало в поэзии, а доброе утаивается от людей. Ведь вот какой прекраснейший поэт Лидия Алексеева, а кто устроит для нее такой вечер, покажет людям ее стихи, не искаженные никакой погоней за внешним эффектом, никаким богохульством, никаким преступлением против божественного начала в душе человека, как это сплошь и рядом бывает в новейших стихах... Вы намекнули, что тут может быть с моей стороны элемент зависти. Смешно было бы мне завидовать тому, миросозерцание коего мне совершенно чуждо! Завидовать можно только тому, чем сам хотел бы обладать, а мне из этого «богатства» ничего не нужно. Я скорее позавидую Алексеевой, Елагину, наконец Вам, Владыка, поэтам, некоторые стихи коих я охотно написал бы сам! Были когда то такие стихи и у того, о ком пишу; но за последние годы он свернул на путь «попирания святынь» и издевательства над ними. Как же мне приветствовать такого рода выступления? Дело в разрушительной их сути, в их клевете. И сопровождаются они к тому же всяким шахер-махерством к поэзии никак не относящимся. Нет: радоваться *всякому* поэтическому выступлению я не могу, как, думается мне, не можете радоватьсз и Вы искаженному и губительному для души человека богослужению какого-нибудь в корне заблудившегося сектантства. Что будущее когда-то разберется в том, что хорошо и что плохо — ненадежное утешение. Плохое может до этого наделать много непоправимого в сердцах людей, а то и совсем заглушить хорошее. Поэтому какое то внутреннее противодействие всему плохому — необходимо, в том числе, конечно, и в поэзии.

Что касается «Руки», то здесь Вы, как мне представляется, затронули тему, которую, хотя бы частично, донести (в Вашем понимании) до читателя нельзя. Стоит ли в таком случае ее затрагивать? Даже в намеках, которые

читателя удовлетворить не могут и вызывают возражения. Рука — так это все понимают (и я в том числе) — физический орган человека, послушный, как и всё прочее в нем, велению его души. Прикажет последняя — рука приласкает, благословит, подаст милостыню; прикажет — заушит и убьет. Поступки руки заложены не в ней, а в душе человека. Рука столь тесно связана с нашим земным существом, что наделять ее каким то особым, самостоятельным духовным смыслом и содержанием здесь на земле — на мой взгляд нельзя, а вне земли, руки не будет. По моему Вы наделяете руку, эту физическую, исполнительную деталь нашего «я», не присущим ей значением. В тех нравственных, гуманистических и эстетических элементах бытия, где она себя проявляет, есть, что о ней сказать и даже проникновенно сказать, но вне своей передаточной функции от души к душе ближнего своего — у нее нет на земле самодовлеющей роли. Она — слуга наших мыслей и чувств в такой же мере, как наши глаза и зубы. Какой то самостоятельной, независимой, свободной миссии я в ней не улавливаю. Вероятно Вам открылось в этом отношении что то другое, для меня неуловимое, чего я по духовной бедности своей не вижу. Так что я не столько возражаю против Вашей точки зрения, сколькро расписываюсь в ее непонимании, но тем самым и в непонимании ее не только мною, но и каким то числом достаточно искушенных читателей. Но стоит ли оставлять их в недоумении, не приподнимая даже краешка завесы, а выдергивая лишь из нее ниточку?

Даже в своем дерзании поэт, представляется мне, должен сдерживаться, не загребая слишком далеко, плыть лишь на сажень впереди других, иначе они за ним не сумеют последовать, потеряют его из виду. Заботит это меня всегда в моих стихах, хотя они неизмеримо элементарнее Ваших...

Д. Кленовский

15 августа, 1971 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Были Вы в Европе и мы мечтали о встрече с Вами, но видно, Ваши пути вели через другие страны... Посещений заокеанских друзей в этом году вообще не было, навестили только те кто из европейских.

Ваша радио-беседа обо мне пошла в Н.Р.С. и в Русскую Мысль, что меня очень порадовало. Был Max Vogl с дарами своей усадьбы.

Вышел новый сборник стихов Лидии Алексеевой «Время разлук». Она Вам его наверное пришлет. Стихи чудесные, и я очень рекомендую их Вашему вниманию. Я глубоко огорчен, что критика Алексееву недооценивает, лишь легонько гладит по головке, вместо того, чтобы ее по заслугам выделить. Среди эмигрантских поэтесс она лучшая, да и вообще среди наших поэтов на первых местах.

ПОСЛАНИЕ В ТРАУНШТЕЙН ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ПРОФСОЮЗА ЧИТАТЕЛЕЙ ПОЭЗИИ КЛЕНОВСКОГО

Поэту молодому шлю в Траунштейн привет.
И честно говорю: поэтов лучших нет!
Ну, прямо не осталось ни полушки.
Быть может, если загрохочут пушки,
Тогда в огне, как прежний палладин,
Родится, запоет еще поэт один, —
Который, может быть, в мирах таится,
Но ухватил уже перо Жар-Птицы
И ямбами без всякого греха,
Он отбивает чистый ритм стиха...
О, мир печальный, стань теперь веселым,
Рождай земле второго Царскосёла!
Пусть он бежит из своего Села,
Чтоб жизнь его подальше унесла.

Пускай в словах скупых и осторожных,
Он сделает опять для мира, что возможно...
Да будет так! Но прочь мои мечты
Пока в поэзии, Кленовский, только Ты
Сияешь из Баварии суровой
И каждый год нам даришь сборник новый.
Не унывай поэт, всегда глядящий ввысь,
Стихом своим плодись и пеленись.
Как член професьонального Союза
Твоих читателей, прошу я, Музу: Муза!
Поэта молодого сердцем и умом,
Не оставляй! Входи в Траунштейнский дом.
А мы, хоть не поэты, но мы тоже
Тебе в Траунштейне действовать поможем
Простою прозою — (кто с нею не знаком?!)
Компотом, ветчиною и сырком!
Да будет мир с тобой, певцом любви,
маститым, —
И с поэтессой доброй Маргаритой!

22 авг. 1971
Штуттгарт-Зонненберг

24 авг. 1971 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Были очень удивлены, получив сегодня Ваш привет еще из Европы. Полагали, что Вы уже давно по ту сторону океана! С неделю тому назад послал Вам туда поэтому письмо, в котором выразил огорчение наше, что странствия не привели Вас в наши края, и не состоялась столь желанная встреча с Вами. Выразил я еще при этом свою радость, что беседа Ваша обо мне по радио превратилась в некий триптих, поместившись еще на страницах Н.Р.Слова и Русской Мысли (здесь, к тому же, на пожизненном и никому, казалось, недоступном терапиановском месте!). И вдруг — Ваше письмо вроде того, что из окрестностей Траунштей-

на! Еще огорчительней, чем раньше было нам почувствоват, что Вы недалеко и все же для нас недосягаемы! Видно в Мюнхен Ваши пути Вас не приведут... Очень грустно, что не свидимся, тем более, что чувствую я себя все хуже и всякая отсрочка встречи может зачеркнуть ее навсегда.

Спасибо, дорогой Владыка, что так ласково и певуче вспомнили о нас! Не обладая Вашей энергией и молодостью, не могу с налета ответить Вам рифмованными строками и только упомяну, что своими Вы доставили нам большую радость, тем бо̀льшую, что они свидетельствуют о хорошем Вашем настроении.

Надеюсь, что это письмо застанет Вас еще в Штуттгарте — тороплюсь его послать.

Жена и я шлем Вам наш самый сердечный привет и просим вспомнить нас в молитвах Ваших — это сейчас особенно важно...

Душевно Ваш
Д. Кленовский

Прошу передать привет Алле Сергеевне.*

Траунштейн, 11 сент. 1971 г.

Дорогой Дмитрий Иосифович, еще никогда не писал Вам из... Траунштейна! Это не стихи, метафизическое литературоведение, а — немного более простой и, может быть, ясный ответ на Ваше вопрошание. Боюсь, что я на него (а оно важное) ответил несколько суммарно... Пушкина и Лермонтова убил дьявол. *Это было предупреждение России. Это было допущено Богом.* На той высоте человеческой, на которой они оба были (как в высших слоях атмосферы земной) дуют сильные ветры. Им противопоставить можно только силу Духа Святого, Логоса Божест-

* Доктор медицины А. С. Селаври, автор полной Библиографии архиепископа Иоанна Шаховского и хранитель его литературного Архива.

венного — Иисуса Христа. *Пушкин и Лермонтов не защитили себя от дьявольского зла — Христом. И пали, расстреленные злом...* На базар суеты они вынесли свои души. Это все равно, как если бы, какой банкир все свое имущество выставил на лотках базарных средь толпы, без охраны... А они так и сделали. Это вина также всего русского, так называемого высшего общества того времени, и священства уснувшего, впавшего в паралич. *Дьявол* (в разных его выражениях непослушания Богу) *расстрелял этих драгоценных поэтов России.* «Дано» им было «много»... Это — драма таинственная, образ драмы всей России и данное всей России религиозное пророчество: Христос в мир пришел, чтобы мы перестали шутить с жизнью своей и другого человека и пистолетами дуэльными, но вошли в Его Свет...

Обнимаю Вас

Ваш † А. Иоанн

31 декабря, 1971 г.

Порадовало меня сообщение парижских друзей, что известный итальянский славист проф. Ло Гатто (слыхали, наверно, а может и знаете) уделил мне внимание в своем объемистом труде «Russi in Italia», где, с XVII века и до сегодняшнего дня идет речь о тех русских поэтах, писателях, художниках, вельможах, политических деятелях и проч. в творчестве, а то и просто в высказываниях коих нашла свое отражение Италия. В книге дано, в свободном пересказе, мое стихотворение «Шуршанье ящериц в камнях Равенны». Есть в книге досадные пропуски. Так, например, даны краткие высказывания об Италии Бабеля, Катаева, но отсутствует Гумилев с его чудесным «В стране, где гиппогриф веселый льва», и Вейдле, так хорошо писавший об Италии. Из «живых» поэтов эмигрантов даны, кроме меня, только Сумбатов, Эристов и какой то Иловайский; а отлично можно было бы дать Вас (Остийские сады), Олега Ильинского и даже Чиннова.

Меня еще раз посетил юный парижский славист René Guerra и опять взял на ленту мое чтение стихов. Коренной француз, а по-русски говорит лучше иного русского, безо всякого акцента! А жена его, русская, выросшая во Франции, говорит по-русски с трудом!

У нас зима пока что безснежная, сухая и даже тепловатая, что нам очень по душе.

Д. Кленовский

3 янв. 1972 г.

Дорогой Владыка!

Не могу не откликнуться сразу же, с восхищением на Ваше стихотворение «Посылка России», опубликованное в полученном сегодня № Русской Мысли! Замечательно и по мысли и по осуществлению таковой! Как чудесно поэт и пастырь уживаются в Вас!

Осинкина тоже горячо оценила стихотворение и просит сообщить Вам об этом.

На днях послал Вам подробное письмо с рождественским приветом, а потому на этом заканчиваю.

Душевно Ваш

Д. Кленовский

Перечитывая письмо, заметил, что опустил в обращении традиционное «глубокочтимый и». Это никак не от отсутствия почтительности, а от поспешности: желания скорее поведать Вам о моем восхищении!

2 февр. 1972 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Надеюсь, Вы получили посланный накануне того, как я слег в гриппе, мой восхищенный отклик на Ваше стихотворение в Русской Мысли?

Была ли у Вас встреча с Евтушенко? Мне пишут, что его наперебой приглашают в частные эмигрантские дома, а для его вечеров нанимают залы, вмещающие до 5.000 человек.

Сегодня получил грустное сообщение из Парижа о смерти Бориса Зайцева. В октябре, оказывается, умер Свен — нигде не была почтена память этого, очень талантливого очеркиста.

Голова — это единственное, что у меня еще более или менее в порядке. Пишу стихи, и они идут из номера в номер в Новом Журнале, который, впрочем, уделяет все меньше места поэзии: в № 104 лишь по странице на брата, а прежде давал по 3-4.

Д. К.

27 февр. 1972 г.

Получил через сестричество посланный по Вашему поручению чек на 20 долл. — сердечное от нас обоих спасибо!

Мы с трудом поправляемся от перенесенного нами сильного гриппа. Слабость, впрочем, повидимому так со мной и останется, т. к. началась она у меня еще до гриппа. Я вообще, за эту зиму сильно сдал и постарел, ноги почти совсем меня не держат, только голова еще свежа, и я продолжаю писать стихи.

Очень огорчила меня смерть Адамовича. Я не был в восхищении от его стихов, но очень ценил его как умного и культурного критика и публициста, которого всегда было интересно читать. Думаю, что ему повредила поездка в США... Я слышал, что он нередко выступал полубольной, пересиливая себя, а некоторые его вечера были даже отменены по нездоровью. Это было, конечно, очень неблагоразумно. На мои сборники он всегда отвечал похвалами, хвалил их, как мне писала Прегель, в беседах с нею, но о них никогда не высказывался в печати, объясняя это и мне и Прегель тем, что он, мол вообще больше рецензий не пишет, что *неверно,* так как в его симпатию я не верю.

Глеб Струве писал мне, что после смерти Зайцева я становлюсь, так сказать, старшиной эмигрантского литературного корпуса, поскольку осенью мне исполнится 80 лет. (Но я обнаружил, что Евсеев старше меня на год, а Терапиано мой однолетка, но правда родился на пару месяцев позже меня, т. ч. тут приоритет все-же за мной. Интересно, будет ли отмечен юбилей Терапиано и как именно?)

В мае собирается приехать в Европу и впервые за 25 лет дружеской переписки посетит меня Лидия Алексеева. Получили ли Вы ее последний сборник «Время разлук?» Я просил ее послать его Вам и она писала, что исполнила мою просьбу. Я чрезвычайно ценю ее как поэта.

13 апреля, 1972 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Неожиданно коснулось меня Ваше дыхание: появилась в дверях семья (трое: отец, мать и дочь) из Зальцбурга, явившаяся ко мне по Вашей рекомендации. Никаких общих интересов с главою семьи у меня нет, и очень затянувшаяся и утомившая меня встреча была бы совсем неудачной, если бы в составе семьи не находилась шестнадцатилетняя дочь, притащившая на мое суждение большую тетрадь своих стихов. Стихи, конечно, еще очень наивные, но умилительно, что такой ребенок их, вообще, пишет и притом с увлечением. Обращают на себя внимание темы стихов, часто очень серьезные, неожиданные и разнообразные: о Везувии, об орле, о воронье, слетевшимся на поле битвы, о цирковой лошадке, о каравеллах и, конечно, о любви, причем девочка, повидимому, очень скромная и застенчивая, уверяет, что она любила слишком многих, а потому не может ответить взаимностью новому поклоннику. Я, конечно, всячески подбодрил девочку и подарил ей свой сборник.

Получил от Родиона Березова приглашение на его... свадьбу 23-го апреля в Miami. Как и можно было ожидать,

невеста баптистка, состоятельная (два дома и т. д.). Ей... 72 года, а Березову 77. Письмо написано в состоянии полного восторга и счастья, оба ощущают себя 25-летними.

Знакомый моего знакомого ездил в СССР и отвез туда «Почерком поэта». Воротясь сообщил, что мое стихотворение из этого сборника «Нади, Любочки и Верочки» было, как он выразился, «переписано раз 20 от руки теми, кому он его показывал». Порадовало это меня чрезвычайно!

Штуттгарт, 4 мая, 1972

Любезнейший и дорогой Дмитрий Иосифович!

Ваше письмецо от 13 апреля пропутешествовало два раза чрез океан Атлантический и весь континент Америки, одним словом, совершило кругосветное путешествие — и нашло таки меня в Швабии, где я сейчас отдыхаю от путешествия в Израиль — в апреле. Надежд не имею, что до отбытия в США сможем повидаться мы и оттого пишу эти строки. Приезд дружественной мне семьи русской был *формой моего письма к Вам,* которое, в золотые времена нашей поэзии всегда шло чрез индивидуальные контакты (с пометкой «в собственные руки»). Я рад знать, что Вы оценили талант девочки, но жаль, что недостаточно оценили моего б. ученика. Одна его судьба (более, чем страдальческая) могла бы в поэте Вашего масштаба вызвать больший интерес, чем писание стихов, или чуткость к поэзии литературной. Бывает ведь и иная поэзия, не меньшая. К сожалению, поэты нередко впадают в профессионализм и их интерес к живому человеку, стоящему перед ними, измеряется мерками односторонними, чем сам поэт лишает себя (а чрез себя и других) некоей ему по-чину присущей глубины... Вероятно, Ваша привычка от времен прошлых, отталкивания от незнакомых людей и невольная погруженность в контакты, для Вас интересные, лишь по литературной линии (как и понятная тоже погруженность в свои

немощи телесные), не могли не ограничить Вашего — если сказать торжественно — «видения мира и человека».

Если в моих словах есть капля упрека, то он очень дружественный, истекающий из сочувствия. Мне, как то, интересен *всякий человек,* совсем независимо от его литературных интересов или способностей (или его интереса ко мне, к моим талантам)...

Жизнь весьма богата вокруг. И, как раз, у этого Вашего гостя X., есть одна ценная рукопись о личных его переживаниях в Лефортове в тюрьме на Пасху...* А то, что Вы выловили в мире поэтессу, это подстать только мэтру. Гумилев выловил Одоевцеву (и даже подарил ей луну, как известно, из ее воспоминаний). И Вы, может быть, большой талант выловили.

Об Израиле можно было бы много сказать, и не только поэтического, но, поберегу Ваши глаза для поэзии.

Обнимаю Вас сердечно и приветствую Осинку, — *дружину* Вашу.

10 мая, 1972 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Сперва (на днях) получил Вашу открытку из Израиля.

Вчера пришло Ваше письмо из Штуттгарта. Сердечное спасибо за заботы. Очень сожалеем, что у Вас нет надежды на свидание с нами! Так хотелось бы Вас еще разочек увидеть!

Смиренно выслушал Ваше наставление в отношении суждения моего о Вашем ученике (?? вероятно, не учебном, а в духовном смысле этого слова.** В порядке не самооправдания, а уточнения, должен сказать Вам следующее. Вы сожалеете, что я «недостаточно оценил» X.; но право-

---

* Я за такую безхитростную прозу отдал бы не мало стихов своих.

** Скорее в учебном, именно. Он мальчиком был моим учеником в Кадетском Корпусе в Белой Церкви, в Югославии. А.И.

же, он не проявил, при встрече, ничего, за что можно было его «оценить». Его «страдальческая судьба», конечно же, вызвала у меня сочувствие, и я, как умел, дал ему это понять; но это собственно, было все, что я о нем узнал. Занялся я, естественно, девочкой, ради которой вся семья и приехала ко мне, и тем самым в той области, которая мне, так сказать, по плечу, оказал должное терпеливое (несмотря на утомление от долгого пребывания гостей) внимание. Что мог я сделать или проявить по отношению к самому Х.? Не судите по себе. Ваши пастырские возможности в таких случаях несравнимы с возможностями и способностями простого смертного, каким являюсь я. Вы можете и подбодрить и утешить и взять душу человека себе на вооружение. Это Ваше великое счастье, которого я лишен.* Судьба соотечественников, прошедших или проходящих сейчас в СССР мучительные испытания души и тела, всегда меня глубоко волновала (я был, в свое время, и свидетелем сего в России) и волнует, так что против невнимания или непонимания этих испытаний я не грешу.

Что касается «интереса к *живому* человеку», в отсутствии чего Вы меня обвиняете,** то учтите, дорогой Владыка, и такие обстоятельства: *полуживому* человеку, каким сейчас являюсь я (недуги мои всё усиливаются и осенью мне минет 80 лет), приходится чисто физически, вероятно, ограничивать свой интерес ко всему внешнему, ощущая и некую бесполезность такого интереса. Я, так сказать, доживаю свою жизнь и, естественно, замыкаюсь в самом себе. «Порывы» и в поэзии моей миновали, не только в общении с людьми!

Должен еще прибавить, что г. Х. не произвел ни на меня, ни на жену, приятного впечатления, в то время как его «дружина» (согласен с Вами в отношении этого слова.

---

* В этом то и беда, что любовь к душе всякого человека и заботу о вере его возлагали и возлагают только на пастыря. Но, все люди включаются в заботу о душе брата-человека. А.И.

** Это слово, конечно, совсем не точное. Я только пожалел, что такой большой поэт не мог преодолеть литературности, в коей только и живут некоторые поэты. Здесь вопрос не нравственный, а метафизического видения мира и человека. Тут и суть поэзии. А.И.

По-украински нет слова «жена», а есть «дружина») произвела на нас обоих хорошее впечатление. Вы, вероятно, знаете г-на Х. давно и хорошо, и даже связаны с ним узами учительства; а для меня он нечто неведомое и разгадать его достоинства с первого взгляда я не мог.

Пишу Вам в Штуттгарт, надеясь, что письмо Вас еще там застанет. От Осинкиной, конечно, самый сердечный привет! Оба поручаем себя молитвам Вашим, необычайно для нас ценным!

Душевно Ваш Д. Кленовский

16 июня, 1972 года

Милый Дмитрий Иосифович,

Привет Вам и Осинке... Письмецо Ваше дошло до меня. Я Вас не хотел укорять, а, так как пишу Вам всегда искренно («без дипломатии») и желаю Вам *всегда* душевной пользы, то, может быть, говорю иногда то, что *никто* Вам не скажет. Да и, может быть, не заметит того, о чем говорю и не поймет, *о чем* речь.

Но, так как мое отношение к Вам «весьма приязненное» (говоря на низких регистрах), то мне бы хотелось всегда лицезреть Вашу светлую вдохновенность не только в области одних рифм. Вы меня все же поймете. Судьей же сам себе поэт может быть только, если, кроме трех измерений поэзии, в которых он благословенно живет, ему дорогà еще поэзия такая, которая самое простое слово может сделать словом все с большей перспективой и более богатым, чем то, что в его рифмах.

Как и Вы, я тоже прибаливаю. И кроме того, на мне висит еще и мое служение душам в Сан Франциско, на котором все держит меня Хозяин жизни... Будучи теперь в мае в Париже, устроил я у себя в гостинице (благо, номер был вместительный) прием для писателей-литераторов, сотрудников «Русской Мысли» (сестры моей и ее мужа не было: они отдыхали в Германии и Австрии). И я поэтам

и литераторам показал те любопытные замечания, которые Женя Евт-ко сделал (по моей просьбе) на мою поэму «Упразднение Месяца». Весьма это любопытно и характерно оказалось! С большой дозой откровенности и смелости с его стороны. Но, конечно, кое в чем и «советскость» его проявилась.

Обнимаю Вас. Привет р.Б. Маргарите Денисовне, консулу ангелов Ваших.

Арх. Иоанн

Если будет время и охота, прошу Вас, с откровенностью (которая есть эквивалент дружества высшего) выскажите мнение о прилагаемых четырех «пиэсах». Какие из них Вы бы включили в сборник? Почему — да, а если нет, тоже — почему. Отбросьте боязнь затронуть обидчивость поэтов (существ, как известно, обидчивых).

23 июня, 1972 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Порадовался Вашему письму, в частности тому, что Вас приглашают на Вольфгангзэе — есть, надеемся мы, шанс, что Вы оттуда вторично совершите, как говорят немцы, katzensprung в Траунштейн.

На прошлой неделе был у нас наш искренне любимый, не за подарки, а за самого себя Макс Фогль. Каждые 2-3 месяца он трогательно навещает нас, хотя ему, слепому, и трудно и невесело тратить несколько часов на один только переезд в автомобиле к нам и обратно. Всегда балует он нас разными гостинцами. Проводит у нас час-полтора в очень хорошей беседе и всегда поражает своей покорностью судьбе и даже больше того: каким то удовлетворением ею и светлым принятием своего жребия. Удивительный человек, и мы испытываем к нему глубокую симпатию и уважение.

Получив Ваше письмо, испугался той великой ответственности, кою оно на меня возлагало: отобрать овец от козлищ, среди присланных стихов. К великой моей радости, козлиц не оказалось (да и могло ли оно быть иначе), так что отбирать нечего! Во всех четырех «пиэсах» Ваше светлое и чистое дыхание, все они мне чрезвычайно по душе и, вообще, очень, очень хороши. Вот только названия предпосланные каждому из них (должны ли таковые обязательно быть?), меня, кроме «Тайна неба», не удовлетворяют... Я лично, названий избегаю, но есть поэты, которые их считают как бы обязательными (так было, хотя бы у Гумилева), хотя к восприятию стихотворения (за редкими исключениями) они ничего не добавляют. Есть, конечно, случаи, когда названия необходимы, но здесь я таковой не вижу.

Была у нас недавно очень приятная встреча: с поэтессой Лидией Алексеевой, приехавшей на месяц в Европу. Я с нею 25 лет в очень сердечной переписке, а лично свиделся впервые. Я чрезвычайно ценю ее и как поэта, и как человека. Провела она у нас 3 дня; хорошо поговорили и порадовались друг другу. Бо́льшую часть своего отпуска она проведет в Югославии, где прошло ее детство и юность и где она окончила философский факультет Белградского университета. На встрече с Л.А. убедился, как я постарел и ослаб: не мог так поухаживать за гостем, как привык! К 5-6 часам вечера совсем выбывал из строя, так что приходилось прерывать встречу до следующего дня, и на обратный поезд проводить ее не смог... Ведь осенью исполнятся мне 80 лет, и надо удивляться и благодарить Творца, что жизнь моя настолько продлилась, несмотря на всё пережитое в России.

13 августа, 1972 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Посылаю Вам в этом письме еще одно доказательство того, что служители православной Церкви бывают озарены поэтическим даром: акростих св. Димитрия Ростовского,

посвященный св. Димитрию Солунскому. Ведь Вы, если не ошибаюсь, были в миру Дмитрием, а один из вышеозначенных святых был, возможно, и Вашим святым (мой — Димитрий Солунский).

Акростих этот я получил от ученого и маститого акростиховеда, Геннадия Геннадиевича Панина, собравшего огромный материал по этому особому роду поэзии и сочинившего свыше 600 собственных акростихов, достигши в них большого совершенства (меня лично этот род поэзии не прельщает). На обороте текста — разъяснения Панина, необходимые для понимания текста.

У нас — без новостей. Оба, как говорится, перемогаемся. Посетил нас, третий раз за год, тот юный обрусевший француз литературовед, о котором я Вам уже писал. Снова записал на ленту свою со мной беседу и с полсотни моих стихов в моем исполнении. Поражаюсь его *безупречному* знанию русского языка! Зовут его René Guerra, живет и преподает в Париже. Занятно, что очень милая жена его, русская по национальности, говорит по-русски куда хуже мужа-француза, это потому, что она родилась во Франции (в семье эмигрантов) и училась во французских школах (она — врач).

Просьба: *пришлите мне, пожалуйста, книгу своих разговоров с Москвой о бессмертии!*

Огорчила меня смерть Софии Прегель. Она очень любила мои стихи и мы переписывались. Она переправила немало моих сборников в СССР.

Душевно Ваш Д. Кленовский

Штуттгарт, 16 окт. 1972

Дорогие Дмитрий Иосифович и Маргарита Денисовна,

Приветствую Вас из Германии! Только что прибыл из Швеции и Дании и завтра лечу обратно в Америку. Такие быстрые дела.

Весной мне один петербуржец, только что прибывший в Израиль, там подарил виды Царского Села. Посылаю их Вам, хотя Вам и не надо обновлять своего духа (достаточно молодого). Надеюс. Вы оба бодры и ясны духом и несете немощь старческую с верой теплой.

С любовью Странник

П.С. Кажется, в Швеции выйдет «Избранная Лирика» сего Странника к буд. году. Последние стихи «Легкие стихи» туда включаются. Ровно 50 лет тому назад было напечатано наше первое стихотворение в «Русской Мысли» (тогда это был толстый журнал, под редакцией Петра Берн. Струве).

Надеюсь вами получена моя последняя книга «Московский Разговор о бессмертии». Если доживем до следующего пребывания в Европе, надеюсь повидаемся. А пока напишите мне вдохновительное письмецо (все равно в стихах или в прозе).

20 октября, 1972 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка! Рад был получить от Вас весточку, так-как давно таковых не имел. Вы так прочно законспирировались, что я лишь в самое последнее время узнал о том, что Вы в Европе, и продолжал писать Вам в Америку. Письма туда пошли в конце июня и в начале августа; и особенно досадно, если пропало это последнее, ибо в нем был акростих святого Дмитрия Ростовского (кажется Ваш святой?), посвященный Дмитрию Солунскому (моему святому). Акростих сей раскопал и прислал мне усердный искатель экземпляров сего поэтического жанра, он же автор великого их множества Геннадий Панин (может заметили его исследования на эту тему в Новом Журнале). Думал, что акростихом этим, живым свидетельство того, что высокие служители Церкви беседо-

вали с музами, доставлю Вам радость. Не исключено, впрочем, что Вы его уже знаете или даже имеете.

Ваших разговоров с Москвой я не получил и был настолько этим огорчен, что в последнем письме обратился к Вам с просьбой меня этой книгой снабдить. Радуюсь, что предстоит издание избранных Ваших стихов!

Спасибо за царскосельские виды, всегда близкие моему сердцу. Впервые узнал по ним, что воспетая Пушкиным, Ахматовой и... Кленовским девушка с разбитым кувшином, «откуда пили ласточки и музы», была похищена немцами во время оккупации Царского Села и превращена, вероятно, в какой-нибудь смертоносный снаряд. Благодарение Богу, она восстановлена во всем своем очаровании.

У нас этим летом было мало заокеанских гостей. Некоторых отпугнула Мюнхенская спортивная Олимпиада.

О самочувствии, своем и жены, ничего веселого сообщить не могу, я как то все быстрее старею и слабею. Передвигаюсь с трудом, не сплю ночей из за разных болей... Немудрено, так как в конце сентября мне исполнилось 80 лет! Я даже, собственно, зажился на земле... Мои друзья-однолетки (среди них Лева Зандер) поумирали уже 5-6-7 лет тому назад, а они не пережили того, что пережил в советской России я! Только голова еще свежа и стихи писать (плохо ли, хорошо ли) продолжаю, как Вы можете убедиться по Новому Журналу.

О моем восьмидесятилетнем юбилее из моих соотечественников знали лишь очень немногие и почтили меня, главным образом... немцы. Врач-уролог явился с огромным букетом (хотя за мое лечение, как неимущего он получает от государства гроши). Хотел, вероятно, почтить мое долготерпение, так как каждую неделю он мучает меня крайне болезненными процедурами. Тоже с букетом цветов и бутылкой шампанского явился аптекарь! Почтила меня местная газета и администрация нашего Heim'а. Так что «чествование» носило международный характер! Порадовали меня мои мюнхенские читатели и почитатели, приславшие мне сообща через тамошнюю библиотеку цветы и привет.

31 дек. 1972 г.

Жена и я сердечно поздравляем Вас с праздником Рождества Христова и шлем наши самые хорошие новогодние пожелания!

Огорчает меня, Владыка, что Вы совсем позабыли обо мне... Свой «Разговор с Москвой»,* который нам обоим очень хочется прочесть, Вы не прислали, хотя я дважды просил Вас об этом. Не знаю я также, дошло ли до Вас то мое письмо, в котором я послал Вам акростих, написанный святым Дмитрием Ростовским (Вашим в миру святым, если не ошибаюсь), в честь святого Дмитрия Солунского (моего святого)? Послал я его по Вашему американскому адресу, не зная, что Вы в Европе. Думаю, что сие поэтическое произведение, вероятно единственное** написанное, вообще, святым Угодником, должно было бы Вас заинтересовать, и жаль если оно пропало.

Из Нью-Йорка мне сообщили, что там состоялся вечер, посвященный моему восьмидесятилетию. Доклад делал Ржевский, впечатлениями от встреч со мной поделилась поэтесса Нонна Белавина, она же прочла мои стихи. Из писем знакомых вижу, что со своей задачей оба справились превосходно. Инициатором вечера был Ржевский, что весьма лестно, так как до сих пор он выступал только на вечерах, посвященных Достоевскому и Солженицыну.

Сердечный привет от нас обоих! Д. Кленовский

---

* Имеется в виду «Московский разговор о бессмертии». Нью-Йорк. 1972. А.И.

** Кленовский здесь ошибается. Св. Дмитрий Ростовский (17-18 века) — один из первых поэтов России.

5 марта, 1973 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Да, именно Вы (а не я) были эпистолярным super-должником!! С конца сентября я не имел от Вас вестей, на три моих письма не получил от Вас ответа и несмотря на трое кратную мою просьбу, не получил от Вас Вашего разговора с Москвой. Одно время я тревожился, все ли у Вас благополучно, но, запросив на этот счет моих санфранцисских знакомых, был их ответом успокоен. В результате сего, однако, тревога за Вас сменилась глубоким огорчением... Неужели, думал я, лишили Вы меня своего привычного внимания? Чем заслужил я Вашу немилость?? Рад, что эти мои опасения не оправдались!

Повествованиями о себе докучать Вам не хочется. Думаю, что все же получили, хотя бы частично, те три моих письма, что я с октября Вам послал. Повторяю только вкратце, что в декабре небезызвестный Вам проф. Ржевский организовал в Нью Йорке собрание, посвященное моему восьмидесятилетию, на котором сам выступил с докладом, а поэтесса Нонна Белавина прочла мои стихи и поделилась впечатлениями от пяти встреч со мной. После появившегося об этом в Н.Р.С. отчета, я начал получать одно за другим приветствия от многих знакомых и незнакомых, среди которых было много особенно теплых и сердечных.

Голова моя еще свежая, так что стихи писать продолжаю и они появляются, как Вы вероятно заметили, в каждом № Нового Журнала, а одно было опубликовано в Русской Мысли. А вот тело мое со всеми его потрохами все быстрее слабеет и хиреет. Передвигаюсь с трудом, мучают все сильнее болями всякие недуги. Порою даже Осинкиной приходится выручать и поддерживать меня (до сих пор было наоборот). Старость все сильнее в меня вгрызается и защищаешься от нее только терпением.

Д. К.

27 марта, 1973

Милый Дмитрий Иосифович,

Привет Вам и Осинке, которую Вы укрепляете в жизни. Кто то из нас в долгу, как в шелку. Кажется я больший грешник. Но Вы не знаете психологию грешника, он любит самооправдание... Не удивляйтесь, что пишу Вам восхитив целую толику времени перелетом на Канарские Острова. Григорий Сковорода правильно говорит, что за счастьем не надо ездить на Канарсике Острова, ни пролазить в паны. Вы видите отсюда всю бездуховность Вашего корреспондента. Приглашенный в сие место вечной весны, прибыл сюда, сняв некоторые заботы свои, хотя бы на некот. время. «Избранное» Странника где то зреет в Швеции. Непременно дойдет оно и до Траунштейна. Хозяину моему 87 лет, а в хождении я за ним не угонюсь. Вот пример для всех поэтов.

Надеюсь дошел до Вас, в конце пришлого года, № «Русской Мысли», где я Вас прочно упаковал в Серебряный Век. А мы все прочии, конечно в Веке *Непролазном.* Вылезет ли из него род людской, трудно сказать. Поэтам надо постараться. Много что зависит от них! Но мир этого еще не понял...

Обнимаю Вас и желаю Вам и Марг. Ден. многих сил. В храме говорят: Тако да просветится свет твой пред человеки, яко да видят добрые дела твои и прославят Отца нашего, еже есть на небесах»... Это надо бы говорить и поэтам, которые строками своими смотрят в небо.

С любовью Странник земли сей.

1 мая, 1973 г.

Появился Май зеленый,
В моду прочно входят клены.
Май — конец земному сну.
Доказательство сему:
Без саней и без фургонов
За Кленовским скачет Кленов.*
А вдали — о, жалкий вид! —
Даже Кленчиков спешит...

СТИХИ ПАИСИЯ КЛЕНЧИКОВА

Трудные рифмы

Маргарита Денисовна
Добродетельна издавна,
А Димитрий Иосифов
Добродетелен до сих пор.

Примечание:

Как можно увидеть,
Влияние модернизма
Распространилось на Калифорнию,
Побеждая классику Траунштейна!

* В «Н.Р.С.» появились стихи Кленова (поэта «Третьей эмиграции»).

5 мая, 1973 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Пришли, одно за другим, два Ваших письма: с пасхальным приветом и подарком (за который сердечно оба благодарим!) и (второе) с прелестным экспромтом Вашим по поводу появления в печати стихов моего без малого однофамильца. Появление его меня не порадовало... Еще, смотришь, начнут нас путать и принимать одного за другого! Хорошо еще, что Андрей, а не Дмитрий и стихи неплохие. Откуда он, вдруг, появился?!

У меня на праздники была радость совсем особого рода, которая будет понятна Вам более, чем кому-либо другому. Включил я австрийское радио и попал на богослужение в католической (в Граце) церкви, именуемой церковью «святых ангелов-хранителей». Вы знаете, как глубоко я в «них» верю, и меня всегда огорчало, что церковь уделяет «им» как-то мало внимания (или я проглядел?). Конечно, в писаниях духовных им внимание уделено большое (ну хотя бы в «Лествице Иаковлей» о. Сергия Булгакова), но впервые узнал я о церкви, в честь ангелов-хранителей именуемой. Не единственная ли она на целом свете?? Очень это меня порадовало.*

Ваш совет перейти на поэмы — отвергаю. Стар я для такой большой формы! Это Вам, столь юному душой, она по зубам! Я уже заметил по Вашим стихам в газетах этой зимой, что от восьмистиший Вы переходите к четверостишиям! К тому же я считаю, что небольшое стихотворение легче и глубже западает в душу, чем поэма (если что из нее и западает, то это кусочки!). Вот у меня как раз есть свежий пример. Поэтесса Лидия Алексеева прислала мне выписку из письма своей, проживающей в Югославии знакомой, которая не знает, что Л.А. близко знакома со мной.

---

* Православная Церковь *каждый понедельник* празднует день Свв. сил бесплотных (т. е. всех ангелов). И здесь делается понятным, почему демоны считают понедельник «тяжелым днем». Верующие ангельски радуются ему. И не мало есть православных храмов, посвященных Св. Михаилу Архангелу и прочим силам бесплотным. А.И.

Цитирую: «Я должна Вам рассказать об одном стихотворении Кленовского, которое делает большое дело, а автор и не подозревает. Если бы знал, то порадовался бы, и если Вы будете с ним в контакте, расскажите ему об этом. Много лет назад, я списала очень мне понравившееся стихотворение Кленовского «В комнате умершего» (есть в сборнике «Стихи» Д.К.). В это время одна моя подруга потеряла своего глубоко любимого мужа и страшно горевала. Я дала ей это стихотворение, и на нее оно произвело такое успокаивающее действие, что она вернулась к нормальной жизни и потом неоднократно делилась этими стихами с другими осиротевшими душами и неизменно залечивала раны и другим. Последнее поразительное действие этих стихов испытала на себе вдова Сикорского, и она жаждет познакомиться ближе со всеми произведениями Кленовского. Ну разве это не счастье создать такую чудодейственную вещь! У Кленовского особая ценность в том, что его поэзия конструктивная, нужная».

Убеждаюсь, что главный смысл поэзии — помогать людям!*

В первом из двух моих стихотворений в № 110 Нового Журнала, при наборе, перепутаны строки и получилась бессмыслица. Во второй строфе третья строка должна быть четвертой и наоборот. Правильно будет так:

Ведь там не просим, где ничем
Никто помочь тебе не в силах!
Ты перед камнем будешь нем
И им не станем — о зачем! —
Просить о жизни у могилы!

Внесите, пожалуйста, поправку в свой экземпляр. Я написал Гулю и попросил напечатать поправку.

Любопытно, что путаница в строках не помешала Моршену в пасхальном мне привете поздравить меня с этим стихотворением, как «с большой удачей». «Это стихотворение (пишет он) превышает мерку просто хорошего произ-

* Если жизнь человека не имеет другого смысла, как только помогать человеку, какой же другой смысл может иметь поэзия? А.И.

ведения и совершает — во второй строфе, — некий прорыв в заповедные сферы большой поэзии. Искренне за Вас радуюсь! Вторая строфа — прямо тютчевский взлет!»

В Австралии в г. Аделаида выходит ежемесячная литературная газета (формат — половина Русской Мысли), печатающая целыми страницами стихи русских классиков и советских поэтов. Я обратил внимание редакции, что она совершенно игнорирует поэтов-эмигрантов, не упоминая при этом, конечно, о себе. Результат получился неожиданный: появилась целая страница, посвященная... мне (фото из «Стихов», короткая статья и 10 моих стихотворений, в том числе «Всевышнему»). Не получаете ли Вы эту газету? Там было объявление (подробное) о Вашем разговоре с Москвой.

Осинкина подверглась операции всего лишь пальца, но настрадалась изрядно и до сих пор (а прошло 4 недели) страдает. А у меня был легкий, но все же сердечный припадок.*

По дряхлости и слабости нашей просим Ваших сугубых о нас молитв!

Душевно Ваш Д. Кленовский

29 окт. 1973 С. Фр.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Получил Ваше насыщенное, как всегда, искренним словом, письмецо и рад был заметить что почерк Ваш, «наперекор стихиям» ничуть не стареет, — не то что мой, пляшущий уже в разные стороны (стараюсь этому почерку не давать проникать в мысль)... Итак, этот милый батюшка, так серьезно относящийся к своему делу, посетил Вас и даже предложил отслужить молебен и дать Вам причастие. Вижу, что этого Вы испугались. Я бы сказал «убояшеся стра-

* От него и скончался Кленовский через 3 года — трудных для него. А.И.

ха, идеже не бе страх». Конечно, без веры нельзя ничего делать и это единственное, что можно сказать в понимание сего факта (это не совпадает с оправданием, т. к. и оправдание есть какой то суд). Но если бы у Вас нашлось бы больше простоты сердца и веры в Промысл, Вы бы не отказались от Вам предложенного, несомненно силами добрыми (не только видимыми).

Те внешние причины, которые побудили Вас отклонить предложение отца Сергия легко бы конечно могли быть устранены; в таких учреждениях, тем более христианских, всегда имеется комнатка для любого пастыря и его нужд, и гостеприимство в евангельских домах особенно всегда ясно (как и в католических, после Ватиканского Собора). Да и молебен может быть таким же тихим, как моя молитва была в Вашей комнате. Просто, Вы внутренне не были готовы к такому предложению православного пастыря. И ненужное чувство страха пред несуществующей сложностью помешало Вашей вере и простоте ее духа...

Рад знать, что стихи Ваши дошли до Чуковского и до других в России. В «Железном Занавесе» много дыр уже есть. Мы известны там и годы сделают свое, все наше лучшее проникает туда и будет утешать там людей. У меня в этом нет сомнения. Есть и тому доказательства, полученные даже и теперь вот летом, во время моего 4-х месячного пребывания в Европе. Между прочим, среди евреев русских (тысячи их уехали и уезжают из Сов. Союза) не мало есть очень высоких по культурному уровню людей. Есть и очень глубокие православные христиане. Я бы хотел, чтобы наши пастыри были на таком уровне, как эти люди, двояко унижаемые (как при Наци) и по еврейству, и по христианству...

Царство небесное Александру Неймироку, — славный был человек (и страдал сердцем давно). — Вашим же стихам обеспечено место в обще-русской поэзии — и это так, даже если бы не было читательских откликов. Мы у ангелов на учете и по этой линии.

Но все — в Руках Божиих... И от воли Его зависит, будет ли принято в землю наше зерно и — пойдет ли в хлеб

людям то, что вырастает и вырастет из него. От нас сеяние, а урожай не от нас, а от Дающего силу зерну.

Новую горсточку, отпечатлевшуюся на шведской бумаге должны Вы вскоре получить от Странника, желающего Вам и Осинке Ден. многих сил и зеленения сквозь все сезоны. Призываю на Вас обоих милость Божию — и веры и любви к Нему умножение.

Ваш А. Иоанн

29 дек. 1973 г.
Сан Франциско

Милый Дмитрий Иосифович,

получил письмецо Ваше о вере... Мне трудно, даже невозможно быть человеком, «износящим суждение» в том случае, который Вы описываете. Если бы я не верил в веру Вашу, никогда бы не направил к Вам священника, отца С.* Слово мое о том, что «не было у Вас веры», не имеет отношения *к той вере, о которой Вы говорите, и которая у Вас есть* (хотя ее никогда не достаточно бывает, для верующего, и он хочет все бо̀льшей веры и ощущает себя нищим в ней). Я сказал о вере, которая отождествила бы волю Божию с

---

* Произошло недоразумение. Узнав в Мюнхене от одного православного русского благоговейного священника, что он объезжает больных и одиноких в Баварии, я просил его навестить Крачковского. Батюшка (ныне покойный), появившись в этом Доме, где жили Крачковские, и войдя к ним, стал сразу спрашивать Д. И. «когда он в последний раз причащался». Повидимому, он испугал Д. И. своим динамизмом и излишней (в таких случаях) «прямолинейностью». (Может быть, он, сам пожилой, себя плохо чувствоал)... Кленовскому не хотелось, чтобы у меня осталось впечатление, что у него «нет веры». И я ему поясняю,что в отношении Св. Причастия важна не только вера в него «по существу», как в Причастие Христу, но и вера, как возможность, для себя, *принять Причастие в данный момент*. (Причастие предполагает подготовку).

Крачковские посещали церковные службы в том Heim'е протестантском, где жили. Маргарита Ден. была лютеранкой, и стал вместе с нею там причащаться и он, о чем он упоминает в одном письме.

этим предложением, простым и безхитростным православного священника, к Вам приехавшего и от чистого сердца желавшего с Вами помолиться. (И дело тут совсем не в необходимости громогласия).

Чтоб также безхитростно — и смиренно — принять это предложение, как Божию волю, — нужна была *та вера,* о которой я говорю... Что поделать, ее у Вас не было, или не хватило... Это не укор Вам и не умаление той веры, которая у Вас есть, а простая констатация факта.

Душа Ваша поможет Вам понять лучше мое письмо предыдущее и это. Что касается Вашего творчества, то оно стоит по колено и даже по грудь в вере христианской, евангельской. Покрыто ли оно с головой ею, утонуло ли Ваше сердце в ней — не мне судить. Ангелы это только (имея знание от Господа) — могут знать. Все мы недостаточны, в любви к Богу, все мы хромы и подслеповаты, хотя и возсиял в мире нашем Свет Разума.

Поздравляю Вас и Осинку Денисовну с рождением в мире Бога и Слова.

С любовию † А. Иоанн

25 апреля, 1974 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Давно, с прошлого года, не имею от Вас вестей, да и сам Вам давно не писал... Последнему есть два объяснения. Во-первых: узнал, что с 1-го декабря, 1973 г., Вы имеете годичный отпуск, и предположил, что на это время Вы покинули Сан Франциско и уединились где нибудь в Швейцарии или Швеции, откуда дадите о себе знать, а потому писать Вам в США бесполезно, письмо может затеряться. Я и сейчас пишу с опаской, ибо о Вашем местонахождении я попрежнему не знаю. Второй причиной моего молчания явилось то, что я вот уже два месяца тяжело болею очень мучительным урологическим недугом, на который не толь-

ко нет управы (в том числе и оперативной), но даже облегчение страданий невозможно. Врачи предложили только одно: *терпеть*, что я и делаю; но на это уходит много сил, что все более и более меня ослабляет. Легче мне только, когда лежу, и похоже, что мне придется вскоре стать постоянным постельным больным. Бедная моя женушка, не щадя своих слабых сил, старается облегчить мне мое существование, но надолго ли их у нас хватит? Настроение поэтому очень невеселое.

Если бы не все это — хорошо провели бы пасхальные дни. В доме было богослужение (лютеранское. Помните тютчевское: «Я лютеран люблю богослуженье»?), и мы с женой причастились Святых Таинств. Посетило нас четверо добрых знакомых из разных мест Германии, навезли нам пасок, куличей, крашеных яиц, цветов и т. д. А в Страстную субботу — почта из США принесла нам пасхальный подарок: вырезку из Нв. Русск. Слова от 7-го апреля, с очень лестной статьей обо мне Ржевского, присланную сразу несколькими заокеанскими друзьями. В конце мая прилетает в Европу наша любимая (и вообще, лучшая в эмиграции) поэтесса Лидия Алексеева. Она нас посетит, чему мы очень рады. —

Сердечный привет от жены. Поручая себя и ее молитвам Вашим,

Д. Кленовский

Штуттгарт.
21 мая, 1974 г.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

Привет весенний Вам и дружине Вашей, Осинке Денисовне... Письмо Ваше получил несколько дней тому назад, прибыв в Штуттгарт после путешествия по Швейцарии и Франции. Во Франции (около двух недель я был в Париже), по совету Вашему, вошел в контакт с симпатичным

(и трогательно привязавшимся к Зарубежной русской литературе) Guerra... Оказался у него подбор самых допотопных моих поэтических сборников, — удивил меня страстью своей научно исследовательской. В его лице Вы имеете хорошего друга. Дом его ждет Л. Алексееву к себе. И я радуюсь, что она посетит и Вас. Это Ваша явная и независимая от Вас (как в истинном мастерстве) ученица.

Материал ее поэтический очень добротен. И можно ее сравнить со флейтой (по звуку). Последний сборник ее я не получил (может быть, он пришел уже после моего отъезда из Сан Франциско в начале марта)... Как Вы можете видеть, отпрыск Вашего зеленого мира, Кленов, цветет по весеннему, а, кто он и — «какого года рождения» — неизвестно. Может быть, Вы — младенец рядом с ним? С поэтами так и сяк может быть. Из «третьего возраста» они легко перескакивают — в первый. Поэту всё можно! Но Вы начали пристариваться 30 лет тому назад, по закону мудрецов. И в этом преуспели больше, чем Кленов. Что касается Кленчикова, то он захирел и не балует поэзию.

Хотел бы Вас повидать и Осинкину. Некоторое время придется пробыть мне в Европе. Летом будет в Австрии Съезд Достоевсковедов (на Вольфгангзее). Если доживем, может быть, остановимся по пути и навестим Траунштейн.

Рецензия Ржевского на Вашу поэзию дошла до меня. *Прекрасная*. Делает честь ему. Это настоящий русский Зарубежный прозаик, коих, увы, раз, два — и обчелся. Все, что он написал о Вас — верно и — входит в Ваш «След жизни». Не бойтесь, — останется след сей. А главное, чтоб «там» обняли с радостью.

Обнимаю Вас. Мир, привет, благословение

Ваш † А. Иоанн

Я немножко маракую, кое что шлю (не всё) в «Русскую Мысль». Последнее не знаю, дошло ли до Вас:

«Жалость к младенцам» и
«Наступление пустыни»,
(историософское).

28 мая, 1974 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Вы очень порадовали меня своим, столь сердечным и ласковым письмом. Спасибо за хорошие слова, за то, что не в обиде на меня за некоторые мои поступки и суждения!

Рад очень, что встреча с René Guerra была Вам по душе! Одновременно с Вашим письмом пришло письмо и от сего последнего, из которого вижу, что на него встреча с Вами произвела большое впечатление. Я лично глубоко ценю его «научно исследовательскую страстность» и «привязанность к зарубежной русской литературе» (как Вы выразились). Чрезвычайно важно для этой литературы, что объявился вот такой молодой еще и страстный литературовед. Именно такого не хватало, налицо ведь только умудренные, конечно, опытом, но старики. Только таким как Ренэ дано поддержать и сохранить для будущей России творчество эмигрантских авторов.

Я слышал стороной, еще до Вашего письма, что Вы были на юге Франции, посетив там поэтессу Таубер, а затем — в Лозанне. Полагаю, что львиную долю своего отпуска Вы проведете в Европе, побывав в своих любимых местах и побеседовав там с музами. Помнится, у Вас есть возможность отдыха в одиночестве на Wolfgangsee (не в Sankt Gilgen ли?). Оттуда Вам будет, как говорят немцы, Katzensprung до того места, где поздним летом предстоит какое-то собрание, посвященное Достоевскому. На него собирается Ржевский, обещающий непременно посетить меня. Были бы оба особенно рады, если бы и Вы к нам выбрались! После завтра ждем к себе любимейшего нашего поэта (не хочу называть ее «поэтессой»!) Лидию Алексееву. Сейчас она в Париже у Guerra, а от нас поедет в Белград, где у нее много друзей и могила мужа, прозаика Иванникова. Не могу себе представить, что она не послала Вам своего последнего сборника «Время разлук». Вероятно, книга пропала или не застала Вас в Сан Франциско и покоится там где-нибудь в подвале (воображаю, какая у Вас обильная почта, какое количество книг Вы получаете!). Лидия Алексеева, конечно же, пошлет Вам сборник вторично. Но куда его адресовать?

Повесть моего «однопсевдонимника» (без малого!), Андрея Кленова, напечатанная в Н.Р.С. нам понравилась, да и стихи его не плохи. Это, конечно, псевдоним, настоящая его фамилия сугубо-еврейская (мне сообщали, но я не записал и забыл). Встречавшимся с ним он не понравился, очень, говорят, самоуверенный и самодовольный. Это, впрочем, как будто относится почти ко всем новейшим эмигрантам. Я не уразумел, кого Вы именуете «Кленчиковым». Личность, как будто, мифическая?*

Получил от знакомого, побывавшего в Афинах сведения, что в тамошней русской библиотеке есть все мои сборники, и заведующий ею является моим горячим поклонником. А другая знакомая, из Нью Йорка, посетившая там по чьей то просьбе в старческом доме одинокую девяностолетнюю старушку, услышала из ее уст восторженный отзыв о поэте Кленовском, причем старушка продекламировала наизусть мои стихи об ангеле-хранителе! Отрадно было это услышать! Вот такие сообщения поддерживают меня в эти предпоследние мои дни. К тому же, мне последнее время снова пишется и это несмотря на сильные боли и невеселое у нас обоих настроение. И наконец, третьей моей поддержкой (вернее, конечно: первой!) является самоотверженная забота обо мне моей драгоценной жены.

Вы пишете, что след моей жизни (как я понимаю: вообще, не только сборник) «останется». Дай то Бог! Многое будет этому препятствовать, в том числе и невнимание некоторых влиятельных литературоведов (авторам — увы! — нужны такие, пробивающие общее равнодушие и незнание, ледоходы!).

У меня уже готов новый (десятый!) сборник стихов; но я намерен сделать его «посмертным», не издавать при жизни.

Вы правильно сказали: «главное чтобы «там» обняли с радостью. Вспомните, Владыка, что к поэтам «там» всегда были благосклонны! Гумилев, Ростан и еще кто то писали, как поэты стучались в рай и как на это реагировал апостол Петр. У Гумилева:

---

* Конечно. А. И.

«Апостол Петр, бери свои ключи,
Достойный рая в дверь его стучит».

А у Ростана апостол Петр говорит постучавшему, узнав, что он поэт:

«Entrez donc, vous êtes chez vous!»*

Не сочтите, это за гордыню, но мне мерещится иногда, что я в какой то степени схож с бунинским Бернаром. Сделал я в моей жизни что то, хоть малое, но нужное. Из того множества писем от читателей, что я получил за четверть века моей работы, я вижу, что многим принес я не только радость, но и *утешение*, а сколь важно это последнее в нашем мире. Венцом меня «там» не увенчают, в золоченое кресло не посадят, м. б. даже и не обнимут, но по плечу одобрительно похлопают — а чего же лучшего желать?

О себе ничего отрадного сказать не могу. Мучают урологические и брюшные боли. Становлюсь все слабее и уже не могу один выходить, разве чтобы потоптаться у самого дома. Осинушке моей теперь много со мной хлопот и забот, постоянно нуждаюсь в ее помощи. Даже купает меня, аки младенца. Тяжело быть таким беспомощным и так затруднять дорогого тебе человека. Ведь Осинка моя сама все хуже болеет всеми своими хроническими недугами и делает все через силу.

Поручая нас обоих молитвам Вашим, искренне любящий Вас

Д. Кленовский

19 января, 1975 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

У нас уже с декабря несчастье: Д. И. тяжело болеет (сердце) и вместо него пишу Вам поэтому я. Был он очень плох, очень страдал, так как печень, из-за отказа сердца,

* «Входите же, вы у себя дома» (фр.).

наполнилась водой, с которой было трудно справиться. Теперь печени и сердцу несколько полегчало, но Д. И. мучает неимоверная слабость. К несчастью, неожиданно резко повысился процент сахара в крови (он ведь диабетик), и это, вероятно, влияет на весь организм и создает новые заботы и опасения. Больницы, по совету нашего врача, мы избежали; он 15 дней подряд приезжал делать инъекции, привозил даже тяжелую аппаратуру для определения работы сердца. Слава Богу, что у нас такой хороший врач. Ухаживаю я за мужем сама.

Спасибо, дорогой Владыка, за чек, но к сожалению реализовать его мы не можем, возвращаю его и будем благодарны, если Вы замените его долларами в письме, которые я смогу сама обменять.

Новый сборник Д. И. «Теплый вечер» послан Вам еще в ноябре в Сан Франциско, неужели Вы его не получили, у Вас, повидимому, теперь новый адрес?

Д. И. шлет Вам свой сердечный привет и просит о молитве и благословении.

Преданная Вам

М. Крачковская

Санта Барбара, Кал.
24 янв. 1975

Дорогая Маргарита Денисовна,

Получил Ваше письмецо и весьма огорчен тем, что пишете про Дмитрия Иосифовича... Что недомогает он, давно мы знали, но Ваши слова указывают на ухудшение — и значит увеличение страданий его. Как это благородно со стороны доктора так внимательно относиться к больному. Господь да вознаградит его (если ему можно сделать какой либо подарочек из Америки, напишите). Надеюсь что и болеутоляющие у него имеются, для облегчения Дм. Иос-ча. Моя мать, жившая в том городе, где я сейчас на-

хожусь на какой то срок (все мы странники), подойдя к 90 годам страдала от артрита и доктора просила только облегчать ей боли, т. к. понимала, что в ее годы вылечиться от такой болезни невозможно... Дм. Иос-ч с Вашей помощью большой терпеливец и благие силы для этого ему даны... Это конечно самая высокая поэзия жизни, вечности касающаяся — терпение человеческое кроткое. А у Дм. Иос. глаза его, — стихи его все смотрят и смотрят с надеждой не на житейское тут благополучие, а гораздо выше... Соединяюсь с ним и с Вами конечно тоже, в этом уповании величайшем и чудесном. Его явление есть чудо.

Обнимаю Вас обоих. Господь с Вами и мир Его.

С любовью Ваш А. Иоанн.

Нем. чек получил обратно. Вкладываю 20 долл. бумажкой. Я сейчас «полу-на-покое», в церк. отношении. От епархиальных дел просил меня освободить. Вхожу в ряде отношений (не во всех) в «Траунштейнское положение». Престарелость, жизнь среди сада Калифорнского, вечно зеленого; минимум забот внешних, маленькие боли (для смирения) и поэзия, с прозой перемешанная. Конечно не дотянусь тут до Кленовского. Но Господа тоже славлю в жизни своей.

4 февраля, 1975 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

Спасибо за ласковое письмо, за хорошие слова, за помощь, за такие, как всегда, милые нашему сердцу стихи.

Д. И. поправляется так туго, что это меня тревожит. Слаб, во многом беспомощен, с кровати еще подняться не может, истощал. Кроме того, обострились все его хронические недуги и очень его мучают. Повидимому, поправка займет очень, очень много времени, да к тому же он, словно, как-то потерял вкус к жизни.

Из Вашего письма не видно, получили ли Вы новый сборник Д. И. «*Теплый вечер*», посланный Вам еще в ноябре, но по Санфранцискому адресу. Вы надолго обосновались в Санта Барбара? Писать Вам именно туда?

Писем, с восторженными откликами на его книгу, получаю отовсюду много, равно как и встревоженных запросов о его болезни, но отвечать на них не в силах, очень уж я устала и душой и телом, ведь я все время сама ухаживаю за мужем. Спасибо за Ваши добрые слова о нашем милом докторе, это действительно редкость — такой врач в наше время.

Молитесь за нас, дорогой Владыка!

М. Крачковская

Штутгарт
6 августа, 1975 г.

Дорогой Дмитрий Иосифович,

так как Вы с женой одно, то можно сказать, я с Вами хорошо поговорил по телефону... И вот посылаю Вам дыню, грушу, или вишни, или — всего понемногу на балкон, где Вы вдыхаете летний, теплый вечер, а Маргарита Денисовна Вам чего либо читает — из Тютчева, Фета, Кленовского, или других классиков русских...

Но, осознавая, что для поэтов — груша не первоклассное утешение (разве что дынька спелая их утешит), я потому несу Вам, по обычаю (давности уже немалой), несколько строк ритмических и рифмообразных на тему бетховенскую и гомеровскую. Примите благосклонно и, может быть, сочините мне ответный стишок — поэтическими устами своими (или Маргариты Денисовны, что одинаково, т. к. вы — едины).

Обнимаю Вас сердечно

Ваш младший собрат

Странник.

ПОСЛАНИЕ ТЕПЛОМУ ВЕЧЕРУ ТРАУНШТЕЙНА*

Гомер, не удивляйся слепоте,
Неслышанью возрадуйся, Бетховен.
Наш мир так беден, жалок и греховен,
Что окружают нас слова не те,
И образ мира манит нас напрасно.
Всё, что не явлено в веках, — прекрасно
И в сумраке, все зреющем для нас,
Встает, как солнце, Недреманный Глаз.

6 августа, 1976 г.

16 августа, 1975 г.

Дорогой Владыка!

Д. И. был очень рад получить от Вас телефонную и почтовую весточку, последняя еще и со стихами. Не имея от Вас так долго известий, Д. И. огорчался, полагая, что Вы его совсем забыли.

На Ваше, столь удачное стихотворение мы той же монетой отплатить Вам, к сожалению, не можем. Так как, в силу многих, Вам уже известных, печальных обстоятельств, лишены всякого поэтического вдохновения. Д. И. сейчас, вообще, совсем не до стихов. Зрение его заметно с каждым днем ухудшается и близится, повидимому, день, когда он его окончательно лишится. Свое новое большое несчастье он переносит мужественно, но очень тревожится за меня, так как мне предстоит еще больший уход за ним, поскольку он станет совсем беспомощным. Все его хронические болезни донимают ослабевшего Д. И. все сильнее. Только голова его остается, на удивление, свежа. Поскольку он читать и писать больше не может, читаю ему я и веду всю его корреспонденцию, которую, конечно, пришлось сократить, так как в полном объеме это мне не под силу; прошу поэтому Вас, дорогой Владыко, не считаться письмами.

---

* «ТЕПЛЫЙ ВЕЧЕР» — одна из книг Кленовского.

Спасибо за заботливое приложение к письму, но просим больше этого не делать, так как Вам сейчас самому нужны деньги.

Шлем наш сердечный привет и просим молиться за нас в это трудное для нас время.

М. Крачковская

18 марта, 1976 г.

Дорогой и глубокочтимый Владыка!

6-го марта получили через Аллу Сергеевну Ваше письмо, датированное 13 февраля и вложенное в ее письмо. В письме не указан Ваш адрес, и мы не имеем никакого понятия, в какой стране Вы сейчас находитесь, не пишет об этом и А. С. Наш ответ на Ваше письмо я посылаю поэтому А. С. с просьбой переслать его Вам. К сожалению, дорогой Владыка, Вы не держите нас в курсе своих передвижений, и мы нередко адресуем письмо наугад, в результате чего оно странствует за Вами по всему свету, а порой, вероятно, пропадает. На Ваше последнее письмо, полученное прошлым летом, я сразу же ответила, но не знаю, получили ли Вы его...

Несколько слов о Д. И., ведь Вы о нем давно, повидимому, ничего не знаете. Он совсем ослеп, стал совершенно беспомощным — приходится во всем решительно ему помогать. Все его болезни (урологические и кишечник) все быстрее осложняются и приносят ему становящиеся все мучительнее боли, от которых нет никакого избавления. Он невероятно ослабел и исхудал. Я продолжаю, конечно, сама ухаживать за ним, но, к несчастью, чувствую себя тоже все хуже, уже выбывала не раз из строя и тогда невероятно тревожилась, что станется с мужем без меня, ведь он тогда погибнет, так как настоящего ухода за больными, а, тем более, за слепыми, в нашем доме нет. Удивляюсь, что,

несмотря на все вышеуказанное, Д. И. написал за это тяжелое время, полтора десятка стихотворений. Кое что пошло в 121-й номер «Н.Ж.» и будет опубликовано в дальнейших №№. Друзья называют это «подвигом». И действительно, это подвиг, так как слепому писать стихи, как мы в этом убедились, необычайно трудно (чисто технически). Муж заносит строчки стихов вслепую на бумагу, но так неразборчиво, что я потом не могу их прочесть, и он теряет ход мыслей.

Наш любимый Max Vogl умер 18-го октября 1975 г., это для нас большая потеря. После его смерти трижды посетила нас его сестра, тоже очень милый человек.

Недавно посетил нас Ренэ Герра с женой, и на днях должны приехать Рёбер. У Д. И. голова совсем ясная, и такие встречи его радуют.

Шлем Вам наш самый сердечный привет и просим благословения!

Будем всегда рады весточке от Вас.

М. Крачковская

6 января, 1977 г.
Сан Франциско.

Маргарите Денисьевне Крачковской

Узнал о кончине Дмитрия Иосифовича. Мир доброй душе его!.. Как живой стоит он пред взором, — более четверти века были мы в истинно дружеском общении. Такого — у меня не было ни с одним из поэтов. И вот, время Божье пришло ему отойти туда, куда и нам близится время перейти в наш час. Бережно Господь подготовил Д. И. к этому переходу, — дал ему столь удивительную подготовку в такой трезвой и интенсивной мысли об исходе смертном. Думаю, ни у одного русского поэта не было такой *светлой интенсивности* мыслей о смерти, как рождении новом... Храните этот его завет. Божий Свет да будет с Вашей жизнью. Записал Д. И. в поминальную книгу... И — одного не думайте, что Ваша жизнь стала бесцельной. Жизнь человека никогда не бывает бесцельной. Но всегда и прежде всего подготовкой к великому переходу. Подготовление в богопреданности, вере и надежде...

Да будет это с Вами до Вашего последнего земного, первого горнего часа.

С любовью о Христе,

Ваш † Архиеп. Иоанн

Из письма Маргариты Денисьевны

31 марта, 1977 г.

Глубокочтимый Владыка,

Вы просили описать кончину Д. И. Он за три часа до смерти продиктовал мне три письма, которые я отнесла в почтовый ящик в трех минутах от нас и тотчас же вернулась. Он продолжал сидеть в кресле и попросил меня вспомнить с ним вместе всю нашу счастливую 48-летнюю совместную жизнь (как раз в сочельник была годовщина). После этого он захотел со мной помолиться и поблагодарить Бога за всё, что мы и сделали. Тогда он направился к своей постели (всего пять шагов) с моей помощью и со своими вечными болями, и только успел на нее сесть, как вскрикнул: «ах, сердце»! и упал мне на грудь. И это был КОНЕЦ.

⁂

Последние строки этой книги

НЕРАССЛЫШАННАЯ ВЕСНА

Опять пришел я в этот уголок,
Где мир широк и низок потолок.
Вокруг цветут немецкие мимозы
И ветер над землей роняет слёзы
Неслышных и недвижных облаков.

Мне близок всякий образ тишины
И хочется дотронуться рукою
До неба, где вопросы решены.
Ему не надо говорить с тобою,
Слова твои уже ему ясны.

Весну всегда мы любим долго ждать.
Открыто нам терпения значенье,
Мы верим неизбежности цветенья,
Мы любим долгих сроков благодать
И ожидания, и замедленья.

Нам жалко нерасслышанной весны —
Нерусская, она бывает краткой,
Придет нежданно и уйдет украдкой,
Но ею мы теперь побеждены
И арестованы ее порядком.

Мелькнет она среди цветущих трав,
Останутся одни желтофиоли,
И нет уже привычной этой боли,
И солнце на большом своем престоле
Уже молчит, всю истину сказав.

Так мы весну теряем каждый раз.
Едва придя, уже она уходит
И мы не знаем, где она сейчас,
В каких краях она, в каком народе.
Она, быть может, не забудет нас.

Странник

Вюртемберг, март 1977.

ЛИРИКА ДМ. КЛЕНОВСКОГО
(1950 — 1980)

«СЛЕД ЖИЗНИ», 1950.

«НАВСТРЕЧУ НЕБУ», 1952.

«НЕУЛОВИМЫЙ СПУТНИК», 1956.

«ПРИКОСНОВЕНИЕ», 1959.

«УХОДЯЩИЕ ПАРУСА», 1962.

«РАЗРОЗНЕННАЯ ТАЙНА», 1965.

«СТИХИ» — избранное из шести книг и новые стихи, 1965-66 гг. 1967.

«ПЕВУЧАЯ НОША», 1969.

«ПОЧЕРКОМ ПОЭТА», 1971.

«ТЕПЛЫЙ ВЕЧЕР», 1975.

«ПОСЛЕДНЕЕ», 1977.

«СОБРАНИЕ СТИХОВ I, 1980.

ЛИРИКА СТРАННИКА
(1960 — 1980)

«СТРАНСТВИЯ» (лирический дневник), Нью-Йорк. 1960

«КНИГА ЛИРИКИ», Париж. 1966

«УПРАЗДНЕНИЕ МЕСЯЦА» (лирическая поэма), Нью-Йорк. 1968

«НЕСКУЧНЫЙ САД», Калифорния. 1970

«СОЗЕРЦАНИЯ», Сан-Франциско. 1971

«ИЗБРАНИЕ ТИШИНЫ», Калифорния. 1971

«ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА», Стокгольм. 1974

«ИРОНИЧЕСКИЕ ПИСЬМА», Париж. 1975

«ПОЭМА О РУССКОЙ ЛЮБВИ» (вторая редакция «Упразднения Месяца»), Париж. 1977

СОБРАНИЕ ИЗБРАННЫХ ТРУДОВ

Архиепископа Иоанна Шаховского

том I ЛИСТЬЯ ДЕРЕВА (опыт православного духоведения), Нью-Йорк. 1964.

том II КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ, Нью-Йорк. 1965.

том III МОСКОВСКИЙ РАЗГОВОР О БЕССМЕРТИИ, Нью-Йорк. 1972.

том IV К ИСТОРИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (Революция Толстого), Нью-Йорк. 1975.

том V БИОГРАФИЯ ЮНОСТИ, Париж. 1977.

том VI «ПЕРЕПИСКА С КЛЕНОВСКИМ», Париж. 1981.

том VII «ВЕРА И ДОСТОВЕРНОСТЬ» (II-й том автобиографии), Париж. 1981.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ

Office :

1. Archbishop John Shahovskoy
27 East Arrellaga St.
Santa Barbara. Cal. 93101. USA.

* * *

2. Dr. A. Selavry
7 Stuttgart-70 (Sonnenberg)
Degerlocher Strasse 9
Germany.

* * *

3. Irene Chramko
1401 Monroe Street
Santa Rosa. Cal. 95404. USA.

* * *

4. Mr. René Guerra *
37, rue du Fort
92130 Issy-les-Moulineaux
France.

* * *

---

* Склад издания этой книги и сборников Кленовского.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Это не просто переписка двух поэтов, знающих законы поэтики и бережно относящихся к весу и звучанию слов, — это и духовное освещение поэзии.

Душевному влечению Дмитрия Кленовского к надземным источникам его дарования, отвечает долголетним опытом проверенная вера Странника.

С удивительной скромностью оба корреспондента просят, один от другого, критического разбора своих стихов. Иногда Странник, в стихотворных посланиях не лишенных присущей ему беззлобной шутки, предостерегает собрата о возможном соблазне. И Кленовский отвечает ему тоже, то шутливо, то серьезно.

Переписка эта — диалог двух душ под знаком поэзии, как отражения Логоса.